

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра политических наук

На правах рукописи

Алещенко Павел Сергеевич

«Мягкая сила» России в Казахстане: особенности, проблемы, перспективы

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Керимов А. А.

Екатеринбург – 2025

Оглавление

Введение	3
 Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения концепции «мягкой силы»	16
1.1. «Мягкая сила» как категория политологического анализа	16
1.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию концепции «мягкой силы».....	37
1.3. Концептуализация «мягкой силы» в российской внешней политике	59
 Глава 2. Ресурсы и инструменты стратегии «мягкой силы» как средства обеспечения влияния России в Казахстане	84
2.1. Особенности использования российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве	84
2.2. Российская «мягкая сила» в Казахстане: политические и экономические ресурсы	111
2.3. Социокультурные ресурсы российской стратегии «мягкой силы» в Казахстане и эффективность их применения	137
 Заключение	167
 Список использованных источников и литературы	175

Введение

Актуальность темы исследования. На современном этапе своего развития Россия сталкивается с рядом вызовов геополитического характера, которые актуализируют проблему продолжения поиска новых путей для сохранения своего места на политической карте мира как одного из полюсов глобальной силы. Для достижения своих внешнеполитических целей Россия помимо традиционных инструментов также использует потенциал «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы», предложенная в 90-х гг. прошлого века Дж. Наем, впоследствии взятая на вооружение политической элитой ряда государств, из теоретического конструкта трансформировалась в систему практических мер и стала неотъемлемым элементом внешней политики и значительным ресурсом, позволяющим оказывать влияние на другие страны через культурное, образовательное, экономическое и идеологическое воздействие.

После распада Советского Союза перед руководством России стояла задача стратегического характера определения политики взаимодействия с новыми независимыми государствами с целью сохранения своего влияния на них. Было очевидно, что в условиях преобладания центробежных сил попытки сохранить свое влияние политическими и принудительными методами будут неэффективными. Поэтому неизбежно возникла необходимость предложить бывшим республикам Союза для достижения собственных целей привлекательные проекты, которые их могли бы заинтересовать.

Для России на постсоветском пространстве одним из приоритетных направлений является Центральноазиатский регион, в частности Казахстан, где она стремится расширить свое влияние, в том числе с помощью «мягкой силы».

Значимость Казахстана для России обусловлена его географическим положением, общими границами с Россией и Китаем, а также его вкладом в региональную безопасность и стабильность. Кроме того, Казахстан имеет прочные экономические связи с Россией, включая торговлю, инвестиции и энергетическое сотрудничество. Он является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), что еще больше повышает его значимость для России.

В то же время важно признать, что, хотя сотрудничество России с Казахстаном является динамичным и конструктивным, оно не лишено предпосылок для возникновения потенциальных разногласий и трений в различных областях.

В последнее время во внешней политике Казахстана прослеживаются некоторые тенденции. Эти тенденции свидетельствуют о приверженности Казахстана к многовекторной внешней политике, стремлении диверсифицировать международные отношения и стремлении придерживаться сбалансированного подхода во взаимодействии с Россией, Китаем, западным миром и другими партнерами. Кроме того, в регионе активизируются другие глобальные и региональные субъекты (Китай, США, ЕС, Турция), что делает важным анализ методов, используемых Россией для оценки конкурентоспособности и эффективности своей внешней политики. Следовательно, в контексте отношений между Россией и Казахстаном концепция «мягкой силы» приобретает особое значение. Россия прилагает усилия по наращиванию своего влияния в Казахстане за счет использования культурных, образовательных и экономических инструментов. Однако эффективность этих инструментов требует тщательного изучения с учетом уникальных особенностей казахстанского общества и текущего геополитического ландшафта. Анализ стратегии «мягкой силы» России в

Казахстане позволит выявить ее сильные и слабые стороны, оценить ее влияние на общественное мнение и политические процессы внутри страны и разработать рекомендации по повышению ее эффективности. Кроме того, данное исследование может способствовать более глубокому пониманию взаимоотношений между Россией и Казахстаном и перспектив их развития в условиях меняющегося мирового порядка.

Степень разработанности темы. Концепция «мягкой силы» как категория политической науки является предметом исследовательского интереса как зарубежных, так и российских ученых. Исследования по этой теме посвящены различным аспектам этой концепции, которые служат методологической основой для данного диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что понятие «мягкой силы», введенное в научный оборот Дж. Наем, хотя и не использовалось до 1990-х гг., его фундаментальные принципы уже были исследованы в работах ученых более раннего периода, которые в настоящее время признаны предшественниками или альтернативными мыслителями современной концепции. В данном ключе следует выделить труды Ж. Бодрийяра, А. Грамши, Ж. Липовецки, С. Льюкса, С. Стрэнджа¹.

Стоит отметить, что отношение к концепции «мягкой силы» в научном сообществе не было однозначным, и она неоднократно подвергалась критическому анализу, что в итоге побудило Дж. Наю к пониманию необходимости глубокой проработки основных идей концепции и расширения ее теоретической базы. В частности, среди критиков этой концепции можно выделить П. Бильгина, К. С. Грея, Е. Лока, Б. Уомакка, Н. Фергюссона²,

¹ Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. 311 с., Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.; Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.; Lukes S. Power: a radical view. London: Macmillan, 1974. 64 p.; Strange S. The persistent myth of lost hegemony // International Organization. 1987. Vol. 41. № 4. P. 551-574.

² Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008; Gray C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // Strategic studies institute Monograph. 2011; Lock E. Soft power and strategy. Development a strategic concept of power // Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32-50; Womack B. Dancing alone: a hard look at soft power // The Asia Pacific Journal: Japan Focus. 2005; Ferguson. N. Colossus: the price of America's empire. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.; Rugh W.A. American Encounters with Arabs: The "soft Power" of U.S. Public Diplomacy in the Middle East. Greenwood Publishing Group.

которые в своих трудах показывают на некоторые недостатки в разработках Дж. Ная.

Наряду с критиками концепции «мягкой силы» необходимо выделить и других ученых, которые пытались расширить ее содержание, придать ей более строгую научно-практическую ориентированность. Этим аспектам посвящены труды Г. Галаротти, Р. Захарны, М. Клэра, М. Кокса, М. Куналакиса, У. Ру, Э. Фаттора и др.³

Проблемы «мягкой силы» вызывают научный интерес и у российских ученых. Среди них следует выделить труды А. В. Бояркиной, А. А. Великой, В. М. Капицын, Д. М. Ковбы, М. М. Лебедевой, О. В. Лебедевой, Р. С. Мухаметова, А. О. Наумова, П. Б. Паршина, Е. Г. Пономаревой, И. Л. Прохоренко, О. Ф. Русаковой, Л. Р. Рустамовой, К. М. Табаринцевой-Романовой, Е. А. Харитоновой, М. В. Харкевича⁴ и др. Их исследования

2006. 220 p.; Fattor E.M. American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization. Palgrave Macmillan. 2014. 241 p.

³ Gallarotti G. Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used // Wesleyan University, WesScholar. 2011; Zaharna R.S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2007. Vol. 2 (3). P. 213-228; Klare M. Hard power, soft power, and energy power // Foreign affairs. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power>; Cox M. Soft Power and US Foreign Policy. London, 2010; Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // USC public diplomacy. Los Angeles, 2011. 51 p.

⁴ Бояркина А. В. Россия в новой геополитической и геоэкономической реальности между Вашингтоном и Пекином // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8(77). С. 2290-2299; Бояркина А. В. Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 79-97; Великая А. А. Формирование образа России за рубежом как элемент "мягкой силы" // Право и управление. XXI век. 2013. № 3 (28). С. 87-92; Капицын В. М. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. 2009. № 10. С. 70-79; Ковба Д. М. "Мягкая сила" как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, 2017. 158 с.; Лебедева М. М., Харкевич М. В. "Мягкая сила" России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 10-13.; Лебедева М. М. "Мягкая сила": понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 212-223; Лебедева О. В. Современные инструменты "цифровой дипломатии" как важнейший элемент "мягкой силы" // Международная жизнь. 2019. № 5. С. 102-111; Мухаметов Р. С. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 46-57; Мухаметов Р. С. Культурная дипломатия КНР: институты, инструменты и проблемы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4. С. 150-157; Мухаметов Р. С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 78-91; Наумов А. О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 100-110; Наумов А. О. Идейно-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223-229; Наумов А. О., Наумова А. Ю., Белоусова М. В. Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2023. № 100. С. 7-18; Наумов А. О. Философско-этические учения как ресурс «мягкой силы» африканских стран // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 1. С. 48-60; Наумов А. О. «Диалог цивилизаций» как

существенно дополняют теоретическую базу концепции и расширяют понимание особенностей использования «мягкой силы» во внешней политике ряда стран.

В контексте использования культурно-образовательных ресурсов для распространения своего влияния и продвижения национальных интересов значительный интерес представляют труды И. Г. Актамова, А. В. Торкунова, Е. М. Харитоновой⁵ и др. В работах перечисленных исследователей последовательно проводится мысль о значении культуры и образования для укрепления международного имиджа страны и повышения привлекательности национальной культуры.

ресурс «мягкой силы» Исламской Республики Иран // Клио. 2024. № 07 (211). С. 75-81; Наумов А.О. «Мягкая сила» Британской империи в XX в. // Электронный научно-образовательный журнал История. 2024. Т. 15. № 9 (143); Наумов А. О., Демин Д.В., Яценко Е.В., Седова Е.С. Телеканал RT как актор «мягкой силы» Российской Федерации // Журнал Клио. 2025. № 3. С. 193-200; Наумов А. О. Мягкая сила» и публичная дипломатия Исламской Республики Иран на пространстве Большой Евразии // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 3. С. 115-133; Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14-21; Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад // М.: МГИМО (У) МИД России. 2013. 40 с.; Прохоренко И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы – мягкой силы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 68-80; Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель-Observer. 2015. № 11. С. 59-73; Пономарева Е. Г. «Умная сила» как инструмент евразийской интеграции // Панорама Евразии. 2015. № 2 (13). С. 66-69; Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. 2016. № 3. С. 9-17; Прохоренко И. Л., Харитонов Е. М. Мягкая сила бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 39-49; Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. 2010. Вып. 10. С. 173-192; Русакова О. Ф. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.; Русакова О. Ф., Русаков В. М. "Мягкая сила" как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 61-72; Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 37-50; Рустамова Л. Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 145-154; Табаринцева-Романова К. М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. № 4. С. 31-46; Табаринцева-Романова К. М. Концептуализация защиты культурного наследия как инструмента «мягкой» силы // Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 4. С. 473-479; Табаринцева-Романова К. М. «Мягкая Сила»: новые элементы в «Устойчивой» трансформации концепта // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 225-233; Харитонов Е. М. "Мягкая сила" Великобритании. М.: ИМЭМО, 2018. 139 с.; Харитонов Е. М. Эффективность "мягкой силы": проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48-58; Харкевич М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 22-29.

⁵ Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 231-236; Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 85-93. Харитонов Е. М. Образование в политике «мягкой силы» Великобритании // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 397-402.

Различные аспекты «мягкой силы» нашли отражение в трудах В. Г. Иванова, А. В. Исаева, О. Б. Истоминой, Т. А. Подшибяжиной, Е. А. Тюрина⁶, которые акцентируют внимание на проблемах оценки потенциала и эффективности использования политических ресурсов в контексте стратегии «мягкой силы».

Экономические аспекты «мягкой силы» рассматриваются в трудах А. Ж. Бактияровой, Э. Н. Баудияровой, О. А. Васильевой, О. В. Курасовой, В. Н. Мироновой, Е. П. Пьяных, В. С. Ягьи⁷.

Социокультурным аспектам «мягкой силы» и проблемам их использования в Казахстане посвящены работы А. Бактыбаевой, Д. А. Брусиловского, М. Ш. Губайдуллиной, М. Ш. Джанталеевой, А. Енгояна, И. И. Калитько, Е. В. Килимника, В. В. Кондратьева, С. П. Коряковцева, С. О. Кузнецовой, Е. В. Махмутовой, А. О. Наумов, Д. А. Новоселова, Я. В. Осташовой, И. Р. Томберга, А. П. Ушаковой, Ю. С. Филаретовой, В. А. Франц, Е. А. Худоренко⁸ и др.

⁶ Иванов В. Г. Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешне-политического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 101-104; Исаев А. В., Матвиенко В. А. особенности применения «мягкой силы» в контексте реализации образовательного вектора внешнеполитической деятельности России и США (на примере образовательной политики) // PolitBook. 2020. № 2. С. 159-178; Истомина О. Б., Чиглинцев Я. Д. Социально-философские основания концепта «мягкая сила» в современной политической системе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2025. Вып. 1. С. 24-30; Подшибяжина Т. А. Стратегические нарративы как политический ресурс Мягкой силы: «Бессмертный полк» на страже интересов России // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 3. С. 52-59; Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Переверзева О. В. «Мягкая сила» как социокультурный ресурс политического противостояния Эдинбурга и Лондона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 4 (845). С. 118-130.

⁷ Бактиярова А. Ж., Баудиярова Э. Н. Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. № 4. С. 65-70; Васильева О. А., Курасова О. В. российское мороженное как элемент ресурса «мягкой силы» в новых экономических реалиях // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 8; Миронова В.Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(6). С. 15-22; Наумов А. О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 100-110; Пьяных Е. П. «Мягкая сила» железных дорог // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 3 (39). С. 84-97; Ягья В. С. Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 59-70.

⁸ Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2021. № 4(5). С. 400-408; Брусиловский Д. А., Есипов И. И. Специфика воздействия «мягкой силы» Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48). С. 1779-1798; Gubaidullina M. Sh., Paizova A. Russia's "soft power" policy towards Kazakhstan in the research field on Central Asia // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2025. № 1 (150). С. 145-159; Джанталеева М. Ш. Народная дипломатия России и Казахстана как инструмент формирования межгосударственного взаимодействия // Каспийский регион:

Свой вклад в изучение «мягкой силы» внесли и уральские ученые. В частности, работы Д. М. Ковбы, Р. С. Мухаметова, О. В. Русаковой, а также материалы Международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс», организованной Институтом философии и права УрО РОН, состоявшейся в г. Челябинске в 2014 г., были использованы при написании данной работы.

Таким образом, анализ научной литературы по теме диссертационного исследования показывает, что в силу происходящих политических, экономических, социокультурных процессов реализация стратегии «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей и создания позитивного образа страны подвержена воздействию различных факторов, влияющих на ее эффективность. Имеющаяся литература дает достаточную информацию о состоянии дел в сфере реализации российской «мягкой силы» в Казахстане, но в то же время динамизм отношений между Россией и Казахстаном обуславливает необходимость анализа проблемы с учетом складывающихся обстоятельств, что порождает новый пласт вопросов, требующих ответа.

политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 104-108; Енгоян А. Сущность «мягкой силы» России в странах СНГ // *Bulletin of Yerevan University. Vol. 6. International Relations. Political Science*. 2024. Т. 15. № 1 (43). С. 29-41; Калитко И. И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. Т. 10. № 3. С. 29-36; Килимник Е. В. «Российско-казахстанские экономические отношения в области энергетической политики и безопасности при президенте Н. Назарбаеве» // *Теория и практика мировой науки*. 2022. № 8. С. 42-56; Кондрачев В. В., Ахметова А. Б. Влияние западных неправительственных организаций и социальных медиа на ситуацию в Республике Казахстан. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2023. № 3(2). С. 30-44; Коряковцев С. П., Кузнецова С. О. Экспорт российского образования в механизме «мягкой силы» // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2023. № 11. С. 68-74; Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2022. Т. 27. № 27. С. 268-283; Наумов А. О. Историческая память о Великой отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России // *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 6 (116). С. 41-45; Новосёлов Д. А., Кротов А.В. Переход Казахстана на латиницу как опасность для «мягкой силы» России // *Псковский регионологический журнал*. 2018. № 1 (33). С. 3-9; Осташова Я. В. Инструменты мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном // *Вопросы политологии*. 2022. Т. 12. № 1 (77). С. 212-217; Осташова Я. В. Образование как элемент политики «Мягкой силы»: современные политические реалии России и Казахстана // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2021. Т. 10. № 3 (37). С. 220-226; Томберг И. Р. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023. № 1 (35). С. 91-104; Ушакова А. П. Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан // *Мир русскоговорящих стран*. 2023. № 1 (15). С. 22-34; Филаретова Ю. С., Атие Б. Мягкая Сила Акдн как угроза интересам России в Центральной Азии // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 4 (61). С. 175-184; Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. 2020. № 3 (40). С. 54-73; Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 163-182 и др.

Объектом исследования выступает стратегия «мягкой силы» России в Казахстане.

Предмет исследования являются особенности стратегии «мягкой силы» России в Казахстане.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей стратегии «мягкой силы» России в Казахстане.

Задачи исследования:

- проанализировать понятие, сущность и функции мягкой и систематизировать основные теоретические подходы к исследованию концепции «мягкой силы»;
- выявить специфику концептуализации «мягкой силы» в российской внешней политике;
- исследовать эволюцию и выявить характерные черты российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве;
- охарактеризовать отличительные аспекты политических и экономических ресурсов «мягкой силы», используемых Россией в рамках своей стратегии «мягкой силы» в Казахстане;
- проанализировать содержание и выявить характеристики социокультурных ресурсов, используемых в российской стратегии «мягкой силы» в Казахстане.

Наиболее существенные научные результаты и их новизна:

- обобщено категориальное осмысление «мягкой силы» в контексте заявленной темы;
- раскрыта специфика концептуализации «мягкой силы» в российской внешней политике;
- выявлены уникальные черты и отличительные особенности, а также общие тенденции в реализации российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве;

- дана оценка состояния и выявлены особенности политических и экономически ресурсов российской «мягкой силы», используемых в Казахстане;

- установлены характеристики содержания и выявлены особенности социокультурные ресурсов российской стратегии «мягкой силы» в Казахстане.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование «мягкой силы» России в Казахстане имеет теоретическое и практическое значение, поскольку оно охватывает широкий круг вопросов международной политики, культурной дипломатии и взаимодействия между этими двумя соседними странами. Теоретическая значимость данного исследования заключается в расширении научного понимания «мягкой силы», изучении исторических основ российско-казахстанских отношений и выявлении факторов, способствующих взаимному притяжению. Кроме того, данное исследование может послужить основой для будущих исследований в этой области.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы государственными и негосударственными организациями для разработки стратегий продвижения российского культурного наследия и ценностей среди населения Казахстана. Материалы диссертации также могут быть включены в курс лекций по российской «мягкой силе» на постсоветском пространстве для студентов высших учебных заведения и аспирантов профильных направлений.

Методология и методы диссертационного исследования. Теоретическая основа диссертации основана на концептуальных разработках Дж. Ная о «мягкой силе».

В диссертации используется системный подход, рассматривающий «мягкую силу» как совокупность идей, практик и институтов, которые выполняют определенные функции и задачи.

Структурно-функциональный подход позволяет выявить роль и важность структурных компонентов «мягкой силы».

В диссертации также используется неинституциональный подход, который позволяет проанализировать исторический и социокультурный контекст, определяющий развитие стратегии «мягкой силы» во внешней политике.

Институциональный подход позволяет проанализировать специфику функционирования институтов «мягкой силы».

Методология исследования также включает исторический анализ, который помогает проследить истоки и этапы развития стратегии «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности государства.

Деятельностный подход используется при изучении «мягкой силы» как формы взаимодействия, предполагающей субъект-объектные отношения. Этот подход служит основой для применения коммуникативного подхода.

В исследовании используется сетевой подход для изучения роли различных социальных связей между отдельными людьми, сообществами, нациями и уникальной динамики обмена ценностями и интересами.

Ценностно-нормативный подход используется при анализе «мягкой силы» как инструмента управления сотрудничеством с зарубежными странами.

Эмпирическую базу исследования составляют:

- нормативно-правовые акты Российской Федерации по тематике диссертационного исследования;
- материалы социологических исследований, анализирующих различные аспекты оценки реализации «мягкой силы»;
- материалы масс-медиа России и Казахстана.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Мягкая сила» как категория политологического анализа представляет собой концепцию, которая относится к способности государства или другого субъекта влиять на международные отношения и общественное мнение с помощью ненасильственных средств. В отличие от традиционных инструментов власти, таких как военная сила или экономическое давление, мягкая сила опирается на культурные, идеологические и дипломатические

факторы. Суть «мягкой силы» заключается в умении формировать предпочтения других, убеждая их в правильности и привлекательности собственной позиции. Это достигается путем распространения культурных ценностей, образовательных программ, медиаконтента и международного сотрудничества. Важным компонентом также является имидж нации, который формируется на основе ее истории, достижений и поведения на мировой арене.

2. В современном мире, в условиях глобализации и информационной открытости, «мягкая сила» становится все более важным инструментом построения прочных и доверительных отношений между странами. Россия и Казахстан, связанные многовековой историей и географической близостью, активно используют эти инструменты для укрепления двустороннего сотрудничества. Реализация данной стратегии позволяет не только укрепить связи между двумя странами, но и создать долгосрочные стратегические преимущества, способствующие взаимному развитию и формированию позитивного восприятия России и Казахстана на взаимной основе.

3. Политические, экономические и культурные ресурсы России имеют решающее значение для реализации стратегии «мягкой силы» в Казахстане. Политическое влияние России проявляется в постоянном диалоге на самом высоком уровне, участии в таких региональных организациях, как ЕАЭС и ОДКБ, а также в продвижении общих целей в области безопасности и стабильности. Россия является одним из крупнейших торговых партнеров Казахстана, и экономические связи охватывают энергетику, промышленность, транспорт и сельское хозяйство. Социокультурное измерение влияния России проявляется в распространении русского языка и культурных ценностей, поддержке русскоязычного образования, студенческих обменах и культурных мероприятиях. Российские СМИ продолжают оставаться важным средством формирования общественного мнения в Казахстане, особенно среди русскоязычного населения. Их роль как инструмента «мягкой силы» позволяет России сохранять культурное и идеологическое присутствие в стране. Однако в контексте растущей национальной идентичности и цифровизации

медиапотребления это влияние становится все более тонким и требует адаптации. В то же время следует отметить, что успех российской «мягкой силы» в Казахстане зависит от гармоничного сочетания интересов, уважения суверенитета и понимания местных особенностей. Казахстан стремится проводить многовекторную внешнюю политику, направленную на развитие отношений с различными странами, сохраняя при этом свою национальную идентичность и независимость.

4. Давние исторические культурные связи между народами России и Казахстана создают прочную основу для эффективного применения Россией стратегии «мягкой силы». Российские образовательные программы, средства массовой информации на русском языке, а также культурные и образовательные инициативы продолжают оставаться важнейшими инструментами укрепления взаимовыгодных отношений между двумя странами. Российское культурное присутствие в Казахстане сталкивается с проблемами, в том числе с отсутствием эффективного сотрудничества между государственными органами, недостаточной финансовой поддержкой для продвижения русской культуры и нехваткой научных исследований по части изучения восприятия русской культуры казахской общественностью. Для решения этих проблем необходимо повысить качество образовательных услуг России, активизировать работу Россотрудничества и популяризировать русский язык в Казахстане.

5. Внутриполитические изменения и преобразования в Казахстане оказывают значительное влияние на стратегию «мягкой силы» России, требуя изменения тактики и подходов для поддержания и усиления ее культурного и информационного присутствия в казахстанском обществе. Рост национальной идентичности и усиление роли казахского языка в общественной жизни приводят к уменьшению влияния русского языка и культуры. Это актуализирует проблему более целенаправленного использования «мягкой силы», ее диверсификации и интенсификации, концентрируясь на сохранении

русскоязычной культурной сферы и поддержке русскоязычных сообществ с соблюдением суверенитета страны и уважения к национальной специфике.

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается использованием работ ведущих российских и зарубежных ученых по исследуемой проблеме, корректным использованием методов обоснования выводов и рекомендаций.

Апробация результатов исследования. Результаты работы представлены в 8 научных публикациях, 3 из которых изданы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на 5 международных и всероссийских конференциях в г. Москве (2022), г. Екатеринбурге (2022, 2023, 2024).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 235 названий. Общий объем работы – 198 стр.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения концепции «мягкой силы»

1.1. «Мягкая сила» как категория политологического анализа

После завершения эпохи холодной войны мир столкнулся с новыми вызовами и проблемами, для решения которых потребовались меры и механизмы, адекватные требованиям времени. Реакцией на данную потребность стало появление различных теоретических конструкций и моделей, предлагаемых учеными и практиками. Весьма популярной и востребованной оказалась концепция *soft power* «мягкой силы» («мягкая власть»), предложенная американским политологом Дж. Найем⁹ в 90-е гг. прошлого столетия.

Эта концепция, ставшая распространенной в политологическом дискурсе, была призвана ответить на вопросы о том, как отдельное государство должно выстраивать свою политику на международной арене для достижения внешнеполитических целей, а именно расширения своего влияния мирными средствами.

В условиях ускорения процессов глобализации, развития новых информационно-коммуникационных технологий, интенсификации связей между странами, повышения уровня мобильности людей каждое государство стремится к обеспечению своего авторитета и места на мировой арене. Если еще пятьдесят лет назад для достижения этих целей было достаточно

⁹ Nye J.S., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.

экономической состоятельности и возможности демонстрации военной силы, то на современном этапе требуются более гибкие инструменты.

В условиях глобализации и господства транснациональных корпораций перед ведущими странами не стоит задача физического завоевания чужой территории или грубого вторжения в экономическую жизнь более слабых государств. Так или иначе, все страны современного мира с разной интенсивностью и степенью участия в глобализационных процессах вовлечены в дело строительства единого пространства производства, распределения, потребления товаров и услуг. Безусловно, экономические и военные факторы не утратили своего потенциала и возможности быть востребованными. Однако как показывает опыт прошлых лет, эти инструменты более эффективны в сочетании с другими механизмами, которые можно отнести к арсеналу мягкой силы. Экономическая мощь и военный потенциал важны для измерения силы государства, но в то же время очевидно, что постепенно более значимыми становятся нематериальные активы, которые выступают важным фактором привлечения сторонников и формирования благоприятного образа государства. К числу этих нематериальных активов можно отнести привлекательную экономическую модель, свободное, толерантное общество, культурное наследие, достижения науки, высокие стандарты образования, благоприятную экологию и т.д., которые позволяют человеку реализовать свой потенциал и достичь жизненных целей.

Концепция «мягкой силы» Дж. Ная сначала привлекла внимание научного сообщества, а впоследствии была принята на вооружение и политиками. Потенциал «мягкой силы» как инструмента воздействия на сознание партнера, умение привлечь его на свою сторону, склонить к сотрудничеству был оценен в полной мере, и в коротких сроках эта концепция превратилась из теоретической конструкции в модель практической деятельности.

«Очевидно, что любое явление уходит своим корнями вглубь истории, имеет аналоги в прошлом, что дает повод рассуждать о преемственности,

находить те моменты, которые и сегодня оказывают влияние на сущность изучаемого объекта»¹⁰. Вышесказанное в полной мере относится и к концепции «мягкой силы», корни которой можно найти и проследить в истории государств, начиная с древнейших времен и интеллектуальном наследии философов и мыслителей.

Идея «мягкой силы» присутствует в трудах китайских мыслителей древности. Конфуций, Лао-цзы и Сунь-цзы в своих трактатах, объясняя природу политической власти и властных отношений, также указывают на инструменты мягкого воздействия на соперника с целью достижения его благосклонности и расположения.

В частности, конфуцианскую этику управления можно рассматривать как компонент «мягкой силы», при котором ожидается, что правитель обладает моральным превосходством и принимает разумные решения для обеспечения безопасности и процветания нации. До тех пор, пока правитель и его действия соответствуют моральным нормам, считается, что он заслуживает "божественного права править" и неизменной поддержки своих подданных. И наоборот, если он отступает от моральных принципов, его считают недостойным небесной защиты и лишают права править¹¹.

Сунь-цзы более откровенен в своих размышлениях. Он утверждает, что важно разработать план, обмануть противника и, в конечном итоге, одержать победу, не прибегая к силе. С этой точки зрения, использование силы имеет значение только как часть комплексной стратегии обеспечения безопасности. Он подчеркивает важность военной тактики, такой как введение противника в заблуждение, подрыв его тыла и проведение скрытых приготовлений, вместо того чтобы сосредотачиваться исключительно на боевых действиях¹².

¹⁰ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 60.

¹¹ Chan J. Democracy and Meritocracy: Toward a Confucian Perspective // Journal of Chinese Philosophy. 2007. Vol. 34. № 2. P. 179

¹² Харитонов А. И. «Мягкая сила» с китайской спецификой // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. №1 (7). С. 114.

Следует отметить, что наследие древнекитайских мыслителей не предано забвению. В современном Китае, на волне популяризации концепции Дж. Ная, начался поиск собственного смыслового и идеологического наполнения этой концепции с использованием идей своих философов.

Обращая внимание на природу публичной дипломатии, М. М. Лебедева указывает на специфику использования элементов стратегии «мягкой силы» Наполеоном по отношению к завоеванным территориям и народам во время его многочисленных военных кампаний, где он активно привлекал на свою сторону ученых и религиозных деятелей «для налаживания отношений с местным населением»¹³. Наследие Наполеона, адаптированное к обстоятельствам Первой мировой войны на Ближнем Востоке, было реализовано британским офицером Т. Э. Лоуренсом, также известным как Лоуренс Аравийский. Завоевав доверие вождей арабских племен, он не только заручился их поддержкой британских колониальных войск, но и убедил их участвовать в боевых действиях против турецкой армии¹⁴.

Такого рода действия колониальной дипломатии свидетельствуют о стремлении подготовить местных жителей завоеванных территорий к новым общественно-политическим реалиям.

В мирное время меры «мягкой силы» на практике широко используются Соединенными Штатами. Привлекательный имидж страны, связанный с либеральной экономической моделью, священностью и гарантией безопасности прав личности и частной собственности, обществом, в котором сбываются мечты, стал притягивающим для притока иммигрантов в США. В основу этой стратегии легли идеи, изложенные в трудах А. де Токвиля¹⁵, который описывал преимущества американской политической системы и ее направленность на создание благополучной среды для развития личности.

¹³ Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание // Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО: Изд-во «Аспект пресс». 2017. С. 29

¹⁴ Попцов Д. А. «Мягкая сила» публичной дипломатии в контексте современных информационных коммуникаций // Вопросы управления. 2020. № 3 (64). С. 22.

¹⁵ Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. 559 с.

Использование стратегии «мягкой силы» в Новейшее время было обусловлено борьбой двух противоборствующих систем: социалистической во главе с СССР и капиталистической, ведомой США. Как справедливо отмечает А. А. Вилков, «тактика soft power фактически была одним из основных средств идеологической конфронтации между США и их союзниками и социалистическим лагерем, возглавляемым Советским Союзом»¹⁶. В эпоху холодной войны, на волне этого противостояния, случались и горячие стадии, например, война на Корейском полуострове, в Афганистане, мир находился и на грани ядерной катастрофы, которая могла произойти во время Карибского кризиса. Эти системы, несмотря на объявление ими приверженности политике мирного сосуществования, постоянно стремились продемонстрировать свои преимущества и привлекательность любыми способами и средствами. Однако следует отметить, что из-за недостаточного уровня развития и массового распространения технологий массовых коммуникаций использование инструментов «мягкой силы» в середине и конце двадцатого столетия нельзя считать всеобъемлющим и решающим в борьбе между двумя системами.

Таким образом, «мягкую силу» можно рассматривать как стратегию, которую различные государства, отдельные политические лидеры использовали на протяжении всей истории человечества для достижения своих целей. Данная стратегия была частью внешней политики наряду с ведением войн. Она могла предшествовать военным действиям или последовать после них, но было очевидно, что силовое воздействие не может гарантировать лояльность побежденного соперника на постоянной основе, что необходимы и другие средства, способы влияния, которые обеспечили бы относительный мир хотя бы не на большие периоды времени.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что концепция Дж. Ная не может считаться исключительно принадлежащей ему идеей. Как показывает опыт ряда стран на различных этапах своего развития, несилевое влияние

¹⁶ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2014. № 2. С. 66-74.

всегда находилось в арсенале политиков, которые с разной степенью успешности, эту стратегию применяли на практике. И Дж. Най себя тоже не считал безусловным автором этой идеи. Анализируя его наследие, М. М. Лебедева справедливо отмечает, что «рассуждения [Дж. Ная] строились на том основании, что со времен появления человечества одни группы так или иначе "мягким образом" влияли на других»¹⁷.

Кроме использования на практике инструментов мягкого воздействия в отношении соперничающей стороны для достижения своих целей, в истории общественно-политической мысли имеется немало разработок, свидетельствующих о том, что идея «мягкой силы» всегда находилась в центре внимания мыслителей. Осознавая непродуктивность насилия на постоянной основе, ученые, анализируя различные сферы общественной жизни, особенности культуры, менталитета, пласты сознания и психологии, стремились найти ответ на вопрос, как удержать в сфере своего влияния соседа, партнера, соперника, не прибегая к силе оружия, не используя материальные средства.

Мыслители каждой эпохи по-своему отвечали на данные вопросы. Например, основоположник *real politik* Н. Макиавелли в своем трактате «Государь»¹⁸ уделяет немало внимания аспектам косвенного влияния на политические процессы. Среди инструментариев такого подхода он называет шантаж, подкуп, дезинформацию, обман, саботаж и т.д. Кроме того, для удержания завоеванные территории под своей властью он предлагает «сохранить прежние законы и подати и тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя»¹⁹.

Концептуально и идеологически разработки Дж. Ная восходят к учению итальянского философа А. Грамши о «культурно-идеологической гегемонии»²⁰, где можно найти немало сходств. Рассуждения А. Грамши направлены на

¹⁷ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. №3 (54). С. 213.

¹⁸ Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. 656 с.

¹⁹ Там же. С. 52-53.

²⁰ Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. 559 с.

выявление факторов, обеспечивающих устойчивость и стабильность государства. В качестве этих факторов он выделяет силу и согласия, которые при разумном сочетании будут действенны и приведут к желаемому эффекту.

Очевидно, что, будучи человеком коммунистических взглядов, А. Грамши больше занимали проблемы капиталистических обществ, которые существенно трансформировались после российской Октябрьской революции. Власть и капитал стремились найти новые способы налаживания коммуникаций с обществом. Бесконечное удовлетворение материальных потребностей населения в капиталистических странах не представлялось возможным, и поэтому требовались иные средства достижения легитимности власти. Необходимы были шаги, меры против господствующего психологического состояния в обществе, которое рассматривалось через призму капиталистических отношений и рефлексировалось в массовом сознании как экономическое насилие и эксплуатация. На психологическое состояние, как справедливо считал А. Грамши, можно воздействовать через культурные и идеологические установки. Он вводит понятие «гегемонии», которое использует для описания государства, характеризующегося достижением достаточного уровня согласия. Это соглашение – не просто пассивное согласие, а скорее активное содержание, при котором граждане добровольно принимают требования правящего класса. Гегемония коренится в «культурном ядре» общества, охватывающем представления о мире, морали, традициях, символах, а также накопленную мудрость и опыт предыдущих поколений. Революция требует «молекулярного давления» на это «культурное ядро» посредством распространения широкого спектра публикаций, брошюр, статей, театральных представлений и других средств повседневной пропаганды²¹.

²¹ Глазунов О. Современные революционные технологии. Стратегия, технология и тактика «цветных» революций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/156923/readpart-sovremennye-revoljucionnye-tehnologii-strategiya-tehnologiya-i-taktika-tsvetnyh-revoljutsij-oleg-glazunov> (дата обращения: 24.02.2024).

Если сравнивать концепции А. Грамши и Дж. Ная, как уже выше было отмечено, можно обнаружить ряд сходств. Для них характерно присутствие два вида влияния. Если у А. Грамши – это насилие и согласие, то у Дж. Ная – «жесткая» и «мягкая» сила». «Оба автора подчеркивают важность традиций, культурного наследия и основных ценностей для достижения доминирующего положения. Они подчеркивают важность гражданского общества в процессе создания и поддержания влияния государства. Однако между их взглядами существуют различия. А. Грамши утверждает, что гегемония необходима для достижения целей внутренней политики, а именно для поддержания авторитета правящего класса. Дж. Ная, напротив, подчеркивает важность "мягкой силы" в достижении внешнеполитических целей. Расхождение в идеологических ориентациях этих авторов очевидно в их оценке предмета их исследования. В то время как Дж. Най утверждает важность культивирования "мягкой силы" для создания положительного имиджа государства, тем самым укрепляя альянсы и привлекая сторонников, А. Грамши подчеркивает необходимость гегемонии для достижения целей внутренней политики. Он подчеркивает важность оспаривания авторитета правящего класса с помощью его собственных методов и стратегий, нацеленных на разрушение его культурной основы и постепенное создание условий для революции. Важно понимать, что А. Грамши выступает за такую форму "подрывной деятельности", которая направлена на трансформацию сознания, а не просто на использование существующих структур власти»²².

Отвергая принцип историчности, можно предполагать, что «мягкая сила» - это явление, характерное для периода конца двадцатого столетия, отражает специфику современного этапа развития человечества, т.е. обращение к стратегии «мягкой силы» обусловлено техническим прогрессом, развитием новых технологий, распространением новых каналов коммуникации, делающими неэффективным и бессмысленным использование в некоторых

²² Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, УрФУ, 2017. С. 22.

случаях «жесткой силы». Такой подход можно объяснить отчасти расширением поля международных отношений и увеличением количества акторов, среди которых не только государства, но и транснациональные кампании, преследующие собственные цели. Исходя из такой постановки вопроса, поиск исторических примеров и теоретического обоснования ретроспективно приводит к размыванию сущности понятия «мягкая сила» и отождествлению ее с понятиями «пропаганда», «культурное влияние» и т.д.

Ключевым в концепции Дж. Ная является привлекательность ценностей и идей для других стран и добровольность их участия в процессе международной коммуникации и культурного обмена. Эти два фактора позволяют говорить о том, что государство действительно использует «мягкую силу», а не маскирует «жесткую силу» под «мягкое воздействие». М. М. Лебедева, анализируя сходства и различия «мягкой силы» и пропаганды отмечает, что пропаганда может использоваться как в рамках «жесткой силы» (военная пропаганда), так и в рамках «мягкой силы», так как она не всегда основывается на добровольности участия и привлекательности. «Более того, - добавляет ученый, пропаганда не отрицает использования различных стратегий влияния на общественное мнение, что, по сути, не допускается "мягкой силой"»²³.

Таким образом, в рамках подхода, определяющего «мягкую силу» в качестве нового явления для политических процессов, главной проблемой оказывается сложность однозначного такого определения, которое бы снимало вопросы возможности более раннего использования «мягкой силы». Отождествление «мягкой силы» с похожими на нее явлениями ведет к еще большему усложнению процесса определения «мягкой силы».

Однако, на наш взгляд, две представленные точки зрения не противоречат друг другу. Отдельные инструменты «мягкой силы» использовались различными государствами на протяжении всей истории их развития. Все же именно в конце двадцатого века формируются уникальные, не имевшиеся до этого условия, которые позволяют существовавшие до этого элементы «мягкой

²³ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. №3 (54). С. 214.

силы» превратить в целостную систему, использование которой становится более эффективным для государства, чем использование традиционных средств влияния, таких, как экономическая и военная мощь. Поэтому согласимся с мнением Ю. Г. Чернышова о том, что «можно говорить об отдельных проявлениях политики "мягкой силы" в далеких исторических эпохах (от древности до нового времени), однако в "узком" смысле концепцию "мягкой силы" уместнее применять к реалиям новейшей истории»²⁴.

Как уже было отмечено выше, несмотря на исторические примеры использования отдельных элементов «мягкой силы», а также на активную разработку данного концепта последователями Дж. Ная, определение данного понятия на сегодняшний день остается размытым, хотя и имеется множество вариантов, а его суть в большей степени проясняется на конкретных примерах.

Термин *soft power* имеет различные варианты перевода, что создает почву для интерпретации его содержания и сущности. Его многозначность определяется спецификой английского языка, которая придает этому словосочетанию некую образность, метафоричность. В Новом англо-русском словаре 1994 г. издания понятие *power* переводится как могущество, власть, влияние, а понятие *soft* как мягкий, легкий²⁵.

Перевод слова *power* на русский язык как «сила» является более приемлемым для восприятия смысла данного словосочетания, поскольку власть ассоциируется с силой, способной навязывать свое мнение различными способами – от насилия до убеждения, от применения физического воздействия до формирования соответствующей модели поведения человека посредством воздействия на его сознание.

Это согласуется с мнением о том, что власть, если рассматривать ее в широком смысле, эквивалентна влиянию и охватывает весь спектр стратегий влияния – от убеждения (влияние, достигаемое без материального поощрения

²⁴ Чернышов Ю. Г. Исторический опыт использования государствами "мягкой силы": к итогам дискуссий // Известия АлтГУ. 2019. №2 (106). С. 87-91.

²⁵ Новый англо-русский словарь: Ок. 60000 слов / В.К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. М.: Русский язык, 1994. С. 561, 686.

или применения/угрозы применения наказания) до умеренного давления или компромисса и, в конечном счете, до крайнего принуждения, применения силы или принуждения²⁶.

Поэтому термин *soft power* уместно переводить как «мягкая сила», хотя встречается и другой вариант перевода как «мягкая власть». Поскольку концепция *soft power* возникла как противоположность концепции *hard power* (жесткая сила), то правомерно будет использование первого варианта («мягкая сила»), при котором сохраняется смысл метафоры. В пользу этого варианта говорит также то, что в научной среде и публицистике чаще используется словосочетание «мягкая сила». Таким образом, в данном исследовании *soft power* будем рассматривать как «мягкую силу», стратегию власти, используемой ею для достижения своих целей.

Впервые понятие «мягкая сила» Дж. Най использует в 1990 г. и определяет его как «способность государства структурировать ситуацию таким образом, чтобы другие страны развивали предпочтения или определяли свои интересы способами, согласующимися с его собственными»²⁷. В последующих работах он пытается конкретизировать свое понимание «мягкой силы», но всегда дает образные и метафоричные определения, например, рассматривая ее как «способность достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или подкупа»²⁸.

Дж. Най также предпринимает попытку дать определение «мягкой силы» через противопоставление ее «жесткой силе». Это очевидно из анализа некоторых его работ. Он дает какую-либо характеристику «мягкой силе» — затем использует это же основание для того, чтобы описать «жесткую силу». Например, «жесткая сила» или «принуждающая сила» означает способность обеспечивать соблюдение законов с помощью военной и экономической мощи страны. «Мягкая сила» возникает, когда нацией восхищаются за ее культурные,

²⁶ 26 основных понятий политического анализа // Политнаука. 2008. URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/26osn.php> (дата обращения: 04.04.2024).

²⁷ Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 168

²⁸ Nye J. Soft Power. The means to success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. P. 10.

политические и программные аспекты. «Жесткая сила» по-прежнему имеет решающее значение в мире, где государства стремятся защитить свой суверенитет, а негосударственные субъекты, такие как террористические группы, готовы прибегнуть к насилию. Но «мягкая сила» обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества»²⁹.

Очевидно, что с помощью такого описания невозможно сформулировать научное определение. Подобное описание позволяет охарактеризовать два явления только на основе их сравнения. В результате такого анализа Дж. Най приходит к выводу, что «мягкая сила» и «жесткая сила» дополняют друг друга, а соотношение их использования зависит от многих факторов, таких как конкретные цели и задачи, которые решает государство в текущее время, наличие определенных ресурсов «мягкой» и «жесткой» силы, сложившаяся геополитическая ситуация и др. На этом фоне возникает концепция «умной силы»³⁰, предполагающая сочетание ресурсов и возможностей «мягкой» и «жесткой» силы для решения конкретных внешнеполитических задач, т. е. «умная сила» позволяет оптимально сочетать ресурсы власти, доступные государству.

Нельзя утверждать, что Дж. Най является первым и единственным исследователем в своем роде, который задумывался над проблемой расширения и укрепления международного авторитета государства. Проблема замены силовых методов в международных отношениях иными средствами находилась в центре внимания и других ученых. Одним из них является научный сотрудник Лондонского университета Брунеля И. Фань³¹, который попытался сгруппировать имеющиеся определения «мягкой силы». В частности, «мягкую силу он определяет как:

- 1) способность формировать предпочтения других;

²⁹ Nye J. Soft Power. The means to success in World Politics. P. 10.

³⁰ Най С. Джозеф (младший). Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014.

³¹ Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy vol. 4 (2008), №. 2. P. 148.

2) способность привлекать, т.к. именно привлекательность ведет в дальнейшем к уступчивости;

3) способность заставить другого захотеть того же, чего желаете Вы сами, в силу привлекательности своей культуры или же идеологического аспекта;

4) демонстрацию определенных ценностей, которыми восхищаются другие, и, желая добиться того же уровня процветания и открытости, готовые следовать за тем, кто этими ценностями обладает;

5) ключевой элемент лидерства, которое дает право формировать выгодную для себя повестку дня; хотеть того же, чего хотите Вы.

Другой ученый, британский исследователь в области международных отношений, один из создателей международной политической экономики С. Стрэндж в своей работе «Государства и рынки» последовательно придерживается идеи структурной власти как власти, способной устанавливать рамки, в которых государства должны взаимодействовать друг с другом, корпорациями и отдельными лицами³². По ее мнению, контроль над системой имеет более важное значение, чем контроль над активами, и она подчеркивает важность переоценки истинной ценности экономических ресурсов и военного потенциала, чтобы оценить различия между крупными державами в современном мире.

«Власть может достигать результатов не только за счет использования материальных или нематериальных средств, но и за счет создания определенных структур, включая систему тайной деятельности государства, что, в свою очередь, превращает эти структуры в мощный инструмент, определяющий правила игры»³³.

Другой исследователь, итальянский политолог С. Гуццини, рассматривает власть как способность воздействовать, т. е. преобразовывать ресурсы с целью влияния на отношения. Для него власть не обязательно является чем-то

³² Strange S. States and markets. A&C Black, 1998. P. 25.

³³ Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона. С. 23.

материальным, которое должно быть привязано к какому-то человеку, а не к другим, а представляет собой диффузный процесс, проходящий через агентов³⁴.

Современная философия, с ее акцентом на культуру потребления, внесла значительный вклад в эволюцию концепции «мягкой силы».

Приверженцы постмодернистской философии разработали множество определяющих формулировок понятия адаптируемой (гибкой) силы: «идея «соблазнения» Ж. Бодрийяра, концепция «обольщения» Дж. Липовецки, концепция З. Баумана о "текущей современности"»³⁵.

Соблазн, по Ж. Бодрийяру, как отмечает О. Ф. Русакова, представляет собой господство над символической вселенной. <...>. В мире визуальных представлений и виртуальных объектов соблазн становится силой, которая сравнима или даже превосходит все другие методы контроля. Стратегия обольщения – это техника заманивания с помощью приманки, техника, которая представляет иллюзию в качестве объекта желания, погружая человека в виртуальный мир с радостным восторгом³⁶.

Другой представитель философии постмодернизма Ж. Липовецки считает, что обольщение в современном обществе – это «особая стратегия, которая пронизывает все современные реалии – политику, производство, образование, сферу услуг, повседневный быт; это вездесущая невидимая сила, стремящаяся регулировать потребление, организацию, информацию, образование, нравы. Отныне, утверждает Ж. Липовецки, «все социальное существование теперь подчинено новому подходу, который разрушает производственные взаимодействия в пользу повышения значимости связей обольщения»³⁷.

В полной мере мнение Ж. Липовецки может быть спроецировано и на сферу политических отношений, и стратегию обольщения можно

³⁴ Guzzini S. Structural power: The limits of neorealist power analysis // International Organization. 1993. Vol. 47. Issue 3. P. 462.

³⁵ Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 11-12.

³⁶ Soft power: теория, ресурсы, дискурс. С. 12.

³⁷ Липовецки Ж. Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 33-34.

рассматривать как часть политических технологий, с помощью которой можно достичь привлекательного образа политического субъекта.

Таким образом, можно отметить, что в наследии философской и политической мысли имеются теории, близкие по содержанию к концепции «мягкой силы». Сходство прослеживается в разделении источников и ресурсов власти на материальные и нематериальные активы, предложении способов воздействия на массовое сознание с целью правильной ориентации общества с точки зрения властей и т.д. И, поскольку Дж. Най так и не предложил четкого формализованного определения «мягкой силы», то мы возьмем за основу определение, предложенное О. Ф. Русаковой, которая считает, что «мягкая сила» - «это способность добиваться желаемого на основе соблюдения принципов добровольности и ненасилия, это оказание нужного воздействия с помощью привлекательных идей, ценностей и образов»³⁸.

По мнению О. Ф. Русаковой, понятие «мягкой силы» в современных политических исследованиях приобрело характер концепта. Это означает, что данное понятие имеет разные версии толкования в связи с тем, что используется большим количеством исследователей для объяснения самых разнообразных явлений. И в ходе этого процесса каждый автор толкует «мягкую силу» по-своему, наделяя ее новыми смыслами, что приводит к тому, что «понятие приобретает многослойную смысловую структуру, многозначность и интерпретативное разнообразие»³⁹.

Подытоживая, следует отметить, что концепт «мягкая сила» используется исследователями в следующих смыслах:

1) способность государства к политической мобилизации внутри страны и вовне (определение указывает на частный случай возможности использования «мягкой силы»);

³⁸ Русакова О. Ф. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Известия Уральского университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12, № 1 (161). С. 53.

³⁹ Русакова О. Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Антиномии. 2010. С. 173-192.

- 2) оказание влияние на других людей при помощи символических ресурсов (определение указывает на частный случай ресурсов);
- 3) способность заставить людей любить себя (слишком абстрактное определение);
- 4) воздействие на мир при помощи цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности (определение «мягкой силы» как процесса, что не позволяет ее измерить);
- 5) комплексный инструментарий для решения внешнеполитических задач (определение через инструменты, а не выявление сути)⁴⁰.

Множество подходов к определению «мягкой силы» раскрывают ее различные составляющие и позволяют проанализировать, из каких элементов она складывается. Авторы различных определений обращают внимание в первую очередь на ресурсы и инструменты «мягкой силы». Однако во многих исследованиях эти понятия являются неразграниченными, в результате чего возникают проблемы с анализом использования «мягкой силы», так как само по себе наличие привлекательных ценностей и идей не означает того, что они обязательно будут использованы государством во внешней политике и реализованы посредством инструментов «мягкой силы». Этот аспект проблемы отражен в работе Д. М. Ковбы, которая отмечает, что «важно различать пассивный потенциал "мягкой силы" государства (ресурсы для "мягкой силы") и его активные действия»⁴¹, что означает, что «мягкую силу» следует рассматривать как возможность и как действие.

Потенциал представляет собой ресурсы или источники «мягкой силы», т. е. то, что может быть использовано для привлечения, притяжения, создания привлекательного образа. «Мягкая сила» как деятельность реализуется посредством инструментов или механизмов, которые позволяют, используя ее ресурсы, воплотить в жизнь потенциал «мягкой силы».

⁴⁰ Цит. по: Soft power: теория, ресурсы, дискурс. С. 11.

⁴¹ Ковба Д. М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С.136-139.

Сам Дж. Най считает, что ресурсы «мягкой силы» – это «те, которые оказывают привлекательное воздействие»⁴². Он считает, что «мягкая сила» не сводится к убеждению на основе неоспоримых аргументов, ее сила заключается в привлекательности и притяжении. Именно эти две характеристики повторяются в различных определениях и описаниях «мягкой силы» Дж. Наем.

По Дж. Наю привлекательность основывается на трех основных источниках или, как их чаще всего называют, ресурсах:

1) культура, т. е. культурная привлекательность, основанная на богатом культурном наследии и действующей в обществе массовой культуре. Культура понимается как в широком смысле слова – материальная и духовная, так и в узком формате – культура жизни людей (качества, образа и условий их жизни). К этому виду ресурсов мы можем отнести действующую систему образования, достижения в области науки и техники, а также религиозные ценности, позволяющие объединять людей;

2) политические ценности, т.е. политические права и свободы, демократия, свобода, самоуправление, либеральная идеология и т.д. Дж. Най отмечает, что в данном случае важно, чтобы страна сама жила в соответствии с этими ценностями и руководствовалась ими в международных отношениях⁴³. Этот вид ресурсов также следует понимать более широко. К нему относятся общественно-политические ценности, история страны, ее победы;

3) проводимая внешняя политика, имеющая моральный авторитет и признаваемая другими государствами в качестве легитимной. Эти ресурсы связаны со стилем внешней политики и, по мнению Дж. Нае, имеют наибольшее влияние в представленной триаде. Иными словами, агрессивная и непопулярная среди других государств внешняя политика может обесценить первые два вида ресурсов.

Дж. Най отмечает, что привлечение к сотрудничеству зависит от того каким образом в ходе внешней политики формулируются цели. По мнению

⁴² Nye J. Soft Power. The means to success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P. 10

⁴³ Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 152-153.

ученого, стратегия, основанная на широкой и дальновидной цели, более привлекательна для других, чем ограниченная и близорукая⁴⁴.

О. Л. Леонова, исследуя концепцию Дж. Ная, также приходит к выводу об особой значимости такого ресурса «мягкой силы», как внешняя политика: «эффективность "мягкой силы", особенно, что касается ее главного, третьего по счету ресурса, определяется субъективным фактором и тесно связана с личностью политического лидера страны»⁴⁵.

В ряде работ «мягкая сила» интерпретируется как актив «жесткой силы». Речь идет о таких ситуациях, когда военная и экономическая мощь государства могут быть использованы не для принуждения или подкупа, а для «мягкого» влияния. Например, военный потенциал используется для защиты мирного населения. Однако этот подход несколько противоречит концепции Дж. Ная. Ученый подразделяет «жесткую силу» на принуждение и побуждение. Основными средствами принуждения, скорее всего, будут сила и наказания, в то время как методы побуждения включают финансовые стимулы и подкуп, т.е. заставлять и убеждать можно как с помощью военной, так и с помощью экономической мощи. Таким образом, исходя из трактовки Дж. Ная, использование «жесткой силы» в виде побуждения нельзя отнести к ресурсам «мягкой силы».

Исследуя источники «мягкой силы», российский ученый А. В. Будаев отмечает, что «в более поздние времена они стали включать в себя привлекательность внутренних политических систем, экономические успехи и даже образ жизни и ценности, особенно в Соединенных Штатах»⁴⁶. Сам автор концепции «мягкой силы» отмечает, что причиной привлекательности может быть эффективная экономическая система, международные институты, управляемые этой страной, установление повестки дня и легитимных правил

⁴⁴ Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10 С. 35.

⁴⁵ Леонова О. Г. Джозеф Най и "мягкая сила": попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 107.

⁴⁶ Будаев А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С.189-205.

международного взаимодействия. Однако ранее мы уточнили, что «мягкую силу» следует рассматривать как минимум в двух аспектах – как потенциал (ресурсы), и как деятельность (инструменты). Следовательно, становится очевидным, что предлагаемый Дж. Найем триады действительно может рассматриваться как преимущество, повышающее привлекательность страны для других. Это также может включать экономические аспекты, такие как привлекательная экономическая структура или модель экономического роста, вместо того, чтобы полагаться на экономические инструменты для оказания влияния (в данном контексте мы имеем в виду «мягкую силу»). Однако определение повестки дня – это уже не ресурс, а скорее процесс, как и установление правил международного сотрудничества.

Еще одна вариация дефиниции «мягкой силы» заключается в ее определении через инструменты. В такой интерпретации «мягкая сила» рассматривается как многогранный инструмент достижения внешнеполитических целей, опирающийся на потенциал гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные методы и технологии в отличие от традиционной дипломатии⁴⁷. Так «мягкая сила» определяется в Концепции внешней политики России 2013 года. В данном случае внимание акцентируется на практической части концепта, т. е. на том, каким образом государство видит для себя возможность использования «мягкой силы». Можно заключить, что в политологической литературе предпринимаются попытки дать содержательное и научное определение данного феномена, а также присутствует стремление раскрыть его через определение свойств и ресурсов «мягкой силы», т. е. того, на чем она основывается, что для нее характерно. В нормативном определении акцент смещается на практическую составляющую «мягкой силы», т. е. она рассматривается в качестве активной деятельности государства по решению своих задач на международной арене.

⁴⁷ «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 12.02.2013) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Институты «мягкой силы» позволяют государству преобразовать ресурсы «мягкой силы» в конкретную деятельность, через инструменты «мягкой силы». Выделяют структурно-инструментальный уровень «мягкой силы»⁴⁸, включая в него как собственно институты (национальные службы, средства массовой информации), так и инструменты (общественная дипломатия, образовательные программы и т.д.). В этом случае происходит смешение институтов и инструментов «мягкой силы».

Определение «мягкой силы» через инструменты также присутствует в работах Дж. Ная. Как считает исследователь, «мягкая сила – это способность воздействовать на других путем создания альянсов, формирования повестки дня, убеждения и повышения привлекательности для достижения желаемого результата»⁴⁹. Однако в этом описании инструменты четко не определены и отражены не полностью.

Д. М. Ковба к инструментам «мягкой силы» относит «использование общественной дипломатии, продвижение нормативной силы, установление повестки дня, усилия по созданию привлекательного имиджа»⁵⁰. К инструментам «мягкой силы» причисляют образование⁵¹, программы по обмену, гуманитарную помощь⁵², туризм, спорт и культурные обмены, миграционную политику⁵³ и др.

Таким образом, «мягкая сила» обязательно включает в себя три элемента. Она берет свое начало из различного рода ценностей, которые могут быть привлекательны для других стран, вызывают уважение и желание перенимать опыт, развиваться в том же направлении. Эту основу или источники «мягкой силы» обычно называют ресурсами. Дж. Най отмечает, что ресурсы «мягкой

⁴⁸ Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона // Дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук. Екатеринбург, 2017. С. 49

⁴⁹ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990. P. 20-21.

⁵⁰ Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона. С.51.

⁵¹ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 4 (25). С. 85-92.

⁵² Nye J. The war on soft power // Foreign policy. 2011. [электронный ресурс] URL: <http://foreignpolicy.com/2011/04/12/the-war-on-soft-power/> (дата обращения: 03.04.2024).

⁵³ Леонова О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель - Observer. 2013. № 4. С. 29-32.

силы» – это некий потенциал, то есть они не работают в моменте, а создают основу для политических действий, то есть для реализации инструментов «мягкой силы»⁵⁴. Однако применение инструментов «мягкой силы» требует наличия специализированных институтов, роль которых заключается в преобразовании ресурсов в действие.

Тем не менее, заслуга Дж. Ная заключается в том, что он перенес концепцию «мягкой силы» из области философских размышлений в сферу политической практики, с национального уровня на международную арену, действуя в духе американского прагматизма. Он раскрыл потенциал «мягкой силы» как инструмента усиления влияния государства на мировой арене. Наиболее важным аспектом является то, что эта концепция приобрела вес не только в теории, но и на практике, благодаря использованию современных технологий. Это позволило добиться возможности оказания всестороннего воздействия на общественное мнение при этом, практически не имея пространственного ограничения. Идеи Дж. Ная были понятными и запоминающимися, что отличало их от сложных теорий других ученых. Их близость к реальности сделала их доступными и ясными широкой аудитории, а знакомства Дж. Ная с властными структурами позволили концепции «мягкой силы» распространиться не только среди ученых и политической элиты, но и среди широкой общественности.

⁵⁴ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P.99

1.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию концепции «мягкой силы»

Историю человечества можно рассматривать как череду событий, основанных на применении силы для достижения поставленных целей. В разные периоды существования государства, политические лидеры прибегали к силе как к инструменту для обеспечения своего влияния в мире. С усложнением системы международных отношений на современном этапе появились новые субъекты политических отношений, стремящиеся влиять на ход мировой истории. Главным инструментом в этих процессах является сила, которая по-прежнему имеет решающее значение.

Категория силы всегда привлекала внимание исследователей своей сложностью и многоаспектностью. Однако следует отметить, что относительно определения данной категории в научном сообществе не сложилось единого мнения.

Выдающийся американский политолог Г. Моргентау посвятил немало своих работ исследованию этой категории, отнеся ее к области сложных, неоднозначных проблем политической науки⁵⁵. Данной проблеме посвящены работы и другого исследователя, Р. Даля, чье определение силы как способности одного субъекта заставить другого действовать по своему усмотрению вопреки его воли⁵⁶, на сегодняшний день является преобладающим.

На протяжении всей истории главным эффективным инструментом в международных отношениях выступала сила с использованием военных

⁵⁵ Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. McGraw-Hill Education; 7 ed.: 2005. P. 27.

⁵⁶ Dahl R. A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. № 2:3. July. P. 201-215.

ресурсов. Суть этого подхода отчетливо отражена во мнении американского военного теоретика К. Норра, который считает, что «силу на международной арене можно рассматривать как обладающую способностью эффективно отражать реальные угрозы»⁵⁷.

Обширная практика применения силы в международных отношениях создала огромную эмпирическую базу для анализа, которая позволяет выделить несколько направлений в понимании сути и содержания этой категории. В интерпретации категории силы сложились следующие основные направления: школа политического реализма, школа в рамках либеральных традиций, школа структурализма и школа геополитического подхода.

Основоположник школы политического реализма Г. Моргентау силу рассматривает как средство, исключительно принадлежащее государству, которое располагает совокупностью всех необходимых ресурсов для ее использования на практике. Поскольку сила является фундаментальным аспектом международных взаимодействий, очевидно, что она служит ориентиром для оценки потенциала и влияния государства, его способности воздействовать на других участников и достигать своих целей.

Источниками силы он считает географическое положение, численность населения, отличительные черты национальной культуры и менталитета, уровень промышленного развития, наличие природных ресурсов, эффективность государственного управления и успехи в международной дипломатии. Оценивая силу как «власть над умами и действиями людей» Г. Моргентау, тем не менее, рассматривал силу только через призму принуждения, не развивая другие возможные ее трактовки как мощь, власть, влияние⁵⁸.

Другой представитель направления политического реализма Р. Клайн определяет силу как «способность одного правительства заставить другое

⁵⁷ Knorr K. The Power of Nations. New York, 1975. P.9.

⁵⁸ Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. New York. 1967. P.67.

правительство делать то, что в ином случае оно бы не делало»⁵⁹. Как видим, здесь нет большой разницы между определениями Г. Моргентау и Р. Клайна. Их объединяет единый подход в определении субъектности силы, т.е. единственным носителем силы может выступить государство, а такие субъекты, как отдельные индивидуумы, общественные организации, транснациональные корпорации и др. не могут быть рассмотрены в качестве субъекта силы, т.к. они не располагают достаточной степенью легитимности, ресурсами, масштабностью, которые сужают поле их деятельности.

Согласно идеям политического реализма, только государство, располагая силой, способно доминировать на международной арене. Наличие у него военных ресурсов делает его исключительно конкурентоспособным, позволяет ему изменять поведение других акторов в нужном для себя русле. Как отмечает К. Уолтц, «в сфере политики сила является решающим фактором, последним и решающим аргументом. В контексте международных отношений сила не только служит решающим аргументом, но и является основным и часто используемым аргументом»⁶⁰.

Эволюционируя, учение основоположников школы политического реализма, претерпело изменения, и начало рассматривать силу шире, вводя новые трактовки для интерпретации ее сущности. В частности, швейцарско-американский специалист по международным отношениям А. Уолферс, анализируя категорию «сила» предложил выделить в ней некоторые нюансы, вводя такое понятие как «влияние». Как отмечает исследователь, «и власть, и влияние преследуют общую цель – изменить действия других глобальных игроков в соответствии с собственными интересами. Однако эти две концепции используют разные подходы для достижения своих целей. В то время как власть основывается на принуждении, влияние основывается на убеждении. <...>. Различие между властью и влиянием не всегда является четким, поскольку инструменты внешней политики часто включают в себя элементы и

⁵⁹ Cline R.S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. Washington, 1975. P.8.

⁶⁰ Watzl K. Theory of International Politics. London: Addison-Wesley, 1979. P. 113.

того, и другого»⁶¹. Такая интерпретация силы расширила возможности ее трактовки, позволяя рассматривать ее и как влияние, и как принуждение, и как склонение соперника к выполнению своей воли. Выразителем такого толкования силы являлся и Г. Киссинджер, который давал такое короткое определение: «сила есть влияние»⁶².

В отличие от представителей школы политического реализма, исследователи в рамках либеральных традиций рассматривали категорию «сила» через призму возможности решения проблем с помощью правовых механизмов, не прибегая к использованию силовых ресурсов. В их понимании все проблемы можно урегулировать мирными способами, т.к. воинственность не является естественным состоянием человека. Отношения должны быть построены на компромиссах, взаимопонимании. Как пророчески заметил В. Вильсон, «если человечество не выработает методы для предотвращения войн, то следующее поколение придет к новой мировой войне, о чем можно предсказать с абсолютной уверенностью»⁶³.

Противопоставляя силовому решению проблем в международных отношениях, сторонники либеральной парадигмы выдвигают ряд аргументов в пользу мирных правовых инструментов. Как показывает практика, в условиях глобализации, развития новых информационных технологий, интеграции экономических систем, наличия обязательств в рамках различных международных организаций сила как способ решения конфликтов теряет своей актуальности. В межгосударственных отношениях начинают преобладать торгово-экономические отношения, которые перенесли соперничество их силовой сферы в мирное русло. Примечательно, что еще в конце XVIII в. И. Кант предвидел, что экономическое сотрудничество, благодаря его выгодам как для государства, так и для его граждан, будет определять внешнеполитические

⁶¹ Уолферс А. Противоборство и сотрудничество: очерки международной политики // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 338-348.

⁶² Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. New-York, 1977. P.57.

⁶³ The President Woodrow Wilson House. League of Nations [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.woodrowwilsonhouse.org/league-nations> (дата обращения 05.04.2024).

стратегии игроков на мировой арене. В своем труде «К вечному миру» (1795 г.), он утверждал: «Дух торговли, который неизбежно пронизывает каждую нацию, несовместим с войной. Действительно, среди всех сил (инструментов), подчиненных государственной власти, власть денег, пожалуй, самая надежная, и поэтому государства вынуждены (не по моральным соображениям, конечно) способствовать благородному миру перед лицом угрозы войны»⁶⁴.

В конце XX в. в мире произошли глобальные изменения. С крушением социалистической системы мир практически стал однополярным, что, безусловно, внесло определенную специфику в сферу международных отношений. Нельзя сказать, что сила потеряла свое значение, а наоборот, опыт показывает, что политически субъекты с разной интенсивностью и масштабом используют силу для решения своих внешнеполитических задач. События в Югославии, Ираке и другие вооруженные конфликты показали, сила по-прежнему является решающим аргументом для урегулирования конфликтных ситуаций. С другой стороны, конец прошлого столетия ознаменован процессами глобализации, технологическим прорывом, интенсификацией экономической жизни, расширением межгосударственного сотрудничества по множеству линий. Все эти изменения требовали переосмысления сложившейся интерпретации силы, как инструмента и ресурса международных отношений.

Попытка переосмысления была предпринята и в рамках структуралистского подхода (М. Фуко, П. Бурдьё, К. Леви-Стросс, Т. Сокпол), где было предложено ввести в свой дискурс такое понятие как «структурная сила». Такой подход предполагал наделение данного подхода новым содержанием, рассматривая его как «удовлетворение четырех социальных потребностей, лежащих в основе современной экономики: безопасность (в том числе и оборонительная мощь), знание, производство и финансы»⁶⁵. Такая интерпретация стала результатом осмысления и принятия

⁶⁴ Кант И. К вечному миру. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 286.

⁶⁵ Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. Особенности силы как средства международных авторов [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». Режим доступа: http://society.polbu.ru/tsygankov_sociology/ch34_all.html (дата обращения: 05.04.2024).

роли и значения транснациональных компаний, отдельных организаций в системе международных отношений. Эти новые акторы стали существенной силой, определяющей новый порядок, определяемой логикой деятельности мировой экономической системы. Новый порядок приносит множество элементов в сферу международных взаимодействий, выходящих за рамки суверенных государств. Перечень этих акторов может пополняться и расширяться за счет субъектов-обладателей идей, финансов и иных средств воздействия и влияния, которые превращают их в полноправных участников новых международных отношений. Сила начинает выражаться через безопасность, знание, производство и финансы, и позволяет обладателю этих ресурсов стать полноценным участником на внешнеполитической арене с потенциалом навязывать свое мнение другим акторам, определять их поведение, и оказать определенное влияние на итоги международных переговоров. В результате складывается новая система взаимоотношений, где национальные государства постепенно начинают играть второстепенные роли, уступая ведущие позиции иным субъектам. И в этой системе сильным актором становится тот, кто способен в наибольшей степени концентрировать максимум ресурсов и распоряжаться ими эффективно. В этом отношении единственным актором в современном мире выступают США, чья роль наисильнейшего игрока на международной арене пока не может быть оспорена другими участниками.

В интерпретации категории силы особое мнение сложилось в рамках геополитического подхода, суть которого хорошо известна, и не видим смысла останавливаться подробно на характеристике данного подхода. Кратко отметим, что в трудах представителей этого направления, Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Х. Маккиндера, Н. Спайкмена, К. Хаусхофера и др., последовательно проводится мысль об определяющем значении силы в международных отношениях, при этом акцентируя внимание на географических особенностях и геоэкономических факторах могущества государства. Таким образом, географическое положение, природные ресурсы, специфика соседства с

другими странами определяют потенциал страны и ее вес на международной арене, которые позволяют ей применять военную силу для завоевания других «жизненных пространств».

Как показывает практика, обладание военной мощью не всегда является решающим фактором для достижения собственных целей. Потенциалом нанесения существенного ущерба обладают и страны, не располагающие огромными военными ресурсами. Это обстоятельство привело к новому переосмыслению категории силы, выделяя в ее структуре некоторые уровни, тональности. Первыми за эту задачу взялись М. Бартц, П. Бахрах⁶⁶, С. Льюкс⁶⁷, К. Боулдинг⁶⁸, которые в своих разработках начали рассматривать силу в различных ракурсах, выделяя ее грани. Этих исследователей можно назвать предшественниками идеи внедрения категории «мягкой силы» в современную политическую силу.

Как уже было отмечено, в научный оборот термин и концепцию «мягкой силы» ввел Дж. Най, чье авторство является общепризнанным и неоспоримым фактом. При этом следует отметить, что им научному сообществу данная концепция в теоретическом смысле не была представлена в цельном виде. Его идеи встречаются в разрозненном виде в различных статьях, отдельных выступлениях, где исследователь пытался сформулировать четкое определение, выяснить грани этого явления, направления и инструменты достижения, алгоритм и последовательность реализации «мягкой силы» на практике. Таким образом, отсутствие цельной теории «мягкой силы», изложенной в логической последовательности с анализом ее анатомии, стало причиной критической реакции со стороны других исследователей. В своих работах подвергали критике различные аспекты взглядов Дж. Ная такие исследователи как А.

⁶⁶ Bachrach P., Baratz M. Two Faces of Power // The American Political Science Review. 1962. Vol. 56, Iss. 4. Pp. 947-952 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/bachrach.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

⁶⁷ Lukes S. Power: A Radical View». N.Y.: Palgrave Macmillan, 1974. 201 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/09/Power-A-Radical-View-Sтивен-Lukes.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

⁶⁸ Boulding K. Three Faces of Power. Newbury Park (CA), SAGE Publications Inc., 1989. 259 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/threefacesofpowe0000boul/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 05.04.2024).

Бохас, К. Лейн, И. Фан, К. Хайден и др. Существовала и крайняя точка – неприятие данной концепции, рассматривая ее как банальную, абстрактную, размытую, не выдерживающую критику несостоявшуюся теорию.

Отвечая на критику и неприятие своей концепции, Дж. Най пытался оправдать свою точку зрения с позиций вариативности «мягкой силы», возможностей ее использования, исходя из специфики каждого конкретного случая, каждого отдельно взятого государства. Исследователь подчеркивает, что «каждая нация, со своей особой историей и культурным наследием, обладает особым набором активов, эффективность которых зависит от ее внешнеполитических целей, целевой аудитории и ее исторического участия на мировой арене»⁶⁹.

Несмотря на отсутствие полностью разработанной авторской концепции Дж. Ная, в научном сообществе преобладает мнение о том, что «на основе опубликованных работ ученого, включая его многочисленные статьи и комментарии, можно реконструировать авторское видение концепции "мягкой силы", сформулировать общую стратегию ее реализации и выявлять особенности современной системы международных отношений. Эта система требует, чтобы каждый участник включал "мягкую силу" в свой инструментарий внешней политики. Кроме того, важно установить критерии для оценки эффективности "мягкой силы", применяемой различными субъектами»⁷⁰.

Впервые Дж. Най понятие «мягкая сила» использует в 1990 г. в своих работах «Мягкая сила» (в журнале «Foreign Policy») и «Обреченные быть лидером: меняющийся характер американской власти»⁷¹. Необходимо пояснить, что эта концепция зародилась на фоне глобальных геополитических изменений и поиска США своей стратегии в складывающейся конфигурации международных отношений. Дж. Най отмечал, что «Советский Союз находится

⁶⁹ Nye J. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 240 p.

⁷⁰ Агеева В. Д. Роль инструментов "мягкой силы" во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 40.

⁷¹ Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 336 p.

на грани упадка, в то время как Япония находится на подъеме. В конце XX в. Соединенные Штаты частично утратили свою мощь по сравнению с пиком в 1945 году»⁷².

В данном контексте следует отметить, что перед Дж. Наем стояла утилитарная задача предложить способы восстановления бывшего могущества США. Сложность решения данной проблемы, т.е. принятие его концепции за основу внешнеполитической стратегии властей, состояла в том, что США всегда стремились к достижению своих целей через силу, с использованием военных ресурсов. Перед исследователем стояла задача убедить политическую элиту в целесообразности и привлекательности обращения к тактике «мягкой силы». Он отмечал значимость перехода к новой форме власти (в тот период называвшейся «кооптивной» – *co-optive power*). Эта власть позволила бы нации «формировать глобальный ландшафт таким образом, чтобы интересы и желания других стран соответствовали ее собственным целям и устремлениям»⁷³.

Серьезным предостережением для властей США стали события 11 сентября 2001 г., которые позволили Дж. Наю высказаться относительно поведения политической элиты и призвал ее «воздержаться от проведения высокомерного и безразличного международно-политического курса, а также от триумфа – ошибки, противоположной упадку и последовательно доказывал, что американская политика должна быть не односторонней, а двусторонней и многосторонней»⁷⁴.

Следующий этап в развитии концепции «мягкой силы» связан с участием Соединенных Штатов в 2004 г. в войне против Ирака, которая негативно повлияла на имидж американского общества и государства. Образ агрессора никак не укладывался в парадигму общества мечты, что актуализировало задачу поиска новых путей для восстановления утраченных позиций. Частично

⁷² Nye J. Soft power // *Foreign Policy*. 1990. № 80. P. 153.

⁷³ Ibid. P. 168.

⁷⁴ Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона. С.

ответы на вызовы времени содержались в новой книге Дж. Ная «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике»⁷⁵, где исследователь снова пытался объяснить суть «мягкой силы» и доказать ее преимущества.

Осмысление идей, связанных с «мягкой силой», Дж. Най продолжил в своем новом произведении «Будущее силы»⁷⁶, которое было опубликовано в 2010 г. Основная идея данной работы концентрировалась вокруг новой концепции, которую ученый еще раньше в своей статье «In Mideast, the Goal is "Smart Power"» назвал «smart power» - «умной силой», под которой он подразумевал форму политической власти, обладающей «способностью сочетать жесткую и мягкую силу для формирования выигрышной стратегии»⁷⁷. Следует заметить, что идея «умной силы» оказалась востребованной администрацией Б. Обамы. Центр стратегических и международных исследований сформировал специальную группу по теме «умная власть», одним из членов которой стал Дж. Най.

В 2014 г. исследовательская служба Pew Poll провела социологический опрос с целью выяснения мнения американцев относительно перспектив и места США в современном мире. На вопрос, считают ли они, что их нация превосходит все остальные, только 28% респондентов ответили утвердительно, что на 10% меньше по сравнению с показателями трехлетней давности. Аналогичная картина наблюдалась и за пределами Соединенных Штатов – в 15 из 22 опрошенных стран респонденты предсказывали, что их страна будет лидером в мировой экономике, а Китай вплотную займут второе место в политическом плане⁷⁸.

У Дж. Ная по данной проблематике более оптимистичная точка зрения, которая была изложена в его монографии «Закончился ли американский

⁷⁵ Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. 191 p.

⁷⁶ Nye J. The Future of power. N.Y.: Public Affairs, 2010. 320 p.

⁷⁷ Nye J. In Mideast, the Goal is "Smart Power" // The Boston Globe, August 19, 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belfercenter.org/publication/mideast-goal-smart-power> (дата обращения: 05.04.2024)

⁷⁸ Дымова Л. Преждевременная эпитафия американской гегемонии // Международные процессы. 2015. Т.13. № 3. С. 151.

век?»⁷⁹, где ученый дает оценку роли США на современной международной арене и предлагает прогноз ее будущей эволюции. Дж. Най не считает, что наступил конец американского мира и начинается «постамериканская» эпоха. По его мнению, США останутся доминирующей силой на мировой арене, однако властям потребуются иные подходы в политике в соответствии с новыми вызовами и реалиями. По его оценке, «сбалансированный подход, сочетающий в себе как "жесткую", так и "мягкую силу", сотрудничество с другими участниками международных отношений и формирование обширных альянсов, необходим Соединенным Штатам для сохранения своих лидерских позиций и эффективного решения текущих задач. Важна не только военная или экономическая мощь, но и концептуальная и идеологическая основа национальной стратегии, ее способность ставить амбициозные долгосрочные цели и успешно достигать их»⁸⁰.

При этом Дж. Най всегда подчеркивал, что «мягкая сила» не предполагает использования манипулятивных технологий, поскольку «никому не нравится чувствовать, что им манипулируют, даже при помощи "мягкой силы"»⁸¹. Манипулирование может дать лишь кратковременный эффект, в то время как «мягкая сила» стратегически и тактически рассчитана на долгосрочную перспективу.

В работах Дж. Ная прослеживается определенная эволюция в предложении и оценке потенциала рекомендуемых источников и ресурсов «мягкой силы». Если в первых работах в качестве источников он выделяет «культурную и идеологическую привлекательность, а также правила и институты международных режимов»⁸², то в последующих работах в качестве ресурсов он отмечает «культуру, политические ценности, внутреннюю политику и внешнюю политику»⁸³. В работе «Soft Power: The Means to Success in

⁷⁹ Nye J. Is the American Century over? John Wiley and Sons, 2015. 152 p.

⁸⁰ Дымова Л. Преждевременная эпитафия американской гегемонии. С. 154.

⁸¹ Nye J., Armitage R. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America .A report for the Center for Strategic & International Studies (November, 2007). P.13.

⁸² Nye J. Soft Power. Foreign Policy, No. 80, Twentieth Anniversary (Autumn, 1990). P.168.

⁸³ Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P.142.

World Politics», опубликованной в 2004 г., он дает развернутое определение ресурсам «мягкой силы», которое впоследствии стало классическим и встречается практически во всех статьях и монографиях, посвященных «мягкой силе». Таким образом, Дж. Най утверждает, что «"мягкая сила" нации основывается на трех столпах: ее культурном наследии (в тех аспектах, которые находят отклик у других), ее политических принципах (если они находят отражение как во внутренних, так и в международных делах) и ее внешней политике (если другие воспринимают ее как законную и этичную)»⁸⁴.

В своих последующих работах Дж. Най интерпретирует конкретные источники «мягкой силы». Среди них он выделяет «ценности, пример и уровень процветания, которые могут быть ресурсами "мягкой силы"»⁸⁵. Что касается Соединенных Штатов, то Дж. Най выделяет такие их достоинства, как политические принципы и идеалы, закрепленные в Конституции и Билле о правах, американская экономическая система и система образования, личные взаимодействия и обмены и, в некоторой степени, участие и лидерство в международных организациях, которые вносят свой вклад в повестку дня глобальной политики⁸⁶.

В качестве важнейшего ресурса США, он отмечает «ее очевидный для всех успех как нации»⁸⁷. Среди других значимых ресурсов «мягкой силы», имеющихся в арсенале властей США, Дж. Най отмечает еще открытость общества и политической системы, свободу прессы, право и возможность Конгресса и судов критиковать и корректировать политику⁸⁸.

Интерпретация Дж. Наем культуры как ресурса «мягкой силы» предполагает установления линии разграничения между высокой культурой и массовой культурой. Не игнорирую возможность включения в стратегию

⁸⁴ Ibid. P.11.

⁸⁵ Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. P.8.

⁸⁶ Nye J., Armitage R. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America .A report for the Center for Strategic & International Studies (November, 2007). P.7.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008). P.105.

«мягкой силы» достижений элитарной культуры, которая будет ориентировано на элиту, он широко пропагандирует возможность распространения продуктов и идей массовой культуры, охватывающей широкие слои населения. Несложность массовой культуры повышает уровень ее инклюзивности и адаптивности в новой среде. Как справедливо отмечает В.А. Агеева, «современный участник мировой политики, даже при условии отсутствия исторического опыта продвижения своих культурных продуктов на мировой рынок, может, поставив себе соответствующую цель, выйти на международную аудиторию с интересным и популярным проектом массовой культуры, успех которого будет иметь положительный эффект для его международного имиджа»⁸⁹.

Дж. Най высоко оценивая потенциал американской массовой культуры, отмечает, что «американская поп-культура всегда будет иметь глобальную аудиторию, как бы мы себя не вели»⁹⁰. Трудно оспорить высказанную мысль, поскольку именно американская поп-культура стала доминирующей среди широких слоев населения независимо от национальности, религиозной принадлежности. Даже в религиозно-консервативных обществах американская массовая культура находит отклик среди молодежи, которая в мусульманских странах составляет более половины от общей численности населения.

Выделяемые Дж. Наем политические ценности во внутренней политике как ресурс «мягкой силы» предполагает обязательное воплощение их на практике. Если декларируемые ценности не будут реализованы, то крах идеи «мягкой силы» неизбежен. При реализации этой стратегии, чтобы избежать негативных сценариев, следует исключить политическое лицемерие и манипулирование массами, поскольку «проблемы с "мягкой силой" возникают тогда, когда мы не воплощаем в жизнь наши собственные идеалы»⁹¹.

⁸⁹ Агеева В. Д. Роль инструментов "мягкой силы" во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации. С. 45.

⁹⁰ Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. P.XI.

⁹¹ Nye J. (Jr.) Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004). P.267.

Распространение политических ценностей через внешнюю политику с точки зрения Дж. Ная может быть эффективной лишь при условии соответствии ее принципам легитимности, которая предполагает одобрение действий мировым сообществом и признание их международными институтами. «Когда международное сообщество признает наш подход обоснованным, наше влияние растет»⁹². Исследователь указывает, что «легитимность является основным условием "мягкой силы"»⁹³, и в то же время, «легитимность является одной из форм силы»⁹⁴.

Помимо легитимности, в качестве важнейшего условия эффективности внешнеполитической стратегии Дж. Най также называет принципы морали, следуя которым впоследствии с помощью средств массовой информации можно убедить аудиторию в своих добрых намерениях.

В работах Дж. Ная, как в отношении термина «мягкой силы», так и в отношении содержания и алгоритма стратегии «мягкой силы», нет четко обозначенного определения. Не встречаются и конкретные примеры использования стратегии «мягкой силы» на практике. Однако анализ текстов ученого позволяет выявить сформулированные им некоторые особенности конструирования стратегии «мягкой силы». В частности, Дж. Най указывает на инструменты реализации этой стратегии. По его мнению, использование таких инструментов «мягкой силы», как публичная дипломатия, радио- и телевидение, программы обмена, содействие развитию, ликвидация последствий стихийных бедствий и военное сотрудничество⁹⁵, является ключом к успеху внешнеполитических инициатив.

⁹² Nye J. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004). P.256.

⁹³ Nye J., Armitage R. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America .A report for the Center for Strategic & International Studies (November, 2007). P.6.

⁹⁴ Nye J. America's soft learning curve [Электронный ресурс] // The Economist 20.11.2003. Режим доступа - <http://www.economist.com/node/2188803> (дата обращения: 05.04.2024).

⁹⁵ Nye J. (Jr.) Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs (July/August, 2009).

По его мнению, публичная дипломатия – это деятельность, позволяющая мобилизовать ресурсы для взаимодействия с зарубежной аудиторией, нежели с властными структурами⁹⁶.

Публичная дипломатия реализуется посредством массмедиа, интернета, распространения ресурсов и достижений своей культуры, проведения культурных, научных, образовательных и др. видов обмена. При этом Дж. Най не рассматривает публичную дипломатию как универсального средства, способного решить все внешнеполитические проблемы государства. В его понимании, публичная дипломатия всего лишь одна из возможных инструментов, эффективное использование которого может привести к желаемому результату. Успех публичной дипломатии обуславливаются содержанием предлагаемых ценностей. Если контент не будет воспринят целевой аудиторией, то никакие иные меры в рамках стратегии «мягкой силы» не могут привести к установлению влияния актора внешнеполитической деятельности. В этом контексте ученый утверждает, что инициативы публичной дипломатии могут привести к обратному результату⁹⁷.

Важное место в стратегии «мягкой силы» Дж. Най отводит интенсификации взаимодействия между различными группами, слоями населения, обмену между представителями различных направлений деятельности. Этот процесс содействует наращиванию потенциала «мягкой силы», установлению личных коммуникаций, нивелированию психологических преград при общении представителей различных культур.

Дж. Най во многих работах акцентирует внимание на эффективности разработки и участия в программах содействия развитию других стран. Подчеркивая значение этого инструмента, он, в частности, отмечает, что «США смогут сохранять свои лидирующие позиции на мировой арене, если

⁹⁶ Nye J.(Jr.) Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008). P.95.

⁹⁷ Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008). P.95.

возобновят инвестиции в общественные блага, необходимые людям и их правительствам в разных уголках мира»⁹⁸.

Среди наиболее эффективных средств реализации «мягкой силы» он выделяет некоммерческие организации (НКО) и фонды, деятельность которых называет «непрямой публичной дипломатией». В эту деятельность вовлечены различные структуры гражданского общества, низовые объединения людей, которым ценности и достижения внешнеполитического актора преподносятся в самом наилучшем виде. Безусловно, трудно не согласиться с мнением Дж. Най относительно значения этих инструментов, которые продолжают доказывать свою неисчерпаемую эффективность в процессе упрочения позиций США на международной арене. Как отмечает исследователь, «сила Америки проистекает как от многочисленности населения и мощности экономики, так и от энергии нашей гражданской культуры и превосходства наших идей»⁹⁹. Вместе с тем Дж. Най предостерегает, что «привлечение гражданского общества и бизнес-сектора к реализации "мягкой силы" сопряжено с существенными опасностями, поскольку эти субъекты часто независимы от правительства и могут отстаивать точки зрения, которые расходятся с правительственными»¹⁰⁰.

Возвращаясь к вопросу о результативности использования стратегии «мягкой силы», Дж. Най настоятельно подчеркивает, что она будет максимально эффективной при ее комплексности, т.е. умелом сочетании всех вышеуказанных инструментариев и проведении серьезной подготовительной работы по анализу сложившейся международной ситуации, изучении целевой аудитории, определении конкретных целей и задач, выбора методов коммуникации.

⁹⁸ Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs (July/August, 2009).

⁹⁹ Nye J., Armitage R. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America .A report for the Center for Strategic & International Studies (November, 2007). P.4.

¹⁰⁰ Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008). P.105.

Важнейшим аспектом стратегии «мягкой силы» является уточнение критериев, по которым можно будет определить степень успешности ее реализации. В работах Дж. Ная нет четких, систематизированных и аргументированных критериев, которые могли бы служить единой шкалой для оценки. Критики Дж. Ная тоже указывают на этот недостаток его концепции. Однако, отдельные тезисы, примеры реализации данной стратегии, приведенные исследователем в своих работах, позволяют с достаточно высокой степенью достоверности выделить эти критерии, которые не будут вступать в противоречие с идеями Дж. Ная и соответствовать основным постулатам его теории.

Поэтому, рассуждая о критериях успешности этой стратегии необходимо выделить, во-первых, что любая стратегия основана на определении целей, которые могут быть, краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными. Если инструменты «жесткой силы» способствуют достижению поставленных целей в достаточно короткие сроки, то «мягкая сила» имеет свойство отложенного эффекта и может принести к достижению желаемых результатов в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, в работах Дж. Ная имеются указания для определения эффективности стратегии «мягкой силы» обращать внимание на научные достижения актора внешнеполитической деятельности. Очевидно, что главным индикатором здесь служит наличие важнейших научных открытий и разработок, которые признаваемы во всем мире и вершиной такого признания является присуждение нобелевской премии, которую Дж. Най называет «нобелевским показателем». Очевидно, что больше всех нобелевских лауреатов проживают в США, на чьи потенциал и дипломатические способности могут рассчитывать власти.

В-третьих, критерием успешности «мягкой силы» могут являться степень эффективной реализации различных программ по обмену. Различные обменные программы в разное время прошли почти 200 бывших и действующих глав

государств, такие как президент Египта А. Садат, канцлер Германии Г. Шмидт, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер и др.¹⁰¹.

В-четвертых, приток мигрантов, ученых, высококвалифицированных специалистов и студентов является не менее значимым критерием, поскольку этот показатель свидетельствует о привлекательности политического устройства, экономической модели и комфортной социальной среды для развития личности. И по этому показателю США опережают практически все страны мира.

В-пятых, важнейшим критерием для оценки стратегии «мягкой силы» выступает общественное мнение в зарубежных странах. Государство, реализующее данную стратегию, должно периодически проводить мониторинг общественного мнения в странах, которые входят в сферу его интересов. Периодические опросы, проводимые среди различных целевых аудиторий, способны выявить объективную картину восприятия деятельности и имиджа, направить ее в нужное русло. Для достижения этой цели Дж. Най предложил создать автономное исследовательское учреждение, которое бы еженедельно публиковало отчеты о приеме посланий США и реакции на них в пятидесяти крупнейших странах мира¹⁰².

Стратегия «мягкой силы» не является только внутриамериканским или западным предметом научных дискуссий. Данная проблема тоже активно привлекает внимание российских исследователей, которые так же, как их западные коллеги, пытаются анализировать идею «мягкой силы», подвергают критике наследие Дж. Ная и других теоретиков.

В последнее время концепция «мягкой силы» стала одной из главных тем для обсуждения в российском академическом сообществе. Как заметил Ф. Лукьянов, «мягкая сила» в настоящее время является одной из наиболее часто

¹⁰¹ Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008). P.102.

¹⁰² Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. - New York: Public Affairs, 2004. P. 142.

обсуждаемых политологических концепций в России¹⁰³. Е. Борисова, редактор-составитель монографии по «мягкой силе», в свою очередь освещает российское теоретическое понимание американской концепции, которая изначально была представлена политическими кругами, включая использование неологизма гарвардского ученого на самом высоком уровне. Как она отмечает, «интерес политиков к концепции "мягкой силы" вызвал всплеск активности в академической сфере»¹⁰⁴.

Среди российских ученых, исследующих концепцию «мягкой силы», тоже не сложилось единого мнения относительно определения, содержания, механизмов реализации, критериев оценки ее эффективности. При трактовке «мягкой силы» российские ученые по-разному подходят к оценке экономической модели государства, политического устройства государства, роли идеологии, возможностей и значения информационных технологий, как структурных элементов «мягкой силы». Нет единого мнения и относительно вопроса о том, в арсенале каких государств может присутствовать стратегия «мягкой силы».

Как считают некоторые исследователи, «мягкая сила» является инструментом в руках только сильных стран, претендующих на статус мирового центра или полюса власти¹⁰⁵ для дальнейшего расширения и упрочения своих позиций на международной арене. Но следует отметить, что такая постановка проблемы противоречит тезису Дж. Ная, который утверждал, что привлекательность страны не обязательно зависит от ее экономической или военной мощи. Привлекательность, например, Норвегии или Финляндии основывается не на военном потенциале этих страна, а, наоборот, в умении

¹⁰³ 161 Лукьянов Ф. Парадокс российской «мягкой силы». [Электронный ресурс] // Франко-Российский аналитический центр Обсерво. Режим доступа - http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf. (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁰⁴ Борисова Е.Г. Мягкая сила – современный инструмент власти (предисловие составителя) // Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Борисовой. М.: ФЛИНТА, Наука, 2015. С.8.

¹⁰⁵ Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурсы и концепты «мягкого» влияния в современном гуманитарном знании // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 161-162.

выстраивать внешнюю дипломатию, где эти страны нередко выступают в качестве посредника при решении конфликтных ситуаций.

С точки зрения других отечественных политологов, «мягкая сила» для небольших государств означает умение, способность эффективного использования своих ограниченных ресурсов¹⁰⁶.

Ряд авторов считают искусственным перенесения в область «мягкой силы» другие понятия, например, такие, как психология власти и влияния, маркетинг и т.д. По их мнению, «мягкая сила» представляет собой гуманитарные ресурсы государства, которые не нужно применять (использовать), а необходимо просто транслировать¹⁰⁷, хотя такой взгляд на природу «мягкой силы» противоречит утверждениям Дж. Най.

Причина разнообразия в интерпретации понятия «мягкой силы» заключается в вариативности определения «мягкой силы», предложенной самим автором концепции. Наличие множества определений расширяет исследовательское поле и создает возможности для трактовки данного понятия с различных точек зрения. Сам же Дж. Най, отмечая эту вариативность, писал, что «"мягкая сила" – скорее образно-собираательная, чем нормативно выраженная концепция»¹⁰⁸.

Подытоживая взгляды российских ученых, воспользуемся классификацией подходов в интерпретации «мягкой силы», предложенной О. Г. Леоновой¹⁰⁹:

1) силовой подход (О. Ф. Русакова¹¹⁰, Д. А. Звягина¹¹¹) – согласно этой точке зрения, «мягкая сила» - это средство воздействия с целью навязывания своих мнений, позиций и воли, хотя в трудах Дж. Най «мягкая сила» не

¹⁰⁶ Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: Изд-во: ВНИИ геосистем, 2012. С. 20.

¹⁰⁷ Леонова О. Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель–Observer. 2014. № 3. С. 27; Она же. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель–Observer. 2015. № 2. С. 80.

¹⁰⁸ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2013. 444 с.

¹⁰⁹ Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке. С. 80-89.

¹¹⁰ Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 190.

¹¹¹ Звягина Д. А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135-137.

обязательно подразумевает конкретные реальные действия, особенно те, которые связаны с принуждением;

2) влиятельный (инфлюентный) подход (Ю. П. Давыдов¹¹², М. В. Харкевич¹¹³, С. В. Новоселов¹¹⁴) фокусируется на привлекательности субъекта, который своим обаянием может влиять на окружающих. Сторонники этого подхода рассматривают влияние как силу, способствующую установлению различных форм зависимости, не прибегая к принудительным методам¹¹⁵;

3) технологический подход (П. Б. Паршин¹¹⁶, В. А. Должников, А. В. Протасов¹¹⁷) рассматривает «мягкую силу» как метод или совокупность методов, которые, в отличие от «жесткой силы», направлены на уменьшение негативных последствий экспансии и консолидации усилий субъекта;

4) коммуникативный подход (О. Ф. Русакова¹¹⁸, М. В. Харкевич¹¹⁹) предполагает оказания информационно-психологического влияния с целью настраивания образа мысли и поведения объекта на приемлемый лад на основе равенства сторон, согласования интересов, не прибегая к использованию манипулятивных технологий (или минимизации их влияния);

5) конструктивистский подход (О. Ф. Русакова¹²⁰, Е. П. Панова¹²¹, Ю. А. Ермаков¹²², Д. А. Звягина¹²³) рассматривает как средство по конструированию новых смыслов, привлекательных идей и ценностей с помощью технологий PR-

¹¹² Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 69-80.

¹¹³ Харкевич М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 26-27.

¹¹⁴ Новоселов С. В. «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 126-131.

¹¹⁵ Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке. С. 80.

¹¹⁶ Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 14-21.

¹¹⁷ Должников В. А., Протасов А. В. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 37. С. 22-25.

¹¹⁸ Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft power) в современной политической философии. С. 190.

¹¹⁹ Харкевич М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции. С. 26-27.

¹²⁰ Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft power) в современной политической философии. С. 190.

¹²¹ Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 91-97.

¹²² Ермаков Ю. А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119. № 4. С. 215-225.

¹²³ Звягина Д. А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135-137.

коммуникаций, управления имиджем, брендом. Считается, что «мягкая сила», воздействуя на идейно-ценностном уровне, способна переформатировать национально-культурные коды сознания, внедрять новую систему ценностей, которые будут влиять на восприятие реальности в выгодном русле для исполнителя;

6) романтический подход, предложенный О. Г. Леоновой¹²⁴, отличается от конструктивистского подхода тем, что акцентирует внимание на возможности завоевания расположения других посредством совместных усилий, которые ставят во главу угла культурные ценности, общечеловеческие принципы и политические идеалы;

7) ресурсный подход (П. Б. Паршин¹²⁵) концептуализирует «мягкую силу» как привлекательную силу, которая зависит от определенного набора факторов, способствующих формированию положительного имиджа страны и привлечению к ней внимания¹²⁶. Этот подход сродни технологическому, поскольку предполагает, что весь спектр гуманитарных ресурсов может быть задействован с помощью определенного набора технологий, которые могут принести положительные результаты для страны.

Таким образом, следует отметить, что в российском научном сообществе концепция «мягкой силы» стала одной из центральных тем, которую понимают и интерпретируют по-разному.

Большинство российских ученых, изучающих концепцию «мягкой силы», сходятся во мнении, что она возникла из теоретических основ, созданных учеными более раннего периода, и они прослеживают ее истоки до фундаментальных принципов применения силы в области международных отношений. В то же время в российском дискурсе прослеживается тенденция к самостоятельному осмыслению данного феномена, к созданию новых концепций, способных ответить на новые вызовы глобализации.

¹²⁴ Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке. С. 87.

¹²⁵ Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. С. 14-21.

¹²⁶ Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке. С. 80.

1.3. Концептуализация «мягкой силы» в российской внешней политике

В последнее время проблемы «мягкой силы» в исследованиях российских политологов занимают значительное место. «Если в Соединенных Штатах концепция «мягкой силы» изначально разрабатывалась в академических кругах, а затем целенаправленно вводилась в политический дискурс на самом высоком уровне, то в России процесс пошел в обратном направлении. Изначально идея о важности использования инструментов «мягкой силы» активно обсуждалась политиками, а позже стала центральной темой обсуждения в академических кругах»¹²⁷. Эта тенденция также подтверждается мнением Е. Г. Борисовой, которая утверждает, что «интерес политиков к концепции мягкой силы вызвал всплеск активности в академической сфере»¹²⁸.

В появлении термина «мягкая сила» в речи представителей политической власти России наблюдается определенная эволюция. Впоследствии это понятие прочно вошло в лексикон и стало неотъемлемой частью их выступлений.

Считается, что этот термин в политических кругах впервые был применен Д. А. Медведевым в 2009 г., когда он на совещании Россотрудничества его использовал в контексте культурного сотрудничества и взаимодействия с соотечественниками»¹²⁹.

¹²⁷ Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации. С. 98.

¹²⁸ Борисова Е. Г. Мягкая сила – современный инструментарий власти (предисловие составителя) // Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Борисовой. М.: ФЛИНТА, Наука, 2015. С.8.

¹²⁹ Борисова Е. Г. Мягкая сила – современный инструментарий власти. С.7.

Этот термин был использован и министром иностранных дел С. В. Лавровым, который в интервью «Российской газете» в октябре 2018 г. отметил: «В нынешних условиях все большее значение приобретает концепция "мягкой силы" - способность воздействовать на мир через цивилизационные, гуманитарные, культурные связи и привлекательность во внешней политике»¹³⁰.

Этим понятием в своих выступлениях нередко пользуется и В. В. Путин. В частности, в своей статье для «Московских новостей» он подчеркнул, что «концепция "мягкой силы" становится все более распространенной как совокупность инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения военной силы, полагаясь вместо этого на информационные и другие формы влияния»¹³¹.

Он, интерпретируя понятие «мягкой силы» с точки зрения ее эффективности в международных отношениях, дальше выделил и негативную сторону технологий «мягкой силы». В этой связи В. В. Путин с сожалением отметил, что «эти методы часто используются для поощрения и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием и прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств. Необходимо четко разграничивать свободу слова и нормальную политическую деятельность, а также то, где используются незаконные инструменты "мягкой силы". Мы можем только приветствовать цивилизованный мир гуманитарных и благотворительных неправительственных организаций, в том числе тех, кто активно критикует действующую власть. Однако деятельность "псевдо-НПО" и других структур, которые при поддержке извне преследуют цель дестабилизации ситуации в определенных странах, неприемлема»¹³². Эта идея неоднократно повторялась на

¹³⁰ Мягкая сила. Накануне Всемирной конференции соотечественников глава МИДа С. Лавров дал эксклюзивное интервью «РГ». 30.10.2008 [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <http://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html> (дата обращения: 05.04.2025).

¹³¹ Путин В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] // Московские новости. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 05.04.2025).

¹³² Там же.

самом высоком политическом уровне и в конечном итоге прочно укоренилась в российской интерпретации концепции Дж. Ная.

В очередной раз В. В. Путин, уже в статусе действующего президента РФ, заговорил о «мягкой силе» на совещании послов в российском МИДе в июле 2012 г. В ходе совещания он заявил: «Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве. Однако когда дело доходит до применения новых технологий, таких как так называемая «мягкая сила», безусловно, есть что учитывать. Напомню, что политика "мягкой силы" что концепция «мягкой силы» предполагает продвижение своих интересов и подходов посредством убеждения и привлечения поддержки своей страны на основе ее достижений не только в материальной сфере. В настоящее время мы должны признать, что имидж России за рубежом формируется не нами. Следовательно, он часто искажается и не отражает в полной мере истинное положение нашей страны, ее вклад в мировую цивилизацию, науку и культуру. Более того, позиция нашей страны в международных делах часто преподносится несколько односторонне»¹³³.

3 сентября 2012 г. на встрече представителей Россотрудничества за рубежом премьер-министр России Д. А. Медведев сделал заявление о концепции «мягкой силы». Он начал с обсуждения взаимосвязи между иностранными инвестициями в российскую экономику и глобальным влиянием России. Он подчеркнул, что отсутствие инвестиций напрямую связано с международной репутацией России. По его словам, эксперты воспринимают Россию как страну со значительным инвестиционным потенциалом, который еще предстоит полностью реализовать.

Для исправления ситуации Д. А. Медведев призвал эффективнее использовать Россотрудничество, которое «должно стать одним из ключевых инструментов так называемой "мягкой силы", ведь государства с сильными

¹³³ Путин В. Искажённый образ России исправит «мягкая сила» [Электронный ресурс] // НТВ. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/311339/?fb#ixzz3z13OhVvO> (дата обращения: 05.04.2025).

брендами "мягкой силы" привлекают гораздо больше прямых зарубежных инвестиций»¹³⁴.

В 2013 г. В. В. Путин во время встречи с дипломатическим корпусом России в положительном контексте снова упомянул о стратегии «мягкой силы». В своей речи он подчеркнул: «Все большее значение приобретает эффективное применение инструментов "мягкой силы": повышение статуса русского языка, активное формирование позитивного восприятия России за рубежом и беспрепятственная интеграция в глобальные информационные сети. Наши международные усилия должны быть в первую очередь направлены на создание благоприятных условий для поступательного развития нашей страны. Все это невозможно без эффективного сотрудничества с другими государствами»¹³⁵, а в декабре того же года он назвал «мягкую силу» инструментом контрпропаганды. В частности, во время встречи с сотрудниками органов государственной безопасности В. В. Путин заявил: «Россия сталкивается с попытками прямо или косвенно, используя механизмы так называемой "мягкой силы" и другие хорошо известные техники, ослабить ее влияние. И мы должны таким попыткам противостоять, в том числе укрепляя сотрудничество с нашими партнерами и союзниками по линии спецслужб»¹³⁶. Смена тона в оценке «мягкой силы» можно объяснить сложившейся напряженностью вокруг Украины, а также спецификой аудитории, перед которой выступал В. В. Путин.

«Оттепель» в положительной оценке «мягкой силы» наступила в связи с проведением зимней Олимпиады в Сочи в феврале 2014 г. Практически все мировые новостные агентства высоко оценили успешную организацию и проведение Олимпийских игр. Однако с марта 2014 г. подход России перешел от "мягкой силы" к "жесткой силе" как на практике, так и в официальном

¹³⁴ Медведев: недостаток инвестиций напрямую связан с имиджем России за рубежом [Электронный ресурс] // Forbes. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/110945-medvedev-nedostatok-investitsii-v-rossiyu-napryamuyu-svyazan-s-imidzhem-strany-za-rubezh> (дата обращения: 05.04.2025).).

¹³⁵ Путин призвал дипломатов активнее использовать "мягкую силу" [Электронный ресурс] // Вести. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1029816> (дата обращения: 05.04.2025).

¹³⁶ Путин призвал органы безопасности противостоять «мягкой силе» [Электронный ресурс] // Мир24. Режим доступа: <http://mir24.tv/news/society/9553245> (дата обращения: 05.04.2025).

дискурсе. События на Украине и присоединение Крыма изменили сложившееся мнение, согласно которому "мягкая сила больше не актуальна, и сейчас уместен более напористый, мужской подход»¹³⁷.

Во второй половине 2014 г. тема «мягкой силы» вновь появилась в российском политическом дискурсе. В частности, С. В. Лавров на встрече с представителями Россотрудничества заявил, что «в нынешних непростых условиях, характеризующихся нарастанием конфликтных и кризисных явлений в мировых делах, весьма актуальным является предметное обсуждение широкого спектра вопросов, касающихся нашей работы в сфере "мягкой силы"»¹³⁸.

Однако российский президент продолжал негативно отзываться о «мягкой силе», сравнивая ее с черными технологиями, воспринимаемыми на Западе как демократические. В начале октября В. В. Путин упомянул о «мягкой силе», назвав ее, прежде всего, агрессивным инструментом, отметив, что «отдельные страны пытаются использовать свое доминирующее положение в мировом информационном пространстве для достижения не только экономических, но и военно-политических целей. Они активно используют информационные системы как инструмент так называемой "мягкой силы" для достижения своих интересов»¹³⁹.

В последующие годы в российской официальной риторике оценка «мягкой силы» не претерпела существенных изменений. Чтобы российская «мягкая сила» была эффективной, как заявил В. В. Путин на Валдайском форуме, «надо себя уважать – вот это главное. Не нужно из кожи лезть вон, чтобы кому-то доказывать, что мы хорошие, ну не надо этого делать. Вот это

¹³⁷ Борисова Е. Г. Мягкая сила – современный инструмент власти. С.8.

¹³⁸ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совещании руководителей представительств и представителей Россотрудничества за рубежом, Москва, 9 июля 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/678197/pop_up (дата обращения: 05.04.2025).

¹³⁹ Заседание Совета Безопасности 01.10.2014 [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/46709> (дата обращения: 05.04.2025).

самое главное. Относиться с уважением к себе, к своей истории, своей культуре, и люди к вам потянутся»¹⁴⁰.

Стоит выделить небольшую особенность в интерпретации политической элитой России понятия «мягкая сила», выражающаяся в противопоставлении ее «жесткой силе» с точки зрения гендерного взгляда на проблему. Если руководство страны заявляло о необходимости жесткого мужского разговора, то Председатель Совета Федерации РФ В. И. Матвиенко на заседании Евразийского женского форума (24 сентября 2015 г.) заявила, что «нынешняя популярность мягкой силы – не простое совпадение. Все устали от агрессивной политики, а жестокость теряет свою привлекательность. Необходим новый подход к политике и бизнесу»¹⁴¹.

Таким образом, можно отметить, что в высшем политическом руководстве России сложилось собственное понимание стратегии «мягкой силы». Понимая роль «мягкой силы» в международных отношениях, ее огромный потенциал в решении проблем в данной сфере через гуманитарные факторы, в то же время ее рассматривают как элемент контрпропаганды. Считают, что главным фактором «мягкой силы» является самодостаточность страны через социально-экономическое развитие, которое сделает ее привлекательной на мировой арене.

Такая точка зрения на природу стратегии «мягкой силы» граничит с «жесткой силой», и в какой-то степени переплетается с ней. Специфика использования этих сил обуславливаются конкретными обстоятельствами. В современном мире события развиваются динамично, усложняются международные отношения, требующие адекватной реакции со стороны акторов внешнеполитической деятельности и выбора соответствующих инструментариев для отстаивания своих позиций. Обычно эта стратегия, ее цели, задачи, направления и т.д. определяются официальными

¹⁴⁰ РИА Новости: Путин высказался о российской "мягкой силе". 21.10.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20211021/myagkaya_sila-1755687528.html (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁴¹ Американские подруги Матвиенко извинились перед ней за «усеченную визу» [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2015/09/26/062/> (дата обращения: 05.04.2025).

государственными документами, одной из важнейших среди которых является концепция внешней политики страны.

В постсоветскую эпоху в России в соответствии с новыми вызовами современности и внешнеполитическими задачами было принято несколько концепций внешней политики¹⁴². Помимо концепций также был принят ряд важных документов¹⁴³, определяющие направления политики в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества, содействия международному развитию, поддержки и продвижения русского языка за рубежом и др.

Впервые термин «мягкая» в официальных документах появился в Концепции внешней политики РФ, утвержденной 12 февраля 2013 . Трактовке данного понятия посвящена ст. 20, которая определяла содержание и место «мягкой силы» во внешней политике страны.

В данном документе «мягкая сила» определяется как всеобъемлющий набор инструментов для достижения внешнеполитических целей, использующий возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и альтернативные методы и технологии

¹⁴² См.: Концепция внешней политики РФ 2013 г.; Концепция внешней политики РФ 2016 г.; Концепция внешней политики РФ 2000 г.; Концепция внешней политики РФ 2023 г.; Концепция внешней политики РФ 2024 г.

¹⁴³ Тезисы «Внешняя культурная политика – год 2000» // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdcomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/34a292cf58dfdb (дата обращения: 05.04.2025); Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/ (дата обращения: 05.04.2025); Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Официальный сайт ФБГУ «Редакция «Российской газеты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2012/05/09/vn-polit-dok.html> (дата обращения: 05.04.2025); Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Официальный сайт ФБГУ «Редакция «Российской газеты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2012/05/09/vn-polit-dok.html> (дата обращения: 05.04.2025); Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. // Официальный сайт Правительства России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (дата обращения: 05.04.2025); Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334> (дата обращения: 05.04.2025); Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 05.04.2025).

вместо традиционной дипломатии¹⁴⁴. Такой подход является неотъемлемой частью современных международных отношений.

В документе также подчеркиваются ее потенциально негативные аспекты. В частности, отмечается, что обостряющаяся глобальная конкуренция и накопление кризисного потенциала могут привести к злоупотреблению концепциями «мягкой силы» и прав человека в политических целях, таких как оказание давления на суверенные государства, вмешательство в их внутренние дела, дестабилизация ситуации и манипулирование общественным мнением и сознанием посредством финансирования гуманитарных проектов и проектов в области прав человека за рубежом¹⁴⁵. Следует отметить, что такая интерпретация «мягкой силы» полностью перекликается с высказываниями В. В. Путина по этой теме, где он заложил негативный тренд в восприятии этой концепции.

В концепции (ст. 39) в качестве целей внешнеполитической дипломатии выделены следующие направления работы: «создание положительного образа России, соответствующего авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества; участие в программах помощи развивающимся странам». Здесь же для решения проблем предлагается активизировать использование «мягкой силы», изучить наиболее эффективные подходы в этой области, учитывая как лучшие международные практики, так и национальные особенности. Как отмечается в документе, этого можно достичь с помощью механизмов сотрудничества с гражданским обществом и экспертами, а также продолжая развивать нормативную базу в этой области.

В концепции подчеркивается важность распространения всеобъемлющей и точной информации о позиции России по важнейшим глобальным вопросам, внешнеполитических начинаниях, внутренних социально-экономических

¹⁴⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁴⁵ Там же

планах, достижениях в области культуры и науки среди широкой аудитории по всему миру (ст. 40).

Следует выделить еще один очень важный момент, отражающий официальную оценку России состояния дел в сфере использования «мягкой силы». Этот аспект изложен в ст. 41, в которой, в частности, отмечается, что Россия в контексте публичной дипломатии будет стремиться способствовать непредвзятому восприятию себя мировым сообществом, будет разрабатывать собственные эффективные средства воздействия на общественное мнение за рубежом, укреплять позиции российских СМИ на международном информационном пространстве, оказывая им необходимую государственную поддержку. Россия будет активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимая необходимые меры для противодействия информационным угрозам своему суверенитету и безопасности. В этих усилиях Россия будет широко использовать потенциал, предоставляемый новыми информационно-коммуникационными технологиями. Россия будет работать над созданием системы правовых и этических стандартов для ответственного использования этих технологий».

Резюмирующую часть этой статьи можно оценивать с точки зрения официальных властей России, которые указывают на неправомерное использование технологий «мягкой силы» с нарушением морально-этических норм и правил в ущерб интересам других акторов международных отношений.

Этот документ, где впервые в российской официальной практике нормативно был закреплён принцип использования «мягкой силы» в деле упрочения позиций России на международной арене, был доступен в интернет-пространстве на пяти языках: русском, английском, французском, немецком и испанском. Таким образом, Россия подчеркивала свою готовность продемонстрировать приверженность мирному пути укрепления своих позиций на мировой арене в соответствии со сложившимися новыми реалиями глобализирующегося мира.

В последующих редакциях концепций ориентиры внешней политики

России и специфика реализации поставленных задач существенных изменений не претерпели. Среди инструментов их достижения значительная роль по-прежнему отводилась «мягкой силе».

Задачи, направления, механизмы реализации «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности России отражены в следующих важнейших документах: в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. и Концепции государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию.

Первый документ был разработан во исполнение указа «Об основах государственной культурной политики»¹⁴⁶, утвержденного в конце 2014 г., который положил начало новой культурной политике в постсоветскую эпоху. Проект¹⁴⁷ документа вызвал неоднозначную реакцию общественности.

В частности, русская служба BBC отмечала, что «в первичном варианте данного документа, разработанного Министерством культуры России, культивировалась идея о непринадлежности России к европейской цивилизации и культуре, и целесообразности отказа от идей мультикультурализма и толерантности»¹⁴⁸. Однако в окончательной редакции документа были учтены замечания и рекомендации экспертного сообщества, результаты публичных обсуждений и устранены некоторые несоответствия.

Этот документ по статусу и содержанию является основополагающим, с которым должны соотноситься все другие документы в области культуры. Его стержневая идея заключается в оценке политики государства в сфере культуры как части стратегии национальной безопасности, рассматривая ее как национальное достояние. Культура рассматривается как важнейший фактор

¹⁴⁶ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/47325> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁴⁷ См.: Проект Основ государственной культурной политики, подготовленный рабочей группой во главе с Руководителем Администрации Президента С. Ивановым // Министерство культуры РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkrf.ru/open-ministry/public-discussions/proekt-osnov-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁴⁸ Православию дали особую роль в культурной политике // Русская служба BBC [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2014/12/141224_putin_culture_approved (дата обращения: 05.04.2025).

социально-политической стабильности и экономического благосостояния государства. На нее возлагается миссия по воспитанию нового поколения, которое достойно обеспечит преемственность в сохранении, умножении и передаче культурного достояния будущим поколениям. В документе постулируется мысль о том, что единение науки, образования, культуры может поднять Россию на качественно иной уровень развития. Поэтому сохранение и развитие культуры для будущего России приобретает стратегическое значение. Она возводится в ранг национальных приоритетов и становится важнейшей сферой забот государства и общества. Культуре отводится немаловажная роль и в обеспечении национального суверенитета, создании благоприятного имиджа на международной арене.

В документе особо подчеркивается многонациональный характер российской культуры, где отмечаются история страны, роль религии и языка. Следует отметить, что если в проекте не было упоминания о роли и значения православия в истории русского государства и общества, то в окончательном варианте подчеркивается ее особая роль в формировании системы ценностей. При этом остальные конфессии были только обозначены без характеристики их значения для развития государства.

В отличие от предыдущих документов, например, Концепции внешней политики 2013 г., в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. нет упоминания о публичной дипломатии, «мягкой силе», но, тем не менее, здесь обозначены их инструменты, особо выделяя значение международного сотрудничества, образования, развития и поддержки гуманитарных наук, распространения русской культуры и языка за рубежом.

Другой важнейший документ, Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию¹⁴⁹ (апрель 2014 г.) представляет российское видение современного мира. По оценке заместителя председателя Совета Федерации РФ. К. И. Косачева,

¹⁴⁹ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334> (дата обращения: 05.04.2025).

данную концепцию можно рассматривать как «доктрину российской мягкой силы»¹⁵⁰, где определены принципы и цели участия России в процессах содействия международного развития. Считается, что, принимая участие в международных процессах, Россия противодействует новым вызовам и угрозам, способствует продвижению национальных интересов на международной арене.

Концепция включает в себя идею оказания помощи странам-партнерам в решении социально-экономических и политических проблем, укреплении дружественных отношений с соседними странами и предотвращении потенциальных конфликтов, особенно в регионах, граничащих с Россией.

Как подчеркивается в данном документе, поставленные задачи могут быть решены через принятие государственных программ по разным направлениям и создание Комиссии России по вопросам содействия международному развитию.

Концепция рассматривает расширения формата международного участия внедрением новых форм двусторонних адресных программ вдобавок уже существующим многосторонним отношениям. Новый формат предполагает участие в нем не только государственных, ведомственных органов власти, но и органов власти регионального уровня, муниципальных образований, бизнес-структур, научных коллективов и иных институтов гражданского общества.

Таким образом, анализ концепций внешней политики, документов, содержащих основ государственной политики в сфере содействия международному развитию, государственной культурной политики России позволяют выявить задачи, решаемые через стратегию «мягкой силы».

Это:

- формирование и укрепление позитивного имиджа России на международной арене;
- создание механизмов по недопущению дискриминации интересов

¹⁵⁰ Косачев К. И. Мягкая сила и жёсткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. 2019. № 4. Т. 19. С. 14.

России и ее партнеров;

- защита интересов, прав и свобод граждан, соотечественников и русскоговорящего населения, проживающего за рубежом;
- распространение и продвижение русского языка;
- содействие инициативам по обмену преподавателями и студентами высших учебных заведений;
- создание благоприятного имиджа страны для привлечения иностранных инвестиций;
- поощрение привлечения в Россию ученых и специалистов высокого уровня квалификации;
- содействие добровольному переселению в Россию специалистов трудоспособного возраста;
- участие России в международных инициативах по охране культурного наследия;
- участие России в международных проектах, направленных на защиту окружающей среды;
- формирование положительного имиджа страны для продвижения индустрии туризма;
- продвижение российских высших учебных заведений путем предоставления конкурентоспособных образовательных услуг для привлечения иностранных студентов и аспирантов;
- недопущение пересмотра истории Второй мировой войны и предотвращение искажения событий, которые могут нанести ущерб национальным интересам;
- укрепление связей на организационном и общественном уровнях для укрепления доверия между народами и странами;
- развитие и расширение новых информационных площадок для представления своих позиций на мировой арене;
- участие в международных инициативах по предотвращению экстремизма, сепаратизма и терроризма;

отстаивание и соблюдение принципов международного права и недопущение вмешательства во внутренние дела других государств.

– содействие развитию гармоничных отношений между государствами на глобальной арене.

Все эти задачи можно сгруппировать и обозначить их тремя крупными блоками:

– утвердить Россию в статусе авторитетного государства, способного брать на себя ответственность в решении международных и региональных проблем и выступить посредником по их урегулированию;

– обеспечить равные партнерские отношения со всеми странами мира, а также выстроить добрососедские отношения на постсоветском пространстве;

– создать позитивный имидж России для привлечения инвестиций, высококвалифицированных специалистов и ученых;

– сделать Россию конкурентоспособной на рынке оказания образовательных услуг на уровне мировых стандартов и привлекательной для развития индустрии туризма.

Реализация этих задач в рамках стратегии «мягкой силы» требует решения институциональных и организационных проблем. Эта миссия возложена на все органы государственной власти, в частности, на МИД России, Россотрудничество, Минэкономразвития РФ, Минобрнауки, Минкультуры, Минобороны, Федеральную службу по военно-техническому сотрудничеству, МЧС России, а также на региональные власти.

Инструменты для достижения поставленных целей можно разделить на две основные группы:

1) традиционные включающие, прежде всего, стратегии и элементы культурной деятельности, через науку, образование, распространение русского языка, налаживание контактов на уровне различных сообществ, интенсификации молодежных, научных, культурных контактов, создание сети неправительственных СМИ с привлекательным контентом, туризм,

распространение продуктов и идей массовой культуры и др.

2) специфические, больше ориентированы на постсоветское пространство и включают различные гуманитарные миссии, гуманитарную помощь, создание режима благоприятствования для миграционных процессов, разработка программ адаптации мигрантов, упрощенная процедура получения гражданства РФ, помощь расширения сети русскоязычных школ и других образовательных заведений, приоритетное выделение квот для обучения в высших учебных заведениях России, оказание помощи действующей власти и др.

Рассуждая на тему, в чем заключается особенность российского понимания «мягкой силы» бывший руководитель Россотрудничества К. И. Косачев отмечает, что на современном этапе «ключевой становится именно опора на инструменты "мягкой силы", а не только на формирование экономического фундамента...»¹⁵¹. Он утверждает, что концепция «мягкой силы» широко распространена в западном мире, и Россия должна перенять этот подход для эффективного решения определенных вопросов дипломатическим путем¹⁵². Он считает, что Россия обладает значительным потенциалом для привлечения внимания, который необходимо тщательно изучить и развивать¹⁵³.

В начале данного раздела диссертационного исследования был затронут вопрос об эволюции идеи «мягкой силы» в понимании и интерпретации высшего руководства страны. Опираясь на различные мнения, высказанные представителями политической власти в разное время, можно сформулировать принципы, на которых должна базироваться российская модель «мягкой силы».

Это:

¹⁵¹ Косачев К. И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642> (дата обращения: 03.03.2022).

¹⁵² Косачев К. И. «Мягкая сила» России – по следам актуальных дискуссий [Электронный ресурс] // Бельгийская ассоциация русскоязычных организаций. 25.01.2013. Режим доступа: <http://www.bfro.be/ru/k.kosachev.-mjagkaja-sila-rossii-po-sledam-aktual-nyh...> (дата обращения: 03.03.2022).

¹⁵³ Косачев К. И. Украинский кризис и «мягкая сила» России [Электронный ресурс] // Портал «Балтия» 15.05.2014. Режим доступа: <http://baltija.eu/news/read/38180> (дата обращения 03.03.2022).

- принцип соблюдения суверенитета, предполагающий обязательности взаимного уважения, невмешательство во внутренние дела друг друга;
- принцип сотрудничества без предусловий, основанный на равноправии сторон, без навязывания идеологии и модели государственного устройства, обвязывания выбора геополитической и цивилизационной ориентации;
- принцип безопасности, предусматривающий право суверенного государства обеспечивать собственную безопасность, возможность участия в международных проектах по обеспечению безопасности без ущерба, как для собственного государства, так и для других.

При этом следует отметить, любая национальная модель «мягкой силы», в том числе российская, должны находиться в полном соответствии с общепринятыми глобальными ценностями, таковыми, как соблюдение базовых принципов демократии, прав и свобод личности, принципов справедливости и гуманизма, и других, закрепленных в различных международных актах. Как справедливо отмечает К. И. Косачев, «свобода, демократия, законность, социальное равновесие и права человека – все это стало "потребительской корзиной" современного мира, обладать которой в идеале хотел бы каждый. Любая концепция, противоречащая этому «набору стандартов XXI века», вряд ли будет успешной в долгосрочной перспективе. Цель сохранения национальных обычаев не должна противоречить общепризнанным правам человека, нормам и принципам международного права, которые защищают фундаментальные демократические стандарты гражданина»¹⁵⁴.

Институциональные и организационные аспекты решения внешнеполитических задач России отражены в принятых документах, которые предусматривали создание организаций, учреждений и выработку механизмов. Следует отметить, что постсоветская Россия имела достаточно развитую

¹⁵⁴ Косачев К. И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642> (дата обращения: 05.04.2025).

систему для реализации обозначенных задач. Советское наследие имело сильную основу и методологическую базу, которые впоследствии были востребованы властями современной России. Достаточно отметить, что в советскую эпоху успешно функционировали такие институциональные образования как Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Союз советских обществ дружбы (ССОД), Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при правительстве (Росзарубежцентр). Эти организации за годы своего существования успешно выполняли функции по популяризации культуры народов СССР за рубежом, обмену делегациями ученых и деятелей искусств, организации и участию в международных выставках и фестивалях и т.д. Эти организации имели свои офисы в большинстве стран мира.

После распада Советского Союза эти организации, перешедшие под юрисдикцию России, подверглись реорганизации. В апреле 1992 г. Союз советских обществ дружбы (ССОД) был переформатирован в Российскую ассоциацию международного сотрудничества (РАМС). С учетом требований современности и возникших новых вызовов было создано Российское агентство международного сотрудничества и развития (РАМСиР), в задачи которого входила реализация стратегии интенсификации информационных, культурных и научно-технических связей России за рубежом через существующие собственные представительства. В 1994 г. функции РАМСиР были переданы Российскому центру международного научного и культурного сотрудничества при Правительстве РФ (Росзарубежцентр), который вошел в систему органов государственной власти РФ.

Исходя из целей внешнеполитической деятельности в рамках стратегии «мягкой силы», в 2008 г. было создано Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), обладающее широкими полномочиями в развитии гуманитарных связей с зарубежными странами в целом, и с государствами СНГ в частности. Агентство было подчинено

Президенту РФ, а подведомственно – МИД РФ. Появление этого органа было продиктовано необходимостью «повышения эффективности государственного управления в области международного сотрудничества»¹⁵⁵.

«В настоящее время Россотрудничество представлено в 81 стране мира 98 представительствами: 74 российских центра науки и культуры (РЦНК) в 62 странах, 24 представителя Агентства в составе посольств в 22 странах. Большинство представительств Россотрудничества расположено в странах Европы и Азии. Имеются представительства и в странах Южной и Северной Америки, Африки, а также в странах постсоветского пространства»¹⁵⁶.

Россотрудничество как федеральный орган исполнительной власти РФ, претворяющий в жизнь государственную политику в сфере международного гуманитарного сотрудничества, содействия распространению за рубежом объективного представления о современной России и создания благоприятного имиджа страны, осуществляет свою деятельность в следующих направлениях:

- создание условий и содействие процессу распространения русского языка в мире;
- продвижение науки и образования за рубежом;
- создание условий для знакомства с достижениями российской культуры и содействие ее продвижению;
- защита интересов, свобод и прав соотечественников, проживающих за рубежом и соответствующая работа с ними по созданию позитивного имиджа страны;
- разработка и реализация различных проектов, участие в мероприятиях в сфере содействия международному развитию и поддержки народной дипломатии.

О степени эффективности российской «мягкой силы» в рамках деятельности Россотрудничества можно судить по докладу о результатах

¹⁵⁵ Медведев упразднил Росзарубежцентр при МИД РФ и передает его функции федеральному агентству по делам СНГ [Электронный ресурс] // Newsru. 08.09.2008. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/08sep2008/sng.html> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁵⁶ Исследовательский центр «ДИСКУРС»: Россотрудничество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://c-discurs.ru/clients/rossotrudnichestvo/> (дата обращения: 05.04.2025).

работы агентства по реализации возложенных на него полномочий за 2020 г. В докладе отмечается, что «В 2020 г. Россотрудничество продолжило реализацию общественно-гуманитарных проектов, направленных на формирование у зарубежной общественности объективного восприятия нашей страны, ее роли и места в мировой истории. Для продвижения позитивного имиджа России за рубежом агентство активно взаимодействовало с редакциями и корпунктами ведущих международных и российских СМИ (ТАСС, МИА "Россия сегодня", ВГТРК, Интерфакс и др.), а также с зарубежными медиасообществами, активно используя партнерские интернет-платформы для прямых трансляций тематических мероприятий»¹⁵⁷.

В рамках празднования 75-летия победы в Великой Отечественной войне были организованы на различных площадках «показ фильмов, разноформатные общественно-гуманитарные мероприятия (акции "Георгиевская ленточка", "Бессмертный полк", "Свеча памяти"), экспонировались историко-документальные выставки, на онлайн-площадках состоялось более 20 кинопоказов документальных и художественных фильмов о культуре, истории и природных богатствах России с английскими субтитрами»¹⁵⁸. «С целью привлечения талантливых граждан, проживающих за рубежом, на работу в Российскую Федерацию, реализованы мероприятия просветительского и мотивационного характера»¹⁵⁹.

Проделана значительная работа по популяризации российского профессионального образования: «В 16 странах организованы и проведены просветительские мероприятия по привлечению на учебу соотечественников и иностранных граждан в Российскую Федерацию (16 790 участников)»¹⁶⁰. Агентство принимало непосредственное участие «в планировании, организации и проведении отборочной кампании 2020/21 учебного года на обучение в

¹⁵⁷ Россотрудничество: Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2020 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rwp.agency/agency/open-a/index-detail/doklady-o-rezultatakh-deyatelnosti-rossotrudnichestva/> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

России в пределах установленной Правительством РФ квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства (15 000 мест в соответствии с постановлением Правительства РФ от 8 октября 2013 года № 891)»¹⁶¹.

Представительствами агентства в зарубежных странах и при их содействии «реализовано порядка 3 000 разноформатных мероприятий, ориентированных на продвижение русского языка в мире (количество участников – около 900 000 чел.), в том числе в 80 странах в рамках празднования Дня русского языка – свыше 160 разноплановых мероприятий (около 20 000 участников), а также 28 мероприятий, организованных соотечественниками, проживающими в 17 странах»¹⁶².

В 2020 г. Россотрудничеством «в 60 странах была оказана поддержка общественным объединениям соотечественников (более 300 инициатив), поддержано проведение соотечественниками 68 мероприятий, приуроченных к Дню народного единства, в 36 странах; продолжена работа по уходу за мемориальными местами погребений в Болгарии, Греции, Италии, Марокко, Тунисе и Турции»¹⁶³.

Кроме Россотрудничества проводниками российской «мягкой силы» на международной арене вступают и другие некоммерческие организации (НКО).

Одним из первых стал фонд «Русский мир», учрежденный в 2007 г. указом Президента РФ В. В. Путина (председателем Правления фонда является В. Никонов). В фонде представлены исключительно организации и учреждения государственной власти и квази-государственные НКО (учрежденные Правительством РФ).

По идеи организаторов, фонд «Русский мир» – «это глобальная инициатива, объединяющая людей, говорящих по-русски и неравнодушных к России и ее будущему, деятельность которого направлена на формирование

¹⁶¹ Россотрудничество: Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2020 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rwp.agency/agency/open-a/index-detail/doklady-o-rezultatakh-deyatelnosti-rossotrudnichestva/> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

нового чувства национальной идентичности и усиление присутствия России в мире»¹⁶⁴. В идеологии фонда прослеживается установка на преодоление социальной разобщенности и индивидуализма, на приоритет общественного долга над личными интересами, общего блага над индивидуальным счастьем. Фонд имеет свои представительства в 45 странах¹⁶⁵.

Важными инструментами российской «мягкой силы» также являются существующие в настоящее время различные экспертные платформы и аналитические центры. Среди наиболее известных и пользующихся авторитетом за рубежом можно назвать Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», Международный дискуссионный клуб «Валдай», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова.

Мировой общественный форум «*Диалог цивилизаций*» (создан в 2002 г., президент-основатель фонда – В. И. Якунин, профессор МГУ, бывший руководитель РЖД) объединяет в своих рядах ученых, интеллектуалов, политиков, деятелей искусства и культуры различных стран. Фонд позиционирует себя как международная неправительственная организация и считает своей миссией налаживания диалога между народами, независимо от их расы, национальности, религиозной принадлежности, политических предпочтений и т.д. Фондом периодически проводятся тематические конференции в различных странах, также осуществляется издательская деятельность.

Известной экспертной площадкой стал созданный в 2004 г. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. Учредителями клуба выступили: МГИМО, НИУ-ГУВШЭ, Российский совет по международным делам (РСМД) и Совет по внешней и оборонной политике (СВОП). Позиционируя себя как открытая площадка, куда обычно приглашаются известные политики, ученые, эксперты, клуб считает своей миссией создания атмосферы открытости, где приглашенные специалисты и другие участники

¹⁶⁴ Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁶⁵ Там же.

мероприятий, могли свободно обмениваться мнениями, высказывать свою точку зрения по актуальным проблемам современности. Достаточно отметить, что постоянным участником заседаний клуба является В. Путин, что подчеркивает высокий статус данной площадки.

Другой экспертной площадкой стал *Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова*, созданный Правительством РФ в 2010 г., который официально считается неправительственным. Как гласит распоряжение Президента РФ (№ 60-рп от 02.02.2010 г.), «целями фонда являются поддержка публичной дипломатии, содействие участию российских неправительственных организаций в международном сотрудничестве и активное вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс»¹⁶⁶.

Фонд на постоянной основе поводит конференции, семинары, круглые столы с участием экспертов из разных стран мира. Большинство участников мероприятий, проводимых фондом, - молодые политологи, специалисты в области международных отношений, исследователи, государственные служащие и представители гражданского общества.

Наряду с вышеперечисленными организациями функционируют и другие, созданные в постсоветскую эпоху, не аффилирующие себя с органами власти. Одним из первых подобных организаций стал «*Совет по внешней и оборонной политике*» (СВОП) (председатель президиума СВОП – Ф. Лукьянов, а почетный председатель Президиума – С. Караганов). Он основан в 1992 г. и у истоков его создания стояли политики, представители деловых кругов, общественных организаций. Совет стал экспертной площадкой, в том числе для представителей силовых министерств, военно-промышленного комплекса, науки и средств массовой информации. Основной целью СВОП заявлено «содействие созданию и реализации стратегических рамок развития России, ее

¹⁶⁶ Распоряжение Президента Российской Федерации от 02.02.2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30577> (дата обращения: 05.04.2025).

внешней и оборонной стратегии, а также развитию российского государства и гражданского общества внутри страны»¹⁶⁷.

Появление следующего аффилированного властью аналитического центра «*Институт демократии и сотрудничества*» (2007 г., руководитель – А. Мигранян) по времени совпало с мюнхенской речью В. В. Путина, где он заявил, что «европейское понимание демократии не является эталоном, и страны, которые учат Россию демократии, сами не отличаются приверженностью к демократии»¹⁶⁸.

Это послы составило идейную основу создания нового института со штаб-квартирой в Париже. Он имел свое представительство и в Нью-Йорке, однако в 2015 г. оно было закрыто. Объясняя причину закрытия, руководство института заявило, «поскольку с правами человека в США ситуация улучшилась в лучшую сторону, и поэтому нет надобности в его существовании»¹⁶⁹.

Как следует из документов института, его целью является мониторинг нарушения прав и свобод граждан в США и странах Европы. Осуществляя свою деятельность через проведение конференций, создания дискуссионных площадок, издательскую деятельность, институт среди своих первоочередных задач выделяет изучения проблем взаимодействия государства и гражданского общества с точки зрения незыблемости суверенитета государства и соблюдения прав и свобод человека, взаимоотношений по линии Восток-Запад, роли и значения НПО в политической жизни общества, изучение различных интерпретаций прав человека через страновое сравнение, значения исторической памяти в современной политике. Согласно идеям и задачам института, можно определенно отмечать его консервативный характер в вопросе прав и свобод человека, которые должны и могут быть реализованы в рамках суверенного государства. Как отмечают основатели института,

¹⁶⁷ Совет по внешней и оборонной политике: О Совете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svop.ru/about/> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁶⁸ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁶⁹ Закрывается нью-йоркский Институт демократии и сотрудничества [Электронный ресурс] // Грани.ру. 28.06.2015. Режим доступа: <http://grani.ru/Politics/Russia/m.242338.html> (дата обращения: 05.04.2025).

«политический порядок должен основываться на моральной перспективе, и в особенности на иудео-христианской этике, которая объединяет восточную и западную части европейского континента»¹⁷⁰.

Важнейшее место в структуре существующих российских аналитических центров занимает «Российский совет по международным делам» (РСМД). Центр был создан распоряжением Президента РФ (от 02 февраля 2010 года № 59-рп) на основе некоммерческого партнерства. На данный центр возлагались задачи содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению международных конфликтов и кризисное регулирование. В президиум центра входят известные политики, государственные служащие высокого ранга, предприниматели, представители научной среды. Примечательно, что в составе структурных подразделений РСМД нет ни одного представителя иностранного эксперта, общественного деятеля, ученого или политика. Центр реализовывает возложенные на него задачи через исследовательские и образовательные проекты, проведения конференций, круглых столов, семинаров, издательскую деятельность, где обсуждаются актуальные проблемы современности.

Перечислив наиболее крупные институциональные инструменты по реализации российской стратегии «мягкой силы», следует отметить, что их значимость и потенциал на международной арене оцениваются невысоко. В существующих глобальных рейтингах российские аналитические центры занимают низкие места. Например, в глобальном рейтинге аналитических центров (2020 Global Go To Think Tank Index Report) РСМД не попал в число 154 лучших аналитических центров мира¹⁷¹.

В международных рейтингах относительно успешными могут считаться не рассмотренные нами исследовательские центры – Московский центр

¹⁷⁰ Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом: Институт демократии и сотрудничества: справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/konstantin_dolgov_prava_cheloveka_ne_terpyat_dvoynikh_standartov_191/ (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁷¹ 2020 Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann University of Pennsylvania. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks (дата обращения: 05.04.2025).

Карнеги: 19-е место – в общемировом списке, 14-е в глобальном списке, без учета американских центров, 5-е – в списке стран Центральной и Восточной Европы; Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) – 38-е место в общемировом списке, 33-е – в общем списке, без учета США, 8-е – в региональном списке по Центральной и Восточной Европе; Московский государственный институт международных отношений – 152-е место в общемировом списке, 124-е в глобальном списке, без учета американских центров, и 5-е – по Центральной и Восточной Европы¹⁷².

Таким образом, рассмотрев концептуальные основы понимания стратегии «мягкой силы», можно отметить, что первоначальное понимание сути этого явления сложилось среди политической элиты, а впоследствии она стала предметом исследований и для научного сообщества. Сложились определенные подходы к исследованию «мягкой силы», в последнее время появилось немалое количество монографий и статей, где исследуются различные аспекты проблематики. Следует отметить и применимость на практике данной стратегии. Появились различные организации и учреждения, призванные для реализации российской стратегии «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности.

¹⁷² 2020 Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann University of Pennsylvania. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks (дата обращения: 05.04.2025).

Глава 2. Ресурсы и инструменты стратегии «мягкой силы» как средства обеспечения влияния России в Казахстане

2.1. Особенности использования российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве

После распада Советского Союза на постсоветском пространстве образовалось 15 новых независимых государств, которые объявили о своем суверенитете. Каждое из этих новообразованных государств выбрало свой путь развития и цивилизационную ориентацию. В организовавшемся Содружестве Независимых Государств «центробежные силы оказались намного сильнее центростремительных. Взаимного доверия новые независимые государства так и не приобрели, и Содружество стало для них формой цивилизованного развода, позволившей им избежать повторения "югославского сценария"»¹⁷³.

Практически с первых же дней распада СССР перед руководством новой России стояла задача сохранения в своей орбите бывших советских республик. Такая необходимость порождалась рядом факторов. Преодоление последствий распада страны, сохранение статуса преемника СССР, дальнейшее развитие предполагали сохранения единой системы хозяйственно-экономических связей. Интеграционным процессам также способствовали наличие общей истории, ценностей, культуры, распространение русского языка, личностные и родственные связи и контакты, а также элементы общего информационного и научного пространства. Кроме того, за пределами России оказалось не менее 25

¹⁷³ Бурков В. Г., Мещеряков К. Е., Шамгунов Р. Г. Содружество Независимых Государств как средство «цивилизованного развода»: к вопросам о распаде СССР и создании СНГ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика». 2016. № 1. С. 100.

млн. русскоязычного населения, которых можно было рассмотреть в качестве потенциальных граждан.

Важнейшим средством для России с точки зрения притяжения бывших советских республик стало применение технологий «мягкой силы». По данным британского PR-агентства Portland, в 2017 г. Россия заняла 26-е место в рейтинге 30 стран по эффективности использования стратегии «мягкой силы»¹⁷⁴. Данный результат был достигнут благодаря успешной реализации различных проектов по интенсификации интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Глобальная цель России по интеграции постсоветского пространства и сохранению своего влияния в этом мегарегионе в рамках реализации стратегии «мягкой силы» предполагает решение комплекса задач: 1) предложение привлекательных проектов по обеспечению экономического развития, содействие возможности трансформации политической системы и политической культуры в приемлемом для России русле; 2) реализация культурных программ для разностороннего обмена ценностями с соблюдением национальной идентичности в этих странах. Представляется, что последовательное решение этих задач является фактором достижения качественно нового уровня социально-политических, экономических, культурных отношений в странах постсоветского пространства, которые будут способствовать формированию и восприятию позитивного имиджа России.

Российская практика «мягкой силы» постсоветского периода свидетельствует о ее многомерности, нелинейности и противоречивости, которая не всегда учитывает глобальные и региональные тенденции развития, зачастую прибегая к имперской риторике, нередко и к «жесткой силе». В результате вместо прогресса во взаимоотношениях с потенциальными партнерами/союзниками Россия получает эффект отката назад с необходимостью выстраивания нового типа отношений заново, с тратой уже

¹⁷⁴ Русская мягкая сила против американских авианосцев [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 09.09.2017. Режим доступа: <https://topwar.ru/124513-russkaya-myagkaya-silaprotiv-amerikanskikh-avianoscev.html> (дата обращения: 05.04.2025).

больше средств и ресурсов. Во временном вакууме дипломатического молчания на мировой арене другие действующие лица, по-видимому, предлагают более привлекательные концепции и подходы для стран бывшего Советского Союза. Эти альтернативные точки зрения могут привести к определенным разногласиям в этих обществах, что иногда способствует негативному восприятию России и подрывает ее репутацию.

Отсутствие последовательности в действиях России в реализации стратегии «мягкой силы» придает данному процессу характер половинчатости, не оставляя шансов считаться успешным. На этой почве возникают взаимные обиды, а в национальных республиках начинается процесс выискивания всех негативных моментов, исторически имевшие место во взаимоотношениях с Россией. Малейшее проявление покровительственного отношения к бывшим советским республикам или проявление превосходства России над ними сводят на нет перспективы установления взаимовыгодных и гармоничных отношений.

Для России постсоветское пространство является стратегически важным регионом, обусловленным не сиюминутными прикладными интересами, а экзистенциальными, которые имеют глубокие исторические, геополитические, экономические и др. корни. На этом пространстве российская стратегия «мягкой силы» приобрела особую масштабность, целью которой является создание новой евразийской идентичности. Очевидно, что построение новой идентичности – очень сложная задача, которая осложняется неоднородностью постсоветского пространства, наличием огромного количества проблем разнопланового характера. Тем не менее, реализация этого проекта продиктована стратегическими целями России и представляет собой вызов Западу, который стремится доминировать на этой территории.

После распада Советского Союза внешнеполитические подходы бывших советских республик к России претерпели значительные изменения. Еще до подписания Беловежского соглашения и официального объявления о распаде СССР страны Балтии начали активно отделяться от России и других советских республик, выбирая путь интеграции с западными странами. Примерно такая

же политика была характерна для Молдавии и Грузии, но с меньшей степенью успешности реализации своего желания войти в западный мир.

Тесные отношения с Россией сохранила Белоруссия, которая последовательно принимала участие во всех интеграционных инициативах России. Трудно назвать периоды охлаждения в отношениях между Россией и Белоруссией со времени распада СССР. Союзнические отношения Белоруссии с Россией зиждились на единых корнях этнического происхождения, религии, военном сотрудничестве, торговых связях и т.д.

Если с Белоруссией отношения можно считать близкими к идеалу, то с Украиной, второй по значимости и потенциалу среди бывших союзных республик, взаимоотношения России строились по сложному сценарию, которые, в конечном итоге, привели к вооруженному конфликту между этими двумя странами.

Своеобразие было характерно и для Южнокавказских республик: Азербайджана, Армении и Грузии. Как уже выше указано, Грузия, которая вслед за прибалтийскими республиками провозгласила о выходе из состава СССР (09.04.1991 г.), даже, несмотря на вхождение в состав СНГ, не тяготела к интеграционным процессам на постсоветском пространстве под эгидой России (следует заметить, что и Россия в первые годы после распада СССР не стремилась к данным процессам, т.к. она тоже взяла курс на сближение с Западом).

Сложнее было Азербайджану и Армении, которые уже находились в состоянии войны из-за Нагорного Карабаха. Понимая специфику своего геополитического положения, Армения, хотя и непоследовательно, но все-таки взяла курс на сближение с Россией и начала играть некоторую роль в интеграционных процессах в рамках евразийского проекта. Азербайджан же стремился к выстраиванию многосекторной внешнеполитической стратегии, соблюдая баланс между различными центрами силы и влияния.

Особым миром в составе Советского Союза представлялись Казахстан и Центрально-Азиатские республики: Киргизия, Таджикистан, Туркмения и

Узбекистан. Эти республики, которые больше всех были заинтересованы в сохранении единого государства, вышли из состава СССР последними, когда, по сути, больше его и не существовало. Казахстан до конца стремился к сохранению Союза и впоследствии стал одним из инициаторов реализации идеи евразийской интеграции. Тесные торгово-экономические связи, ограниченность природных ресурсов, сложившиеся специфические геополитические условия в регионе, объективно толкали Киргизию и Таджикистан к сохранению близких отношений с Россией, в то время как, Туркмения стремилась к ограничению связей с Россией и взяла курс на сближение с Ираном, Турцией и другими странами региона.

В последующий период внешнеполитический курс бывших советских республик претерпел существенных изменений, которые на настоящий момент позволяют выделить некоторые особенности, связанные с их участием в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. На наш взгляд, таких особенностей глобально две. Первая особенность проявляется через желание и готовность постсоветских стран, кроме стран Балтии, участвовать в интеграционных процессах. В частности, следует отметить, что в данном вопросе до сих пор среди их политических элит не сложилось единого мнения относительно необходимости этих процессов. Более того, произошло размежевание, которое привело к появлению определенных групп стран со своими предпочтениями и видением себя в евразийском проекте. Во-первых, Латвия, Литва и Эстония не видят себя в евразийском сообществе ни в каком качестве, и они достаточно успешно интегрированы в сообщество западных стран; во-вторых, образовалась другая группа стран (Грузия, Молдова, Туркменистан, Узбекистан, Украина), которая начала дистанцироваться от тесного сотрудничества с Россией, несмотря на наличие прочных экономических связей (пожалуй, за исключением Грузии и Туркменистана, которые менее связаны с Россией); в-третьих, две страны – Азербайджан и Армения – в силу определенных причин тяготеют к сотрудничеству с Россией и проявляют интерес к евразийскому процессу (Армения в меньшей степени

особенно в последнее время); в-четвертых, обособилась группа стран в составе Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, которые проявляют наибольшую заинтересованность в интеграционных процессах. В качестве второй глобальной особенности интеграционных процессов мы выделяем отсутствие объединяющих ценностных установок и общей политической повестки, которые были бы привлекательны для всех участников глобального проекта. Эта черта показывает слабость и малоперспективность интеграционных процессов, которая, особенно учитывая потенциал США и ЕС, может через какое-то время потерять своей актуальности, чему уже имеются некоторые малоутешительные факты, показывающие усиления позиций на постсоветском пространстве других сил. Приходится согласиться с мнением, что «риск подобного исхода существенно актуализирует необходимость немедленного развития "мягкой силы" на пространстве СНГ»¹⁷⁵.

Российская стратегия «мягкой силы» строится на трех линиях, которые определяют содержания действий на выработку эффективных механизмов для защиты собственных национальных интересов:

– обращение к исторической памяти: эта линия, безусловно, не лишена преимуществ, поскольку совместное существование бывших советских республик сначала в составе российской империи, впоследствии в социалистическом государстве, оставило в памяти людей немало позитивных воспоминаний о совместном проживании, достижений и т.д. Однако опора на историческую память и традиции не может быть долгосрочной. Во-первых, со времени распада СССР уже прошло более 30 лет, достижения той страны значимы и ценны для старшего поколения, которые в некоторых республиках уже составляют меньшинство в демографической структуре населения; во-вторых, для молодого поколения не вполне очевидны преимущества однонаправленной, безальтернативной интеграции в единое пространство под кураторством России, поскольку в условиях глобализации образовались и иные

¹⁷⁵ Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис... канд. полит. н. 23.00.04; СПбГУ, 2016. С. 141.

траектории для собственного развития с возможностью изучения иностранных языков, получения образования за рубежом, сменой места жительства и т.д.;

- реакция на локальные, краткосрочные вызовы: эту линию можно сравнивать с управлением процессами в ручном режиме, решением возникающих проблем в срочном порядке, не оставляющих времени и возможности для их глубокого осмысления и принятия стратегического решения с выработкой механизмов ее реализации. Хаотичность этой линии выражается в использовании всевозможных, иногда даже противоречащих друг другу средств для решения сиюминутных задач, сопровождаемых поиском новых ориентиров для развития и сохранения своей идентичности;

- управления будущим: эта линия предполагает стратегию с позитивным содержательным наполнением и предложением рациональных механизмов ее реализации. Данная линия может быть жизнеспособной на долгосрочную перспективу. Содержательная сторона этой линии ориентирована на создание привлекательного образа страны и народа, формирование новой поведенческой модели, способствующей установлению толерантных, равноправных отношений на основе взаимного уважения истории, культуры, национальных особенностей друг друга. По направлениям эта линия должна быть многовекторной, предусматривающей все составляющие жизни общества: политику, экономику, социо-культурную и др. сферы.

Могут быть выявлены и иные, даже альтернативные варианты в линиях российской «мягкой силы», но анализ теории и имеющейся практики позволяет сгруппировать и выделить выше охарактеризованные линии.

Обращая внимание на содержание этих линий, следует отметить, что они, располагая, несомненно, как достоинствами и недостатками, могут быть жизнеспособны и эффективны только в случае их совместного гармоничного применения. Например, только опора на историческую память вытесняет на периферию гуманитарную составляющую бытия, лишает возможности людей думать на перспективу, сковывает их идеологическими установками во имя

иной раз абстрактных, не всегда понятных и принимаемых ими, идей и ценностей. Необходимо выстраивать новую стратегию, ориентированную на будущее в соответствии с вызовами глобализации, безусловно, при этом сохраняя и оберегая историческую память, культуру и традиции народов. Резкий уход от прошлого и стремительное движение к будущему могут навредить созидательной стратегии. Только таким образом можно предлагать гражданам новые конструкции будущей модели развития, которые могут их заинтересовать и сделать активными участниками и сторонниками интеграционных процессов.

Указанные сложности создают определенные преграды для России на пути формирования эффективной стратегии «мягкой силы» на постсоветском пространстве. Необходимо понимание «мягкой силы» как совокупности достижений страны во всех сферах, как-то в политической привлекательности, экономической успешности, интеллектуально-технологических достижений, образовательной конкурентоспособности, успешной модели социального развития и т. д. Объективно существующие трудности не позволяют России на равных конкурировать, например, с США и ЕС, и придают российской «мягкой силе» эффект догоняющего типа. Однако на постсоветском пространстве (кроме Балтийских республик), с учетом характера сложившихся межгосударственных, межнациональных отношений и направленностей социально-экономического, политического развития, представляется возможным выстраивать новую систему отношений в рамках евразийского проекта.

Большинство стран постсоветского пространства не имеет собственного опыта государственного строительства. Самоорганизация сообществ в них, включая и Россию, не всегда происходит на основе западных моделей, а собственных, основанных на других социокультурных основаниях, которые предполагают и тип их социальности. Если постиндустриальный мир живет в ином измерении, где в приоритете права и свободы человека, нежели общества и государства, люди стремятся к приватности во взаимоотношениях,

впечатляют технологические достижения, то в индустриальном мире (в постсоветском варианте), куда должны быть отнесены все постсоветские республики, в приоритете вопросы поиска собственной идентичности, политической и экономической модели развития, выстраивания новых социальных отношений, избавления от идеологической замкнутости, обеспечение собственной социальной и экономической безопасности, способов толерантных взаимоотношений между народами бывшего Союза и пр.

Данная специфика цивилизационного развития стран постсоветского пространства дает шанс России через свое собственное обновление вовлечь их в интеграционные процессы. С учетом данной специфики необходимо выстраивать стратегию «мягкой силы», которая может оказаться результативной.

Существуют и другие факторы, обуславливающие ее эффективность. Во-первых, не должно быть административного «перетягивания» инициативы и стремление к бесконечной ее централизации и жесткой регламентации; во-вторых, необходим нужный баланс между ценностями прошлого, исторической памяти и будущими целями и видением развития. Игнорирование того и другого фактора окажется контрпродуктивным и еще в большей степени будет содействовать разладу между Россией и странами постсоветского пространства; в-третьих, стратегия окажется плодотворной, если будет выстроена на принципах взаимного уважения, без стремления к доминированию и грубому подчинению себе, без использования имперской риторики; в-четвертых, реализация этой стратегии не должна выглядеть как проявление патерналистской заботы, а должна подчеркивать взаимную заинтересованность в решении насущных проблем интернирующихся обществ.

Важнейшим условием успеха реализации стратегии «мягкой силы» является то, какие субъекты вовлечены в этот процесс. Представляется, что в данном вопросе следует опереться на различные институты гражданского общества, негосударственные некоммерческие организации. Акцентируя внимание на проблемах реализации российской модели «мягкой силы»,

негативного результата на Украине, К. И. Косачев справедливо замечает, что «мягкой силой» не должны заниматься государство и чиновники. С учетом отсутствия доверия общества к государству на уровне архетипов сознания, представляется верным, если в этот процесс будут вовлечены сами граждане. В результате осознанные и воспринимаемые ими ценности, предлагаемые в рамках «мягкой силы», будут лучше усвоены и достаточно успешно реализованы на практике.

Размышляя о причинах кризиса на Украине, К. И. Косачев указывает, что «мягкая сила» будет эффективной на основе взаимного доверия между людьми, обществами. В достижении этой цели, как считает К. И. Косачев, главенствующая роль должна быть отведена различным НКО. Что касается событий на Украине, он отмечает, что «именно усилия американских и европейских неправительственных организаций, которые активно участвовали в украинской политической и общественной жизни, обеспечили триумф Евромайдана в Украине в 2013 г.»¹⁷⁶. Что касается России и ее подхода с использованием «мягкой силы», то он подчеркивает ее слабость и неконкурентоспособность по сравнению с ее геополитическими соперниками. В частности, он пишет, что «у нас насчитывается около 5000 официально зарегистрированных неправительственных организаций с различной внешнеполитической ориентацией, в том числе 859 со статусом «международных». Однако на практике мы иногда становимся свидетелями того, как американские или европейские фонды работают более эффективно, чем наша номинальная «армия» НКО»¹⁷⁷.

Трудно не согласиться с мнением К. И. Косачева относительно невысокой оценки эффективности российской стратегии «мягкой силы». Не будем оспаривать мнение и других критиков, которые в контексте украинских

¹⁷⁶ «В кризис в разы повысилась посещаемость курсов балета», - Константин Косачев, руководитель Россотрудничества [Электронный ресурс] // Ведомости 13.03.2014. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/13/v-krizis-v-razy-povyshilas-poseschaemost-kursov-baleta> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁷⁷ Там же.

событий отмечают, что «мягкая сила» России оказалась слишком мягкой¹⁷⁸, российская «мягкая сила» на поверку оказалась мягким бессилием¹⁷⁹.

Возникает закономерный вопрос: чем же вызвана слабость российской «мягкой силы», несмотря на немалые финансовые вливания¹⁸⁰ со стороны государства. Анализ российской стратегии «мягкой силы» позволяет выявить два компонента, которые определяют ее слабость.

Во-первых, она пока не способна выработать глобальные идеи, предложить мега-проекты, транслировать идеологический посыл, хотя Дж. Най подчеркивает важность идеологического измерения в «мягкой силе». Как справедливо подчеркивает К. И. Косачев, «у России, в меньшей степени, чем Европейскому Союзу и Соединенным Штатам, есть что сказать миру. Мы все ищем идеальное решение вопроса о том, как должно быть структурировано наше собственное общество»¹⁸¹.

Считаем справедливым его мнение в вопросе о причинах успеха западных НКО на Украине, который он связывает именно с привлекательным идеологическим посылом украинскому обществу.

Во-вторых, стратегия «мягко силы» предполагает «обольщения» посредством привлекательной социально-экономической модели, которой у России на данный момент не существует. Безусловно, патриотично настроенные политики, чиновники, гражданские активисты и пр. всегда будут выступать с позиций восхваления своей страны, демонстрации ее положительных качеств. Тем не менее, этого недостаточно. Эмоциональная привлекательность должна быть подкреплена конкретными деталями и обстоятельствами, которые демонстрируют привлекательность страны.

¹⁷⁸ «Мягкая сила» России оказалась слишком мягкой [Электронный ресурс] // Ведомости. 09.12.2014. Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2014/12/9/719545.html> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁷⁹ Ширяев Б. А. Украинский фактор в российско-американских отношениях // Управленческое консультирование. 2014. № 9 (69). С. 13.

¹⁸⁰ См. об этом, напр.: Консультант Плюс: Распределение бюджетных ассигнований на предоставление субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку отдельных общественных и некоммерческих организаций на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/50a9b55e60ae9b04a2894f95a29f3d35df6442c2/ (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁸¹ Косачев К. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. 2013. № 4 (107). Том 19. С. 7.

Российская стратегия «мягкой силы» на данном этапе не неконкурентоспособна на международной арене. Однако на постсоветском пространстве с его спецификой российская «мягкая сила» может быть вполне жизнеспособной. Предпринимаемые шаги в этом направлении свидетельствуют об имеющейся положительной динамике в данном процессе и позволяют выделить некоторые особенности применения российской стратегии «мягкой силы».

Во-первых, российская «мягкая сила» опирается на идеи привлекательности евразийской общности судеб через интеграцию. Для ее реализации проект имеет достаточно крепкий фундамент на основе культурно-цивилизационной общности этого мегарегиона. Как уже подчеркивалось, общая история, давно сформировавшиеся межнациональные культурные связи, распространенность русского языка все еще являются факторами притяжения, способствующими центростремительным тенденциям. Институционально данный проект выражается в создании различных организаций, которые объединяют страны региона. Так, в первое время после распада СССР был создан ряд интегрирующих организаций, такие как, Содружество Независимых Государств (СНГ, с 1991 г.), Евразийское экономическое сообщество (ЕЭС, с 2001 г.), Евразийский банк развития (ЕБР, с 2006 г.). В настоящее время действует проект «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС, с 2015 г.), объединяющий Россию, Армению, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан, (Молдова, Узбекистан, Куба имеют статус наблюдателя), активно функционирует военно-политический блок «Организация Договора о коллективной безопасности» (ОДКБ, с 1992 г.), в составе России, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Конечно, трудно рассчитывать на получение быстрого и впечатляющего эффекта, когда и Запад предлагает свои различные проекты странам постсоветского пространства, не уступающие, а часто превосходящие по качеству и их привлекательности¹⁸².

¹⁸² Егоров В. Г., Савина О. В. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества // Обозреватель–Observer. 2012. № 12. С. 42-51.

В качестве второй особенности применения российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве мы выделяем акцентирование внимание на презентации культурно-исторического наследия России, богатства ее истории, культурных достижений страны, великих побед, достижений в науке и технике, идей мультикультурализма, религиозной терпимости, опыта позитивного межнационального диалога. Сильными аргументами в пользу России выступают ее огромные территории, красота природы, богатство недр ресурсами, которые могут сделать ее привлекательной. Тем не менее, существуют проблемы, которые препятствуют созданию благоприятного представления о России на международном уровне. Эти проблемы коренятся в предвзятом изображении России в западных СМИ и каналах коммуникации, отсутствии всеобъемлющей долгосрочной стратегии формирования целостного образа страны и сохранении в общественном сознании негативных стереотипов и неправильных представлений о России¹⁸³.

В целом же в настоящее время «можно выделить три составляющие в образе России за рубежом: сила, вызывающая страх; таинственность далекой северной страны; достижения русской культуры и спорта, которые во многом в прошлом»¹⁸⁴. Как отмечает британский специалист по бренду У. Оллинс, «необразованные люди вообще ничего не знают о России – многие, наверное, думают, что Сталин до сих пор жив. А образованные люди боятся – мы не знаем, чего от вас ждать»¹⁸⁵. Подытоживая, отметим, что сложившейся несправедливый образ России и россиян в мире, в частности на постсоветском пространстве, затрудняет задачу мягкого влияния и предполагает выработку инновационной стратегии для создания нового имиджа России и россиян.

Третья особенность применения Россией стратегии «мягкой силы» выражается через работу с русскоязычной диаспорой, которая образовалась

¹⁸³ Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / под ред. И. А. Василенко. М.: Экономика, 2014. С. 14

¹⁸⁴ Там же. С. 17.

¹⁸⁵ Интервью с У. Оллинсом. Лондонский папа. Разговор с человеком, который превращает в бранды все, к чему ни прикоснется: товары, фирмы, государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sostav.ru/articles/2004/01/27/mark270104-2/> (дата обращения: 05.04.2025).

после распада Советского Союза. По некоторым оценкам, «распад СССР застал в национальных республиках за пределами России более 28 млн россиян (в том числе, 25,3 млн этнических русских)»¹⁸⁶. Страны постсоветского пространства получили в лице российской диаспоры новых граждан с достаточно высоким уровнем квалификации. Представители диаспоры близки по духу к титульным нациям в этих странах, хорошо адаптированы к местным условиям, интегрированы в сложившиеся политические, социально-экономические, культурные отношения.

Таким образом, российская стратегия «мягкой силы» реализуется на основе продвижения целесообразности идеи евразийской интеграции через привлекательность России в качестве надежного политического союзника, социально-экономического партнера, прибегая к поддержке, в том числе российской диаспоры в странах постсоветского пространства.

Итак, охарактеризуем идейные, социокультурные, институциональные основы российской стратегии «мягкой силы» на постсоветском пространстве.

Продвижение идеи евразийской интеграции получило новый импульс, когда В. Путин в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии», рассматривая данный процесс как естественный, отметил, что «только вместе наши страны могут войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса»¹⁸⁷. В статье прослеживается мысль о перспективах экономического сотрудничества на постсоветском пространстве, которому суждено быть связующим звеном между Европой и динамично развивающимся Азиатско-тихоокеанским регионом. Подчеркивая экономическую выгоду евразийского проекта, акцентируется внимание и на необходимости идейно-политической интеграции. По мнению В. В. Путина, для такой глубокой и всесторонней интеграции имеются все необходимые предпосылки и условия, единство взглядов в понимании «ценностей свободы,

¹⁸⁶ Ардаев В. Великое переселение: как миллионы советских людей вдруг стали иностранцами. РИА-Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20161208/1483079330.html> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁸⁷ Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Известия. 03.11.2011. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 05.04.2025).

демократии и рыночных законов, как универсальных интеграционных принципов, доказавших свою эффективность на примере Европейского союза»¹⁸⁸.

Идею евразийской интеграции В. В. Путин в следующий раз озвучил на площадке Валдайского клуба в 2013 г. В его речи приоритеты были расставлены в пользу ценностей, объединяющих страны постсоветского пространства. В частности, рассуждая о пользе евразийского проекта, он сделал акцент на вопросах цивилизационной угрозы и возможности сохранения культурно-исторической идентичности, а также политической субъектности только через интеграцию. Как он заметил, «многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей. Моральные нормы и любая форма традиционной идентичности, включая национальную, культурную, религиозную или даже половую, игнорируются. Проводится политика, согласно которой многодетная семья и однополые партнерства, вера в Бога и вера в сатану считаются одинаково значимыми. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Процесс евразийской интеграции дает возможность всему постсоветскому пространству стать самодостаточным центром глобального развития, а не просто придатком Европы или Азии»¹⁸⁹.

Евразийская интеграция предполагает уточнение географического пространства, на которое она будет распространяться. Как справедливо замечает П. Б. Салин, «не каждый, кто использует понятие Евразийского союза, полностью осознает его географический охват (т.е. количество стран, которые должны быть охвачены в кульминационный момент интеграции)». Некоторые полагают, что речь идет о сохранении статус-кво (Россия, Белоруссия,

¹⁸⁸ Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Известия. 03.11.2011. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁸⁹ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 05.04.2025).

Казахстан), другие предсказуемо плюсуют к тройке еще и Украину (таковы и намерения российских властей), третьи мечтают о воссоздании мини-СССР (8–10 бывших республик)»¹⁹⁰.

К моменту создания Евразийского экономического союза в 2015 г. в евразийское пространство включало только три постсоветских республики – Россию, Белоруссию и Казахстан, которые активнее всех участвовали во всех интеграционных процессах. Неотъемлемой частью этого мегарегиона считалась и Украина. Однако после событий 2013 г. Украина взяла курс на сближение с ЕС, а сложившаяся ситуация во взаимоотношениях Украины с Россией в феврале 2022 г. не оставила шансов на включение Украины в евразийский проект в обозримом будущем.

Иной раз считается, что Евразийский регион включает в себя границы бывшего СССР, включая страны Балтии, Молдову и республики Закавказья и Центральной Азии.

При этом очевидно, что трудно представить прибалтийские республики, Украину, Молдову, Грузию в евразийском проекте, а участие в нем Азербайджана, Армении и Туркмении может быть ситуативным и будет зависеть от множества факторов, тогда остается рассматривать данное пространство в составе России, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

На наш взгляд, относительно внешних контуров евразийского пространства удачно выразилась М. Ларюэль. Она представляет этот мегарегион как концентрические круги вокруг сердцевины, состоящей из России, Белоруссии и Украины, представляющие восточнославянский мир. Вокруг этой сердцевины образуются другие круги, которые потенциально могут охватить дальние просторы вплоть до Ирана, Сирии, Египта, Вьетнама и т.д.¹⁹¹. Если, по мнению М. Ларюэль, евразийство является «порождением

¹⁹⁰ Салин П. Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evraziiskogo-soyuza-16110> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁹¹ Ларюэль М. Евразия, евразийство, Евразийский Союз: Терминологические пробелы и совпадения [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/PONARS->

русского изгнанничества, возникшее как сплав революционного катарсиса с осмыслением национального интеллектуального наследия, которое стремится узаконить империю, ее масштабы в пределах континента и Азии, разработать политическую идеологию, близкую тоталитарной, и представляется мессианским выражением великорусского национализма, отождествляющее Евразию, в конечном счете, с русским миром»¹⁹², то, например, И. А. Василенко считает, что обращение к идеям евразийства свидетельствует о повороте России на Восток, который обогатит российскую внешнюю политику новыми смыслами и символами, характерными для евразийского понимания мира на основе синтеза элементов западной и восточной культур, и Россия может выступить с миссией объединения и примирения Запада и Востока¹⁹³.

Идеология евразийства возникла как антитеза западным идеям, основу которых составляют либеральные принципы. Сторонники евразийства считают, что либерализм привел западную цивилизацию к разрушению. Негативную оценку либерализму они дают за периодические финансовые кризисы, миграционные проблемы, рост национализма, разрушение института семьи и т.д. Западной цивилизации с ее политическими, социально-экономическими, культурными проблемами евразийцы противопоставляют восточные цивилизации, которые основаны на консервативных началах и не отказываются от традиционных ценностей, таких как, сильная власть, приоритет интересов государства над интересами отдельной личности и общества, значительная роль религии в жизни общества, прочная семья и т.д. Следует признать, что следствием такого приоритета в ценностях, а именно особый статус государства с его интересами в ущерб принципу соблюдения прав и свобод человека, приводит к тому, что в таких государствах слабо развиты или полностью подконтрольны властям институты гражданского общества, что в

Eurasia/Evraziya-evraziistvo-Evraziiskii-Soyuz-Terminologicheskije-probely-i-sovpadeniya-17795 (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁹² Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. С. 140, 151, 202-203.

¹⁹³ Василенко И. А. Евразийская идея как фактор формирования имиджа современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Выпуск № 6 (44). Т. 8. С. 85.

свою очередь порождает в обществе иждивенство, этатизм и актуализирует роль национального лидера.

Сказанное полностью относится к странам постсоветского пространства (за исключением прибалтийских республик, возможно, и Грузии), где основанная часть населения полагается на социально-экономическую поддержку властей в обмен на беспрекословное послушание. Проводимые в этих странах политические, социально-экономические преобразования не обсуждаются в широких кругах, население пассивно воспринимает предлагаемые изменения без включения механизмов рационального выбора. Например, ярким свидетельством такой практики может служить монетизация льгот, введение ЕГЭ и др. Все эти действия властей происходят в рамках предложенной российскому обществу Кремлем концепции «суверенной» демократии, которая нашла поддержки и среди политического класса в странах, которые включены в процессы евразийской интеграции. Существующие политические режимы в этих странах, включая Россию, вряд ли можно считать соответствующими западным стандартам демократии. Однако в рамках евразийской парадигмы существующий политический порядок в этих странах является скорее достоинством, чем недостатком, поскольку он гарантирует стабильность и устойчивость общественного развития, утверждая, что «страны созерцательного Востока мыслят эпохами, страны рационального Запада – от выборов до выборов»¹⁹⁴.

Преимущество в евразийской идеологии просматривается и через подчеркивание роли сильного национального лидера в жизни государства и общества. Однако здесь прослеживается закономерность – лидеры, возможно, они, действительно, сильные, удерживают власть на долгие годы и десятилетия, иногда передавая власть своему преемнику в лице собственного сына. Исключением среди евразийских стран в этом вопросе являются Армения и Киргизия, которым свойственны перманентные политические и социально-

¹⁹⁴ Гулевич В. Евразийские ценности [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/10292> (дата обращения: 05.04.2025).

экономические кризисы, вызванные попыткой организации жизнедеятельности государства и общества на демократических началах. Однако важно признать, что евразийская идеология, с ее акцентом на важности сильного лидера и государства, служит основой стабильности для правящих элит в Евразии. Эти идеологические принципы явно не выражены в публичном политическом дискурсе, но они имплицитно присутствуют в политике, проводимой в странах Евразии»¹⁹⁵.

Из вышеизложенного можем прийти к выводу о том, что продвигаемая Россией идеология евразийства находится в полном согласии с интересами политических элит стран постсоветского пространства. Следование этой идеологии, с одной стороны, обеспечивает их легитимность, а также позволяет рассчитывать на серьезную поддержку при решении внутри – и внешнеполитических проблем, имея надежного союзника/партнера/покровителя в лице России. С другой стороны, позволяет этим странам, объединившись, занимать определенный сегмент на международной арене, а в перспективе стать самостоятельным центром глобального развития.

Евразийство можно рассматривать через призму противопоставления западной идеологии, поскольку оно в большей степени является отражением азиатского миропонимания. Речь идет не только о географическом измерении, но и метальном составляющем, отношении к жизненным ценностям и т.д. В данной идеологии легко можно обнаружить созвучие с анонсированными китайскими ценностями, представленными единым пакетом, состоящим из трех блоков, каждый из которых включает конкретные ценности. Эти ценности были провозглашены на XVIII съезде партии в 2012 г.

К их числу относятся:

1) государственные ценности, включая богатство, силу, демократию и цивилизацию, а также гармонию;

¹⁹⁵ Салин П. Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evraziiskogo-soyuza-16110> (дата обращения 04.03.2025).

2) общественные ценности, такие как свобода, равенство и справедливость, а также верховенство закона;

3) ценности личности, включая патриотизм, преданность делу, честность и дружелюбие.

Бросается в глаза непривычная для западной культуры иерархия ценностей. Она построена "сверху вниз" – от государства к обществу и далее к человеку. Главенствующее положение занимает богатое и сильное государство, а не свобода личности»¹⁹⁶.

Важной вехой в истории евразийской интеграции можно считать создание в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Эта инициатива представляет собой изменение внешнеполитической и экономической стратегии России. Целью этого проекта является создание единого конкурентоспособного экономического пространства, и его реализации предшествовал этап идеологической и институциональной подготовки.

На подготовительном этапе велась работа в рамках СНГ, Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казахстан, 1995 г., присоединились: Киргизия, Узбекистан и Таджикистан), ЕврАзЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Кыргызста и Таджикистан, 2000 г.). Однако эти форматы не вполне представлялись жизнеспособными. Только, начиная в середине 10-х гг. XXI в., в странах постсоветского пространства укрепились в понимании и необходимости интеграции, и начали проявлять заинтересованность в создании системы тесного сотрудничества. Новый интеграционный проект предусматривал создания единого экономического пространства, проведения согласованной макроэкономической, торговой и миграционной политики. Поэтапно предусмотрено создание общего рынка энергоресурсов, энергетики, фармацевтики с постепенным выходом на уровень создания единых механизмов финансового регулирования.

Как упоминалось ранее, русскоязычное сообщество является решающим

¹⁹⁶ Ломанов А. В. Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-natcii-17750> (дата обращения: 05.04.2025).

фактором в реализации российского подхода «мягкой силы» на постсоветском пространстве. С распадом Советского Союза в некоторой степени обострились межнациональные отношения на постсоветском пространстве. Притеснения титульными нациями меньшинств и внутренняя миграция были характерны для 90-х гг. прошлого столетия. Начиная со второй половины 90-гг. ситуация существенно улучшилась. В частности, в национальных республиках бывшего Союза сложившиеся русскоязычные общины эффективно интегрировались в политическую и социально-экономическую структуру принимающих их стран, служа форпостами и потенциальными каналами российского влияния. Имеющийся у диаспоры потенциал позволяет использовать ее в интересах присутствия России в этих государствах, а, в случае надобности, она может быть мобилизована для оказания давления на власти республик.

По данным переписей населения, проведенных в постсоветских республиках, численность русскоязычного населения составляет на Украине на 2001 г. – 8,5 млн. (17,3% от общего количества населения), в Казахстане на 2021 г. – 3,5 млн. (18,4%), Белоруссии на 2019 г. – 785 тыс. (8,14%), Узбекистане на 2021 г. – 720 тыс. (2,1%), Латвии на 2021 г. – 463,5 тыс. (24,5%), Кыргызстане на 2021 г. – 342 тыс. (5,14%), Эстонии на 2018 г. – 324,5 тыс. (24,3%), Туркмении на 2012 г. – 243 тыс. (5%), Литве на 2011 г. – 177 тыс. (5,7%), Азербайджане на 2019 г. – 120 тыс. (1,35%), Молдове на 2014 г. – 112 тыс. (4%), Таджикистане на 2010 г. – 35 тыс. (0,34%), Армении на 2011 г. – 11 тыс. (0,39%)¹⁹⁷.

Эти статистические данные свидетельствуют о глубоком присутствии российского влияния в бывших советских республиках. 30-миллионная диаспора способствует сохранению и распространению русского языка, укреплению влияния России через культуру и сохранение духовных связей. Наличие средств массмедиа на русском языке сохраняет и расширяет пространство его влияния.

¹⁹⁷ Данные взяты из открытых источников: напр., Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%...> (дата обращения: 05.04.2025).

Распространению русского языка способствует устойчивый интерес к нему со стороны коренного населения. Так, во время опроса, респондентам задавали вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши дети знали русский язык? Ответы более чем благоприятные: в Азербайджане положительно ответили 90% от общего количества опрошенных, Армении – 90%, Казахстане – 97%, Кыргызстане – 98,5%, Молдове – 87,5%, Узбекистане – 97%, Таджикистане – 99,8%, особенно выделим, в Грузии – 96,8%¹⁹⁸.

Положение диаспоры и отношение к русскому языку свидетельствуют о наличии достаточно крепкого основания для продвижения интересов российского государства на евразийском пространстве, что в свою очередь актуализирует проблему заботы о русскоязычной диаспоре, которая должна являться одним из приоритетных направлений государственной политики. Эта политика, как представляется, может быть реализована в трех направлениях:

- репатриация – должна быть эффективная программа переселения русскоязычной диаспоры на историческую родину. Предметом особого внимания должна быть молодежь (в приоритете высококвалифицированная часть), для которой в России должны быть созданы все необходимые условия;
- патернализм – забота о соотечественниках, проживающих за рубежом, защита их прав и свобод, оказание материальной поддержки через создание различных обществ, учреждений, организаций (лучшим образцом работы в данном направлении, на наш взгляд, является опыт Израиля). На дипломатическом уровне вопросы заботы о диаспоре всегда должны находиться в центре внимания;
- прагматизм – правильно встроенная работа с диаспорой может принести огромную пользу России. Если люди будут ощущать о себе заботу, вовлечены в различные социально-культурные, экономические, политические проекты, то их потенциал возрастет многократно, и они смогут стать заметным актором в жизни государств своего проживания.

¹⁹⁸ ВЦИОМ: 2010 – Русский язык в странах постсоветского пространства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

Безусловно, все три направления диаспоральной политики требуют тщательной проработки вопроса. Для ее реализации, кроме политической воли, потребуются немалые финансовые средства. Но государство, претендующее на ведущие роли на международной арене, обязано для упрочения своих позиций проводить соответствующую политику и в рамках стратегии «мягкой силы», которая должна распространяться и на представителей титульных наций в этих республиках.

Работа с коренным населением, прежде всего, должна быть ориентирована на молодежь. Это возможно через различные образовательные программы, которые будут знакомить иностранную молодежь с культурой, достижениями науки России. Оказывая помощь республикам постсоветского пространства в подготовке квалифицированных кадров через систему высшего образования, можно рассчитывать на появление в этих государствах лояльных групп лиц из числа местного населения. Такой положительный опыт имелся в Советском Союзе, который, в том числе таким способом, обеспечивал свое присутствие во множестве стран мира. Следовательно, практика привлечения молодежи для обучения в России должна распространяться и на представителей дальнего зарубежья.

В этом отношении отметим, что в России разработана и утверждена Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом¹⁹⁹. Концепция предусматривает экспорт российского образования с участием более 100 отечественных университетов самых различных направлений. Эту деятельность курирует Россотрудничество, которое через различные механизмы содействует вузам страны в привлечении иностранных студентов и аспирантов.

Кроме указанной Концепции, на постсоветском пространстве на межгосударственном уровне действует ряд документов, призванных

¹⁹⁹ Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом // Официальный сайт Федерального агентства «Россотрудничество» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/default/files/koncepciya_prodvizheniya_rossiyskogo_obrazovaniya.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

способствовать развитию сотрудничества в сфере образования. Необходимо отметить, что данное сотрудничество предполагает не только обучения студентов с пребыванием в России, но и в странах СНГ созданы сетевые университеты, филиалы российских вузов, отдельные совместные учебные заведения.

Еще одним эффективным механизмом российской «мягкой силы» в странах СНГ является реализация культурных и гуманитарных проектов. Эти проекты направлены на популяризацию ценностей и достижений российской культуры – живописи, балета, литературы, музыки, кино и т.д. Русская литература и культура не потеряли свою привлекательность и в мире интерес к ним достаточно высок. Используя данный потенциал, можно добиться стратегической цели – сохранения и распространения русского языка.

Крайне важно учитывать и потенциал публичной дипломатии, которая представляет собой «совокупность методов и инструментов международных отношений, которые являются легитимными и прозрачными и используются политическими организациями и учреждениями, как правительственными, так и неправительственными, для реализации всеобъемлющей дипломатической стратегии государства путем оказания влияния на общественность зарубежного государства, чтобы влиять его политические процессы и процесс принятия решений»²⁰⁰.

Необходимо подчеркнуть, что публичная дипломатия не заменяет традиционные форматы международного сотрудничества, а дополняет его через налаживание диалога, контактов, обмена, создания различных информационных продуктов с целью распространения информации о стране, о ее культуре и достижениях.

Сложным элементом в структуре реализации стратегии «мягкой силы» является проводимая государством миграционная политика. В силу существующих социально-экономических трудностей в государствах

²⁰⁰ Смирнов Н. А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.

Содружества, особенно в странах Центральной Азии, Россия для трудовых мигрантов представляется весьма привлекательной. Относительно высокий уровень жизни, наличие работы, привычное единое языковое пространство способствуют притоку мигрантов в Россию, что создает определенную напряженность в российском обществе и предпосылки для возникновения этно-религиозных конфликтов.

По данным социологических исследований, проведенных аналитическим центром «Левада-Центр» (включен в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента – прим. авт.), «наиболее очевидным выражением нерефлексивной антипатии и тревожности является отношение к трудовым мигрантам. Оно носит характер откровенных пожеланий, чтобы начальство ограничило поток мигрантов, ввело различные запретительные барьеры и меры для мигрантов. За последние 5 лет доля считающих, что правительство должно препятствовать потоку мигрантов, выросла с 58 до 73%. Попытка ставить чуть более детализированные вопросы и зафиксировать возможность более рационализированного отношения к приезжим и трудовым мигрантам дает немного: мнения о том, что присутствие мигрантов в том городе, где живут респонденты, «чрезмерно», хотя и снизилось с 2013 г. с 69 до 57%, но все равно остается преобладающим. Мнения "работа мигрантов полезна для страны и общества" стали разделять половина опрошенных (рост с 2013 г. на 9%, с 41%), но доля несогласных с ними, хотя и снизилась за тот же период с 51 до 45%), все равно остается очень значительной»²⁰¹.

Специалисты отмечают, что мигранты в России сталкиваются с дискриминацией в сфере трудоустройства, взаимодействия с правоохранительными органами, найма жилья и повседневного общения с местным сообществом. Они не имеют доступа к социальным услугам, за исключением экстренной медицинской помощи, доступа детей к

²⁰¹ Аналитический центр «Левада-Центр»: Ксенофобия и мигранты. 24.01.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 05.04.2025).

образовательным учреждениям и помощи беременным женщинам²⁰².

Такая позиция по отношению к трудовым мигрантам влияет на репутацию России в мире. Поэтому крайне важно создавать инициативы не только по привлечению мигрантов и соотечественников, но и по их интеграции в российское общество. «Совместная работа власти, образовательной системы и институтов гражданского общества должна быть ориентирована на организацию и проведение мероприятий по привитию уважительного отношения со стороны мигрантов к местным традициям, с одной стороны, и воспитанию уважения к мигрантам со стороны местного населения, с другой. Немаловажная роль в этом процессе должна быть отведена и СМИ по распространению идей терпимости и уважения. Должны получить поддержку и помощь со стороны властей различные просветительские движения, которые в своей деятельности приоритетным будут считать укрепление межнационального диалога, распространение знаний о культуре России среди мигрантов, и их культуры среди россиян, распространение правовых знаний среди мигрантов и коренного населения»²⁰³.

Все выше охарактеризованные механизмы и направления должны иметь хорошо проработанную систему информационного сопровождения. Только правильная подача информации через различные каналы могут изменить мнение о России и россиян. В этом направлении проделана значительная работа: созданы информационные каналы Russia Today (RT), Sputnik, существенно улучшили свою работу Российское информационное агентство «Новости» («РИА Новости»), радио «Голос России», в медиапространстве заметно присутствие официальных аккаунтов МИД РФ.

Подводя итоги раздела, отметим, что идея евразийской интеграции продиктовано интересами России по обеспечению собственной безопасности, созданию пояса стабильности вдоль своих границ, получения доступа к рынкам

²⁰² Мукомель В. И. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика. М.: НП «Центральный Дом адвоката»; Московское бюро по правам человека; Academia, 2014. С. 111-138.

²⁰³ Благодатских В. Г., Керимов А. А. Междунациональные отношения в современной России: проблемы и пути решения // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 45-46.

и ресурсам этого региона на основе взаимной выгоды. Предпринимаемые Россией в этом направлении шаги в 90-е гг. прошлого столетия не представляются убедительными по степени их эффективности реализации. Создаваемые интеграционные механизмы часто носили формальный характер и были лишены содержательного пакета. Этот аспект подхода России можно объяснить ее целью дистанцироваться от бывших советских республик и присоединиться к западному миру. Кроме того, отсутствие цели интеграции с бывшими советскими республиками усугублялось политической нестабильностью и сложными социально-экономическими условиями в России, что еще больше отодвигало проблему на второй план.

Однако с начала 2000-х гг. наметились определенные тенденции поворота во внешней политике России, создавшие предпосылки для интенсификации отношений со странами ближнего зарубежья.

2.2. Российская «мягкая сила» в Казахстане: политические и экономические ресурсы

После распада Советского Союза перед руководством российского государства встала задача сохранения и укрепления своих позиций на международной арене. На политическом уровне было осознание необходимости удержания постсоветских государств в орбите своего влияния. Если в отношении стран Балтии реализация этой стратегии была невозможна, а со странами Южного Кавказа имелись определенные межгосударственные проблемы, то для России на центральноазиатском направлении в силу ряда обстоятельств данная задача была выполнимой. Кроме того, актуальность реализации этой задачи определялась рядом причин, которые подчеркивали особое значение центральноазиатского региона с точки зрения национальных интересов России.

Среди этих причин следует выделить:

Во-первых, геополитическое значение региона для России. Центральная Азия, расположенная по соседству с Россией, является важнейшим фактором поддержания стабильности вдоль южных границ России. Сохранение влияния в этом регионе позволяет России контролировать такие потенциальные угрозы, как терроризм и экстремизм. Кроме того, регион имеет стратегическое значение для транспортных маршрутов, включая транзит нефти и газа, что делает его важным для экономической безопасности России.

Во-вторых, этот регион представляет значительный экономический интерес для России. Центральная Азия богата природными ресурсами, включая нефть, газ и полезные ископаемые. Россия заинтересована в сотрудничестве с

этим странами для удовлетворения своих энергетических потребностей и диверсификации поставок. Для достижения своих целей необходимо продвижение идеи экономической интеграции с целью укрепления экономических связей с Центральной Азией и создания общих рынков.

В-третьих, с политической точки зрения страны Центральной Азии можно рассматривать как союзников России в таких международных организациях, как ОДКБ ШОС, которые укрепляют позиции России на мировой арене. Для достижения этой цели Россия стремится поддерживать стабильные режимы в Центральной Азии, чтобы предотвратить потенциальные беспорядки и революции, которые могут угрожать ее интересам.

В-четвертых, страны Центральной Азии имеют исторические и культурные связи с Россией, что обеспечивает основу для укрепления отношений. Русский язык и культура по-прежнему играют важную роль в этих странах, способствуя лучшему взаимопониманию.

В-пятых, этот регион превращается в арену борьбы между различными государствами, которые стремятся утвердить здесь свое доминирующее положение. В последние годы Россия сталкивается с растущей конкуренцией со стороны Китая и Запада в Центральной Азии. Экономические и политические интересы этих стран могут угрожать российскому влиянию.

Эти и другие факторы отмечены и польским исследователем А. Влодковска-Баган. В частности, она, признавая, что «Центральная Азия является одним из регионов, имеющих наивысший приоритет во внешней политике России», утверждает, что новое соперничество, возникшее после окончания холодной войны, вынудило Россию стремиться сохранить свое влияние в этом регионе. С этой целью, начиная с 2004 г., Россия активизировала свои усилия и методы, включая использование мягкой силы. А Влодковска-Баган также определила факторы, влияющие на внешнюю политику России в Центральной Азии, а также области, где Россия наиболее эффективна в достижении своих целей в таких сферах, как политическая,

военная, экономическая и культурная²⁰⁴.

Относительно российской стратегии распространения своего влияния в странах Центральной Азии наблюдаются три общественные позиции:

– *Поддержка интеграции и сотрудничества.* Некоторые группы из экспертного сообщества в России и Центральной Азии поддерживают идею усиления сотрудничества и интеграции в рамках таких организаций, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Эта позиция акцентирует внимание на преимуществах экономического взаимодействия, совместных проектах в области инфраструктуры и безопасности, а также на необходимости противодействия внешним угрозам.

– *Критика и опасения по поводу зависимости.* Существуют и критические взгляды, которые выражают опасения по поводу возможной зависимости Центральной Азии от России. Некоторые эксперты и общественные деятели опасаются, что усиление влияния России может привести к ограничению суверенитета стран региона и их самостоятельной внешней политики. Это вызывает дискуссии о необходимости диверсификации внешнеэкономических связей и поиска альтернативных партнеров.

– *Привлечение внимания к внешним игрокам.* Третья позиция заключается в том, что Центральная Азия становится ареной соперничества между крупными державами, такими как Китай, США и Россия. В этом контексте некоторые эксперты подчеркивают важность сбалансированной внешней политики стран региона, которая позволит им использовать интересы различных игроков для своего развития. Эта позиция акцентирует внимание на необходимости активного участия Центральной Азии в международной политике и экономике.

Таким образом, общественные позиции относительно российской стратегии в Центральной Азии варьируются от поддержки интеграции до

²⁰⁴ Włodkowska-Bagan A. Russian Foreign Policy towards Central Asia // Stępniewski T. (ed.). The New Great Game in Central Asia, Lublin: Vistula University, 2012. P. 11–32

критики и опасений о зависимости, что подчеркивает сложность и многогранность ситуации в регионе.

В контексте решения задач, поставленных в данном разделе диссертационного исследования, необходимо уточнить характер экономических и политических ресурсов «мягкой силы».

Рассуждая о природе «мягкой силы», основное внимание обычно фокусируется на культурных аспектах влияния, таким как распространение языка, ценностей и образа жизни, которые являются важными компонентами, способствующими созданию позитивного имиджа страны и формированию симпатий к ее политике. «Мягкая сила» – это не только культурное влияние, она также включает в себя экономическое сотрудничество, образовательные обмены, гуманитарную помощь и активную роль в международных организациях, которые являются ее важными аспектами. Об этом свидетельствуют политические и экономические процессы, происходящие в современном мире, возрастающая роль экономического уровня развития государства в его внешней политике, выражающаяся в стремлении расширить свое влияние, в том числе и с помощью экономических инструментов.

Важно подчеркнуть, что Дж. Най не включал экономические аспекты в качестве компонента «мягкой силы». Вместо этого он рассматривал экономическое влияние как форму принуждения, сродни использованию как положительных, так и отрицательных стимулов, часто называемых подходом «кнута и пряника». Впоследствии он призывал отойти от узкой интерпретации мягкой силы, дополняя ее множеством ресурсов, включая и экономические. По мнению исследователя, экономические ресурсы, в дополнение к культурным и гуманитарным компонентам, могут выступать в качестве источников как «мягкой», так и «жесткой силы».

Как отмечает Дж. Най, «в реальном мире сложно определить, какие аспекты экономических отношений определяются "жесткой силой", а какие –

"мягкой"»²⁰⁵. Как справедливо замечает В. Н. Миронова, «экономический фактор является не только компонентом "мягкой силы", но и влияет на другие ее проявления, которые либо вытекают из уровня экономического развития и международного экономического положения страны, либо в значительной степени зависят от него. Экономически слабые страны вряд ли смогут накопить значительный и убедительный набор доказательств "мягкой силы" и ресурсов для ее демонстрации. Однако не следует недооценивать жесткие методы национальной экономической политики»²⁰⁶.

Соглашаясь с вышеприведенными мнениями, отметим, что объективные законы глобализации, растущая взаимозависимость государств, усиление конкуренции на международных рынках товаров, услуг и капитала, а также развитие информационно-коммуникационных технологий — все это способствует экономическому росту страны. Успех в этих областях повышает международный авторитет страны и создает возможности для расширения ее экономического и политического влияния на другие страны.

Однако в современном мире становится все сложнее определить круг факторов, формирующих экономическую мощь государства. Сегодня такие показатели, как численность населения и наличие огромных запасов природных ресурсов, вряд ли можно считать основополагающими при определении мощи государства, поскольку эти факторы являются предпосылками или потенциалом для обретения экономической мощи, реализация которых требует гораздо большего количества условий.

Для оценки экономической мощи современного государства более важно учитывать факторы развития интеллектуального потенциала, уровень образования и профессиональной подготовки, структуру и мобильность человеческих ресурсов, а также возрастные особенности и ожидаемую продолжительность жизни населения.

Хотя сырьевые ресурсы остаются показателем богатства страны, они

²⁰⁵ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014. С. 177.

²⁰⁶ Миронова В. Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(6). С. 18.

оцениваются с точки зрения эффективности добычи, переработки и потребления, а также перспектив их истощения и способности вносить вклад в социально-экономическое развитие страны. Поэтому простое обладание значительными экономическими ресурсами не обязательно указывает на их значимость с точки зрения «жесткой» или «мягкой» силы. Экономическое влияние может быть выражено как жесткими, так и мягкими средствами, выбор которых зависит от конкретных обстоятельств, характера взаимоотношений между участниками и желаемых результатов. «Экономические и финансовые санкции, торговые ограничения и торговые споры носят конфронтационный характер и являются мощными инструментами давления и принуждения. Экономическая мощь может нанести ущерб или вынудить объект предпринять нежелательные действия. Однако, в отличие от применения силы в военных действиях, экономическое влияние предлагает широкий спектр инструментов для манипулирования и тонкого убеждения, которые могут привести к взаимовыгодному результату»²⁰⁷.

Использование экономического фактора «мягкой силы» в государственной политике – сложная задача, которая зависит от различных условий. СССР, например, обладал сильной армией, достиг стратегического паритета с Соединенными Штатами и обладал значительным экономическим потенциалом. Однако советское государство не смогло в полной мере воспользоваться преимуществами, и его идеологическая модель развития оказалась менее привлекательной для населения, чем потребительские ценности западных рыночных экономик.

На современном этапе, из-за сложности геополитической ситуации и введенных пакетов санкций против России, российская экономика ускорила «поворот на Восток». Для решения возникающих логистических, транзакционных и других проблем государство уделяет приоритетное внимание развитию отношений со странами Центральной Азии. Как отмечает директор

²⁰⁷ Миронова В. Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(6). С 18.

Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Узбекистана Э. Т. Арипов, центральноазиатские государства возвращают себе роль связующего моста между Ближним Востоком, Европой и Китаем»²⁰⁸. В этой связи логично, что в центре внимания России находятся отношения со странами региона, особенно с крупнейшим государством – Казахстаном.

Рассуждая о природе «мягкой силы», Дж. Най, наряду с культурными ценностями, придавал большое значение политическим ценностям, при условии, что эти ценности обладают популярностью как внутри страны, так и за ее пределами, а также внешней политике государства, при условии ее легитимности и наличии морального авторитета²⁰⁹. В то же время, как и в случае с культурой, необходимо проводить различие между политическими ресурсами, используемыми в качестве инструментов «мягкой силы», и деятельностью, направленной на развитие этих ресурсов и управление ими.

Рассматривая «мягкую силу» как способность достигать своих целей посредством притяжения, а не путем принуждения или платежей, как Дж. Най, следует отметить, что политические ресурсы России, используемые как инструмент «мягкой силы» в отношении постсоветских государств Центральной Азии, должны быть проанализированы в контексте так называемой реалистической парадигмы *soft power*. Данная парадигма базируется на постулате о том, что «государства, особенно глобальные и региональные державы, стремятся увеличить свою привлекательность не саму по себе, а по отношению к привлекательности своих конкурентов. Иными словами, они вступают в геополитическое соперничество, пытаясь максимизировать свои сравнительные преимущества»²¹⁰.

Как уже было упоминалось, политические ценности являются важным компонентом российской «мягкой силы», реализуемой в Центральной Азии.

²⁰⁸ Центральная Азия возвращает себе роль времен Великого Шелкового пути. Sputnik Таджикистан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20230615/central-asia-rol-mir-1057734819.html> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁰⁹ Nye J. *Soft power: the means to success in world politics*. Public Affairs, 2004. P. 10.

²¹⁰ Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россияян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 55.

Однако необходимо отметить, что стратегии экономического развития стран Центральной Азии и России, а также их политические культуры и системы имеют некоторые специфические особенности. Эти различия в значительной степени объясняются характерными социальными структурами и историческим прошлым каждой страны.

История Центральной Азии тесно связана с историей России, но в последнее время многие ученые и аналитики начали рассматривать этот регион как самостоятельную уникальную цивилизацию. Тем не менее, «в настоящее время большую роль играют именно исторические предпосылки в сотрудничестве и совместной деятельности России и Центральной Азии. Как показывает опыт развития региона Центральной Азии на разных исторических этапах, эта практика напрямую зависела от международных процессов, где Россия играла важную роль»²¹¹.

В соответствии с задачами, поставленными в рамках данной диссертационной работы, исследовательское внимание будет сосредоточено на ключевой стране данного региона – Казахстане.

В 1991 г. распад Советского Союза и появление новых государств на его бывших территориях стали значительным историческим событием. Однако Россия с того времени не прекращает своих усилий по укреплению своего влияния в определенных регионах бывшего Советского Союза и укреплению единства всего СНГ. Во время президентства Б. Ельцина взаимодействие России со странами Центральной Азии, включая Казахстан, строилось на принципе «сохранения своего влияния в Центральной Азии любыми возможными средствами»²¹², что привело к появлению идеи евразийской державы²¹³. Такой взгляд на постсоветское пространство со стороны России

²¹¹ Тарасова А. А. «Мягкая сила» России в центральноазиатском регионе // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции. Грозный: Изд-во: ЧГПУ, 2020. С. 476.

²¹² Малашенко А. Интересы и шансы России в Центральной Азии // «Россия и новые государства Евразии», (ИМЭМО РАН), М., 2013 г. С. 82.

²¹³ Мещеряков К. Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг. Автореферат дисс... на соискание ученой степени докт. ист. наук: 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики. Санкт-Петербург. 2014. 55 с.

был особенно тревожным для Казахстана, который имеет самую протяженную границу с Россией и является единственной страной Центральной Азии, где присутствие этнических русских в северных регионах угрожает ее суверенитету и территориальной целостности.

Продолжающееся развитие связей России с Казахстаном привело к тому, что Казахстан стал ближайшим военным и политическим партнером России в Центральной Азии. Союзнические отношения между двумя странами на официальном уровне были оформлены в 1992 г. подписанием договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи²¹⁴.

В результате этого договора и последующих межгосударственных соглашений договаривающиеся стороны взяли курс на формирование единого военно-стратегического пространства и совместное использование военных объектов в случае появления угроз в отношении одной из сторон. Впоследствии это сотрудничество было укреплено подписанием Договора «О военном сотрудничестве» и более чем 60 двусторонних соглашений и договоров в последующие годы, направленных на регулирование вопросов обеспечения совместной безопасности России и Казахстана.

Выполнение заключенных соглашений обеспечивается материальной базой, построенной в советское время на территории Казахстана. Она включает в себя огромные комплексы военных объектов и инфраструктуры. После распада Советского Союза Россия не покинула Казахстан, и оставшаяся советская военная база материально-технического обеспечения осталась практически под ее контролем. Так, сегодня Россия продолжает эксплуатировать испытательные полигоны в Западно-Казахстанской и Атырауской областях, на территориях Карагандинской, Жамбылской, Актюбинской и Кзыл-Ординской областей, радиотехнический узел в

²¹⁴ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией (Москва, 25 мая 1992 г., с изменениями и дополнениями от 07.06.2012 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://online.zakon.kz/Document/> (дата обращения 08.05.2025).

Приозерске, военный аэродром в г. Костанай, космодром «Байконур», важность которых для России трудно переоценить²¹⁵.

Все эти факты свидетельствуют о политике России по обеспечению своего военно-политического присутствия в Казахстане. Эта политика, будучи многогранной и последовательной, прослеживается на протяжении последних десятилетий и включает в себя не только военное сотрудничество, но и активное участие в политической жизни страны, а также экономическое влияние.

Стремление к укреплению военно-политических связей объясняется как геостратегическими интересами России, так и внутривнутриполитическими соображениями. Казахстан, обладающий огромной территорией и богатыми природными ресурсами, является ключевым звеном в системе безопасности Центральной Азии. Контроль над этой территорией позволяет России влиять на региональные процессы и сдерживать распространение радикальных идеологий и терроризма. Кроме того, военно-политическое присутствие в Казахстане является инструментом поддержания стабильности в регионе и защиты интересов русскоязычного населения. Россия неоднократно заявляла о готовности оказать помощь Казахстану в случае возникновения внутренних конфликтов или внешних угроз.

Участие России во внешнеполитических процессах Казахстана нашло реальное отражение в январе 2022 г., когда в Казахстане недовольство населения, вызванное ростом цен на топливо, переросло в масштабный протест, а потом в антигосударственный акт²¹⁶. В соответствии с договоренностями в рамках ОДКБ, по запросу Президента Республики К.-Ж. Токаева для восстановления конституционного порядка в Казахстане был развернут воинский контингент. Эта операция была заявлена как «миротворческая миссия по охране наиболее важных государственных и стратегических объектов

²¹⁵ Трокаль Т. В. Основные аспекты современного политико-экономического сотрудничества между Россией и Казахстаном // Постсоветские исследования. 2019. Т.2. № 3. С. 1079.

²¹⁶ Млечин Л. М. Трагический январь. Президент Токаев и извлечение уроков. Астана, 2023. С. 346.

Казахстана и оказанию помощи казахстанской стороне в поддержании правопорядка»²¹⁷.

Относительно январских событий 2022 г. существует множество версий. Например, как отмечают некоторые авторы, «осуществлена попытка государственного переворота при непосредственном участии спецслужб государств ЕС, Соединенного Королевства и США, повлекшая за собой серьезный ущерб национальной экономике и массовые жертвы среди многонационального населения Казахстана, должны были отбросить страну на десятилетия назад, и ни о каком нарождающемся центре силы многополярного мира с их точки зрения речи идти не могло»²¹⁸. При этом эти авторы намеренно или ненамеренно совершенно не затрагивают проблемы внутривнутриполитического и экономического развития Казахстана в постсоветский период, на что обратил внимание А. А. Керимов. По его мнению, «эти события происходят на фоне незавершенного процесса трансформации власти и весьма значительной разницы в доходах между столицей и периферией»²¹⁹.

Относительно этих событий важно мнение официальной Астаны, которое было высказано в марте 2025 г. главой национального парламента Е. Кошановым. В частности, он заявил, что «Суперпрезидентская форма правления, господствовавшая в Казахстане при Назарбаеве, ввергла страну в глубокий политический кризис... Это во многом объясняется чрезмерным сосредоточением власти и богатства в руках узкого круга лиц и одной фигуры... Такое положение дел вызывало нарастающее недовольство в обществе и ставило под угрозу прогресс страны». По его словам, «...именно поэтому три года назад возникла острая необходимость в модернизации политической системы – шаге, призванном разорвать порочный круг, где вся

²¹⁷ Выступление Главы государства К.-Ж. Токаева на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ. Акorda: Официальный сайт Президента РК (10 января 2022) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-kemelevicha-na-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-1002245> (дата обращения: 08.05.2025).

²¹⁸ Захарьев Я. О., Шарипов У. З. Казахстанская осень 2022: особенности мягкой силы Астаны на новом этапе формирования многополярного мира // Экономика Центральной Азии. 2022. Т. 6. № 4. С. 300.

²¹⁹ Политолог ответил на вопрос о вмешательстве извне в ситуацию в Казахстане [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220105/vmeshatelstvo-1766640655.html> (дата обращения: 08.05.2025).

власть замыкается на одном человеке... президент Токаев по собственной инициативе пошел на реформы, перераспределив часть полномочий и установив семилетний срок правления без права переизбрания. Этот шаг положил конец эпохе "суперпрезидентства", открыв путь к более сбалансированной системе управления»²²⁰.

Очевидно, в данном внутривнутриполитическом кризисе не прослеживается участие внешних сил, поскольку Казахстан и постсоветские государства Центральной Азии, по причине участия России в их социально-политической и экономической жизни, имеют некоторые гарантии, позволяющие им избегать вмешательства во внутривнутриполитические процессы извне. Однако России, исходя из соображений собственных национальных интересов, используя некоторые политические ресурсы, относимые к арсеналу «мягкой силы», продолжает оказывать существенное влияние на политику, в том числе внутреннюю, проводимую странами региона.

Среди этих ресурсов необходимо выделить организации и союзы, создание которых было инициировано, в том числе, и Россией. Прежде всего, необходимо выделить ОДКБ, история которой восходит к 1992 г., когда Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан подписали Договор о коллективной безопасности. Впоследствии, в 1993 г., к договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия (в 1999 г. Азербайджан, Грузия и Узбекистан вышли из договора; в 2006 г. Узбекистан вернулся в договор, но в 2012 г. вновь вышел из договора).

В соответствии со ст. 3 Устава ОДКБ, целями Организации являются «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, а также защита коллективными усилиями независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов»²²¹.

²²⁰ Глава парламента Казахстана рассказал, как Назарбаев привел к кризису [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67da857a9a794769cd64417d> (дата обращения: 08.05.2025).

²²¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. Официальный сайт ОДКБ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (дата обращения: 08.05.2025).

Важную роль играет четвертая статья, которая гласит, что, «Если одно из государств – участников подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету), то это будет рассматриваться государствами – участниками как агрессия (вооруженное нападение, угрожающее безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на все государства – участники настоящего Договора. В соответствии со ст. 51 Устава ООН, в случае вооруженного нападения, представляющего угрозу безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету любого государства-участника, все другие государства-участники по просьбе пострадавшего государства незамедлительно предоставляют необходимую помощь, включая военную поддержку, и поддерживают имеющимися у них ресурсами»²²². Этот пункт документа схож с пятой статьей Североатлантического договора, который образует НАТО.

Кроме того, ОДКБ также выполняет ряд более общих задач. Это, «борьба с международным терроризмом и экстремизмом; противодействие незаконному обороту наркотиков; реагирование на чрезвычайные ситуации и происшествия; противодействие незаконной миграции и торговле людьми; обеспечение безопасности информационного пространства; медийная работа и формирование единой информационной стратегии»²²³, участие в реализации которых дает России немало возможностей для оказания влияния на партнеров по блоку.

Несомненно, большим потенциалом обладал проект по созданию Евразийского союза, предложенного в 1994 г. Президентом Казахстана Н. Назарбаевым. Евразийский союз задумывался как добровольное и равноправное партнерство между странами СНГ с целью укрепления

²²² Договор о коллективной безопасности. Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 08.05.2025).

²²³ Что такое ОДКБ и какие страны входят в организацию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/65154df09a7947c9db547dc9?from=copy> (дата обращения: 08.05.2025).

политического и экономического сотрудничества между постсоветскими государствами по аналогии с Европейским союзом.

Кроме того, Н. Назарбаев использовал устоявшиеся идеи евразийства, как способ заручиться поддержкой среди других стран СНГ. Однако его концепция отличалась от классической концепции евразийства, которую отстаивал русский философ, основатель евразийства XX в. Н. С. Трубецкой, опубликовавший статью о превосходстве России над европейской культурой²²⁴. Н. Назарбаев, напротив, подчеркивал, что его евразийство основано на равенстве, а не на российском доминировании, и преуменьшал влияние России по отношению к Западу. Основная идея нового евразийства Н. Назарбаева, изложенная в его книге «Стратегия независимости», заключается в том, что «Евразийский союз – это союз равных независимых государств, направленный на реализацию национальных интересов каждого государства-члена и развитие интеграционных возможностей каждого государства». Кроме того, Н. Назарбаев предложил осуществлять евразийскую интеграцию по принципу «равноправного партнерства всех государств-членов, следуя общим правилам, без какой-либо периферии или центра»²²⁵. Его идея далека от «имперского евразийства», в котором интеграция поддерживалась бы вооруженной силой. В ходе подобной политики Казахстан отказался от ядерного оружия, запретил ядерные испытания и участвовал в многосторонних региональных организациях по безопасности. «Евразийская интеграция Назарбаева предполагала прибыль для каждого участника. Это, по его мнению, существенно отличается от империй, где всегда есть главный бенефициар, в то время как остальные страдают»²²⁶. Еще одним отличием классического евразийства от версии Н. Назарбаева 1994 г. является отсутствие враждебности по отношению к Западу. Кроме того, Н. Назарбаев активизировал свое

²²⁴ Трубецкой Н. С. Мы и другие // В сб. «Евразийский временник, книга IV» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns01.htm> (дата обращения: 08.05.2025).

²²⁵ Назарбаев Н. Стратегия независимости. Алматы: Атамура, 2003. 312 с.

²²⁶ Верхотуров Д. Евразийство Н. Назарбаева // Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева / Сост.: А. Н. Нысанбаев, В. Ю. Дунаев. Алматы: 2010. С. 272-274.

взаимодействие с Европой, считая, что «Участие западных стран в интеграционных процессах в Евразии может быть выгодно Казахстану»²²⁷.

Следует отметить, что к идее Евразийского союза отношение со стороны лидеров стран СНГ, включая Россию, не было однозначным. По оценке А. Г. Дугина, «в то время недостаточная осведомленность об основных мировых процессах означала, что политический класс в России и СНГ еще недостаточно понимал смысл и цель проекта, либералы отвергали его из-за финансовых проблем, а националисты выступали против него из-за националистических соображений»²²⁸.

Лидеры СНГ расценили эту инициативу как попытку возродить Советский Союз, позволив России осуществлять контроль в рамках этого альянса посредством сотрудничества государств-членов СНГ, что, по их мнению, могло привести к подрыву их собственной независимости.

Кроме того, эта идея не получила поддержки и среди политической элиты России. Создание Евразийского союза, по мнению ряда представителей власти России, могло привести к потере Россией своего доминирующего положения на постсоветском пространстве. Как отмечал российский журналист В. Портников, «многие в российском политическом истеблишменте негативно относятся к идее Евразийского союза, поскольку это означает конец неравенства внутри СНГ и противодействие влиянию России»²²⁹.

Концепция Евразийского союза, не найдя поддержки, трансформировалась в 1994 г. в идею создания менее масштабной экономической интеграции, названной 26 февраля 1999 г. «Единым экономическим пространством» пяти стран: Казахстана, Беларуси, Кыргызстана, России и Таджикистана.

По справедливому замечанию российского исследователя Е. В. Килимника, «это противопоставление было связано со старой концепцией

²²⁷ Верхотуров Д. Евразийство Н. Назарбаева // Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева. С. 276.

²²⁸ Дугин А. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. Москва: РОФ «Евразия», 2004. 288 с.

²²⁹ Портников В. Евразийский союз. Независимая газета 31 марта 1994 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ng.ru/archive/index.php? (дата обращения: 08.05.2025).

евразийства, которое по Назарбаеву заключалось в достижении экономических выгод за счет экономического сотрудничества между всеми странами СНГ, открытого поля для привлечения инвестиций в экономику государств-партнеров, укрепления их безопасности и особенно уравнивания влияния России на всем политико-экономическом пространстве бывшего Советского Союза»²³⁰.

Дальнейшая трансформация проекта Единого экономического пространства привела к подписанию 18 ноября 2011 г. президентами России, Белоруссии и Казахстана Декларации о Евразийской экономической интеграции и Договора о Евразийской экономической комиссии. Эти документы были направлены на регулирование интеграционных процессов в рамках Единого экономического пространства.

Создание Евразийского экономического союза знаменует собой значительное достижение в интеграционном процессе на постсоветском пространстве с участием стран Центральной Азии. Как считал Президент Казахстана Н. Назарбаев, целью этого союза было налаживание сотрудничества с западными странами, что могло бы привести к увеличению иностранных инвестиций в экономику Казахстана.

Еще до создания Евразийского экономического союза отношения между Россией и Казахстаном уже развивались быстрыми темпами. После распада Советского Союза в 1991 г. Россия оставалась главным внешнеполитическим союзником Казахстана. Россия и Казахстан, две крупнейшие державы в регионе СНГ, стали соучредителями Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Они также сотрудничали в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Обе страны активно участвовали в переговорах по правовому статусу Каспийского моря, который является важнейшим вопросом для обеих стран и региона в целом.

²³⁰ Килимник Е. В. «Российско-казахстанские экономические отношения в области энергетической политики и безопасности при президенте Н. Назарбаеве» // Теория и практика мировой науки. 2022. № 8. С. 47.

Кроме того, между силовыми ведомствами двух стран были установлены партнерские отношения, которые характеризуются регулярными встречами на различных уровнях и выработкой общих подходов к ряду вопросов, затрагивающих интересы взаимной безопасности. Как в рамках ОДКБ, так и ШОС, а также в двустороннем порядке регулярно проводятся совместные учения воинских частей и подразделений вооруженных сил России и Казахстана.

Однако растущее влияние России является источником беспокойства для некоторых представителей казахстанской элиты и широкой общественности, которые обеспокоены потенциальной потерей суверенитета и независимости. Эти опасения подпитываются исторической памятью о советском периоде и политикой России в отношении других постсоветских стран. В сложившейся ситуации Казахстан стремится проводить сбалансированную внешнюю политику, направленную на поддержание дружественных отношений с Россией, а также на защиту собственных национальных интересов и укрепление связей с другими странами. Такой подход представляется руководству республики единственным способом обеспечить стабильное развитие страны и избежать зависимости от какого-либо одного государства.

Кроме того, Казахстан не лишен амбиций стать региональной державой. Так, внешнеполитическая концепция Казахстана на 2020–2030²³¹ гг. отводит республике роль как «ведущего государства в регионе» вместо предыдущей – активного субъекта внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии²³². Эта новая цель отражает стремление страны играть ведущую роль в регионе.

Концепция многовекторного подхода к международным отношениям создает проблемы в достижении гармоничного баланса между интересами

²³¹ Концепция внешней политики Республики Казахстан 2020-2030 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepciiivneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 08.05.2025).

²³² О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepciiivneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2014-2020-gody (дата обращения: 08.05.2025).

ключевых геополитических игроков, поскольку каждое государство преследует свои собственные национальные цели.

В связи с изменением геополитической ситуации в современном мире в феврале 2022 г. Казахстан оказался в центре внимания ЕС, КНР и США. Такой интерес к Казахстану был обусловлен введением западной санкционной политики в отношении России. Учитывая присутствие России в этой области, внешние субъекты начали оказывать значительное влияние на Казахстан, стремясь ограничить возможности России маневрирования, в том числе путем использования собственных ресурсов Казахстана.

«В Казахстане обсуждения относительно введения введенных Западом ограничений на экспорт товаров в Россию через третьи страны начались в середине 2022 года. Хотя в то время казахстанские власти не предпринимали никаких конкретных мер, западные партнеры настаивали на своих требованиях к Казахстану соблюдать санкционные положения»²³³.

В сложившейся ситуации Казахстан оказался перед сложным выбором. С одной стороны, «действовал интеграционный проект ЕАЭС, а с другой – продвигался проект «альтернативных конфигураций транспортных коридоров между Западным Китаем и ЕС в обход России»²³⁴. Тем не менее, несмотря на влияние западных стран, Казахстан по-прежнему привержен своему многовекторному подходу, как указано в его внешнеполитической стратегии.

В современную эпоху фокус геополитических соображений смещается с традиционных аспектов на экономические. В этой связи Центрально-Азиатский регион представляет большой интерес для России, которая продолжает рассматривать его как пространство, входящее в сферу ее интересов. В этом контексте следует отметить, что транспортировка казахстанской нефти является важным аспектом экономического партнерства между Россией и

²³³ Мамедов А. В. Внешняя политика Казахстана: уточняя приоритеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 124.

²³⁴ Сапожков О., Галиева Д., Крючкова Е. Между санкциями и ЕАЭС. 2022. 6 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5447449> (дата обращения: 08.05.2025).

Казахстаном, позволяющим России оказывать свое политическое влияние на Казахстан.

6 июня 2002 г. Россия и Казахстан подписали Соглашение о транзите нефти, которое предоставило России значительный контроль над нефтью, экспортируемой Казахстаном и транспортируемой через территорию России. Согласно ст. 5 соглашения: «Направления транзита казахстанской нефти и ее количество определяются по согласованию с компетентным органом Российской Стороны на основании заявок компетентного органа Казахстанской Стороны и графиков транзита нефти и утверждаются соответствующим решением Правительства Российской Федерации»²³⁵. Если учесть, что «59% от общего объема экспорта Казахстана приходится на экспорт нефти, а на добычу нефти приходится более 16% валового внутреннего продукта Казахстана»²³⁶, то такая ситуация ставит Казахстан в довольно сложные условия при выборе внешнеполитической стратегии.

С начала 2000-х гг. Казахстан начал рассматривать альтернативные варианты экспорта своей нефти с целью повышения своей политической и экономической независимости. Как отмечает российский политолог И. Р. Томберг, идея превращения Казахстана в крупную независимую страну-экспортера энергоресурсов, преследующую собственные интересы, вызывает у России наибольшую озабоченность²³⁷, что, в свою очередь, приводит к росту напряженности в отношениях между Россией и Казахстаном. В основе этого напряжения лежит конкуренция за влияние в Центральноазиатском регионе и контроль над энергетическими потоками. Россия, которая традиционно доминирует в регионе, воспринимает усиление Казахстана как вызов своим

²³⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о транзите нефти от 06.06.2002 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3451> (дата обращения: 08.05.2025).

²³⁶ Справочник Экономика Казахстана в диаграммах и цифрах, июль 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/08/spravochnik-ekonomika-kazahstana-2-kv.-2024-g.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

²³⁷ Томберг И. Р. Москве придется привыкать к «многовекторной» дипломатии Назарбаева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newsarmenia.am/news/analytics/analytics-20070320-41661905/> (дата обращения: 08.05.2025).

геополитическим и экономическим целям. Казахстан, напротив, стремится диверсифицировать свой экспорт и укрепить свою независимость от Москвы.

Значительное влияние на отношения между Россией и Казахстаном продолжают оказывать события вокруг Украины. Естественно, России хотелось бы более конкретной позиции со стороны властей Казахстана, поскольку этот конфликт также представляет для них серьезную внешнеполитическую и внутриполитическую проблему.

В Казахстане, как и в регионе Центральной Азии в целом, особая роль России в истории этих территорий не оспаривается. Россия по-прежнему остается важнейшим союзником стран региона в военных, политических и экономических вопросах. Кроме того, статус России и ее потенциал позволяют ее рассматривать в регионе в качестве балансирующей и стабилизирующей силы, мнение которой во многих вопросах продолжает оставаться приоритетным. Россия продолжает демонстрировать свой потенциал посредством интеграционных процессов в рамках ОДКБ и ЕАЭС. Сотрудничество со странами региона проявляется также через экономическое сотрудничество, которое имеет важное социально-экономическое значение для населения всех стран, участвующих в этих проектах. Несмотря на динамичный характер сотрудничества, отношения между странами-партнерами испытывают множество проблем как внутреннего, так и внешнего характера. В частности, «военная операция на Украине и тотальные экономические санкции в отношении России оказывают негативный эффект на экономическое и социальное развитие как России, так и стран Центральной Азии»²³⁸.

Тем не менее, российско-казахстанские экономические отношения демонстрируют, что Россия остается основным торговым партнером Казахстана. Согласно данным Бюро национальной статистики Казахстана, в 2023 г. на долю России приходилось 18,6% от общего объема торговли страны. К концу года объем двусторонней торговли достиг 26 млрд. долларов США.

²³⁸ Томберг И. Р. Политико-дипломатическая позиция стран Центральной Азии в отношении Специальной военной операции России на Украине // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9(4). С. 442.

Почти каждая вторая компания с иностранными инвестициями в Казахстане была основана в партнерстве с российскими предприятиями. Общий объем российских инвестиций в экономику Казахстана достиг 23,2 млрд долларов, хотя, по разным оценкам, фактическая сумма значительно выше и превышает 52 млрд долларов, если принимать во внимание инвестиции, сделанные через европейские подразделения и оффшорные компании²³⁹. В Казахстане осуществляют торгово-экономическую деятельность более 25 крупнейших российских компаний, в т.ч. «Газпром», «Газпромнефть», «Татнефть», «Лукойл», «Русал», «Хевел», «ВТБ», «Вайлдберриз», «Озон», «Яндекс» и др.

В развитии двустороннего торгово-экономического сотрудничества между Россией и Казахстаном значимую роль играют межрегиональные связи. Более 76 регионов Российской Федерации активно сотрудничают со своими казахстанскими партнерами. На долю трансграничной торговли приходится около 70% от общего объема двустороннего товарооборота. В этом контексте ежегодный Форум международного сотрудничества России и Казахстана с участием глав обоих государств остается важным событием. Кроме того, в рамках этого традиционного мероприятия проходят заседания Российско-Казахстанского делового совета с участием Торгово-промышленной палаты России, Национальной палаты предпринимателей и Внешнеторговой палаты Казахстана²⁴⁰.

В эпоху глобальной трансформации мировых экономических отношений проблема прокладки новых транзитных маршрутов становится актуальной как для России, так и для Казахстана. В этом контексте все больше внимания уделяется развитию восточной ветви Международного транспортного коридора Север-Юг, который проходит через территорию Казахстана, как ключевого звена в формирующемся логистическом ландшафте.

²³⁹ Российско-казахстанские торгово-экономические связи. Посольство РФ в Республике Казахстан: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kazakhstan.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/torgovo_ekonomicheskie_svyazi/ (дата обращения: 08.05.2025).

²⁴⁰ Там же.

Одной из ключевых структур, используемых в качестве проводника «мягкой силы» России в регионе, является Евразийский Экономический Союз. Исследователи, проводя различие между «мягкой силой» государств-членов ЕАЭС и политикой всего альянса в целом, не вникают во взаимовлияние государств внутри этой структуры²⁴¹. Однако инфраструктурные проекты, координируемые в рамках этой структуры, ясно указывают на то, что Россия стремится максимизировать свои выгоды от ЕАЭС, даже выступая в качестве «государства-донора»: так, например, и Казахстан, и Россия договорились о строительстве и модернизации участков автомобильных дорог по маршруту «Европа – Западный Китай»²⁴².

Это позволит интегрировать международную магистраль, являющуюся частью инициативы «Один пояс – один путь», в сеть высокоскоростных маршрутов в России, через перспективные маршруты, соединяющие Москву, Нижний Новгород и Казань. В свете действующих санкций для России крайне важна возможность диверсифицировать маршруты и увеличить грузопоток с Востока. В то же время Казахстан также выиграет от этого проекта, получив доступ к необходимой инфраструктуре для собственного экономического развития.

В качестве инструмента российской экономической «мягкой силы» в Казахстане может быть рассмотрена деятельность Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Так, правительство Казахстана передало акции (от 30% до 70%) трех урановых предприятий «Ураниум Уан Груп», входящей в российскую корпорацию «Росатом»²⁴³. В результате Россия стала ведущим мировым поставщиком урана, а «Росатом» получил возможность спроектировать и построить атомные электростанции в

²⁴¹ Березняков Д. В. Евразийский интеграционный проект сквозь призму концепции «мягкой силы» // Вторая международная конференция «Soft Power: теория, ресурсы, дискурс». Екатеринбург, 2017. С. 92.

²⁴² SeaNews: Страны ЕАЭС согласовали инфраструктурные проекты в сфере транспорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://seanews.ru/2022/08/26/strany-eajes-soglasovali-infrastrukturnye-proekty-v-sfere-transporta/> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁴³ Правительство Казахстана разрешило передать «Ураниум Уан Груп» доли в трех урановых предприятиях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5844451> (дата обращения: 08.05.2025).

Казахстане, что повысит энергетическую самодостаточность страны. Стоит отметить, что Казахстан тщательно изучил предложения российских, корейских, китайских и французских компаний, прежде чем принять свое решение²⁴⁴.

Поскольку западные рынки недоступны для российского капитала, российские инвесторы переключили свое внимание на азиатские рынки, в частности на Казахстан. Российские нефтяные компании, такие как «Татнефть» и «Лукойл», активно ведут разведку нефтяных запасов в сотрудничестве с казахстанскими партнерами. Например, «Лукойл» инвестировал более 6 млрд долларов в три нефтяных месторождения в Казахстане²⁴⁵.

Возникли уникальные обстоятельства для малого бизнеса, особенно в креативном и IT-секторах, создавшего офисы в Казахстане для облегчения операций с иностранной валютой и взаимодействия с международными клиентами и партнерами без ограничений. Благодаря денежным потокам от россиян (физических и юридических лиц) ВВП Казахстана в 2022 г. увеличился на 2,5%²⁴⁶. В случае изменения российской политики в отношении подоходного налога с физических лиц для тех, кто покидает страну, Казахстан может как получить дополнительные налоговые поступления (от физических лиц, которые получают выгоду от налогового резидентства в Казахстане), так и потерять часть своего ВВП, если российские власти сочтут перевод сотрудников в Казахстан несправедливой налоговой оптимизацией. Таким образом, посредством своей налоговой политики в отношении своих резидентов Россия имеет возможность влиять на экономическую ситуацию в Казахстане.

Вышеприведенные институциональные практики и механизмы позволяют предположить, что Россия располагает целым рядом инструментов «мягкой

²⁴⁴ Интерфакс: АЭС в Казахстане планируется построить с помощью международного пула инвесторов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/862287> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁴⁵ Строительство и АПК: на какие проекты Казахстана готовы тратиться российские инвесторы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lsm.kz/neft-i-gmk-kakie-sfery-ekonomiki-interesny-rossijskim-investoram> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁴⁶ РБК: Как приток россиян изменил экономику Казахстана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/26/11/2022/6380e49c9a79475d927ae9c8> (дата обращения: 08.05.2025).

силы» для оказания экономического влияния на Казахстан и реализует некоторые из этих стратегий с целью достижения долгосрочных преимуществ в регионе. Эффективность этих инструментов остается неопределенной и зависит от множества переменных, включая внутривластный и экономический климат в Казахстане, а также деятельность других значимых игроков мировой политике, таких как Китай, США и ЕС.

Стремясь диверсифицировать свои внешние связи, Казахстан активно развивает партнерские отношения с другими странами и региональными организациями, что несколько ограничивает возможности России по доминированию. В то же время, исторические связи, общая инфраструктура и культурная близость между Россией и Казахстаном продолжают играть важную роль, создавая благоприятную почву для экономического сотрудничества. Будущее развитие этих отношений будет зависеть от способности обеих стран находить взаимовыгодные решения и учитывать интересы друг друга в постоянно меняющемся геополитическом ландшафте. Еще одним важным аспектом является развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, которые могут усилить экономическое влияние России и способствовать укреплению позиций Казахстана на международной арене.

Таким образом, рассуждая об экономическом воплощении «мягкой силы», следует отметить, что ее арсенал включает в себя широкий спектр мягких и гибких инструментов и методов воздействия, включая инвестирование, предоставление кредитов, оказание экономической, научно-технической и управленческой помощи, а также предоставление возможностей для участия в различных бизнес-проектах и программах.

Как показывает практика, использование политического давления, агрессивных и жестких действий, хотя и эффективно в краткосрочной перспективе, но гибкие и привлекательные экономические методы предпочтительнее для достижения целей в долгосрочной перспективе. Использование этих методов в сочетании с социокультурными инструментами в большей степени способствует созданию и поддержанию позитивного

имиджа страны. Кроме того, экономическая политика не должна быть агрессивной и конфронтационной, что может иметь обратный эффект в виде действий и санкций в отношении инициатора конфликта, который в условиях глобализации и единого мирового экономического пространства может получить значительные экономические потери, что в целом может повлиять на состояние мировой экономики.

В настоящее время Россия сталкивается с множеством проблем, которые обсуждаются на международном уровне. Формирование и поддержание позитивного имиджа страны требует большой концентрации сил и ресурсов, в том числе экономических. В условиях международной изоляции любая возможность для России сохранить свое положение в международном сообществе имеет решающее значение. В этой связи, как уже упоминалось, трудно переоценить значение Центрально-Азиатского региона, в частности Казахстана, для России. Казахстан, обладающий богатыми природными ресурсами и стратегическим географическим положением, играет решающую роль в реализации геополитических и экономических интересов России. Две страны тесно связаны членством в ЕАЭС и ОДКБ. Россия и Казахстан являются важными партнерами в этих организациях, работающими над укреплением интеграции и обеспечением стабильности в регионе. С другой стороны, Казахстан активно диверсифицирует свои внешние связи, развивая сотрудничество с Китаем, США, ЕС и другими странами. Такой многовекторный подход позволяет Казахстану балансировать между интересами различных геополитических игроков и укреплять свой суверенитет.

В контексте меняющегося геополитического ландшафта возрастает значение Центральной Азии, особенно Казахстана, как связующего звена между различными цивилизациями и экономическими регионами. Необходимо исходить из того, что успешное сотрудничество между Россией и Казахстаном, которое может способствовать укреплению стабильности и процветанию всего региона, должно основываться исключительно на взаимном уважении и учете интересов друг друга.

Несмотря на тесное сотрудничество, между Россией и Казахстаном все еще существуют некоторые разногласия. Вопросы, связанные с языковой политикой, интерпретацией исторических событий, экономическим сотрудничеством и угрозами национальному суверенитету Казахстана, озвучиваемыми некоторыми СМИ, вызывают определенную напряженность. В то же время крайне важно, чтобы обе страны стремились к конструктивному диалогу и поиску компромиссных решений для преодоления этих разногласий, вместо того чтобы обвинять друг друга и спекулировать историческими обидами.

Очевидно, что влияние Казахстана в ближайшие годы в регионе будет продолжать расти. Страна обладает значительным потенциалом для экономического развития, привлечения инвестиций и усиления своего международного влияния. Россия, в свою очередь, должна учитывать интересы Казахстана и выстраивать отношения, основанные на равенстве и взаимной выгоде. Поддержка Казахстана в его стремлении к модернизации и развитию, а также укрепление сотрудничества в различных областях может способствовать укреплению российско-казахстанских отношений и обеспечению стабильности в Центральной Азии. Это, в свою очередь, может позволить России сохранить свое влияние в регионе и реализовать свои геополитические и экономические интересы.

Использование Россией в Казахстане «мягкой силы» в ее экономических аспектах, несмотря на многочисленные вызовы и собственные нерешенные проблемы, с которыми она сталкивается, не следует рассматривать как недостижимую цель. Как показывает мировой опыт использования в «мягкой силе» экономических инструментов, даже при ограниченных финансовых и других ресурсах Россия должна искать эффективные пути взаимодействия со странами региона, в частности с Казахстаном, используя свои сильные стороны в различных областях и совершенствуя свою политику по созданию особых экономических зон и территорий опережающего развития.

2.3. Социокультурные ресурсы российской стратегии «мягкой силы» в Казахстане и эффективность их применения

Развитие институтов «мягкой силы» является существенным направлением внешней политики любого государства. Важное место среди них занимают социокультурные, которые, наряду с политическими и экономическими ресурсами, являются более значимыми в стратегии «мягкой силы» государства. Социокультурная составляющая «мягкой силы» включает в себя широкий спектр инструментов, начиная от культурного обмена и образовательных программ, и заканчивая продвижением национальных ценностей и образа жизни. Эффективность этих инструментов обусловлена их способностью формировать позитивное восприятие страны за рубежом, укреплять доверие и создавать благоприятную почву для сотрудничества в различных сферах.

Во внешнеполитической стратегии России страны Центральной Азии, в частности в Казахстане, занимают важное место. Это обусловлено историческими связями, экономическим сотрудничеством и геополитическими интересами. Россия рассматривает Центральную Азию как буферную зону, обеспечивающую безопасность ее южных границ и препятствующую распространению радикальных идеологий. В то же время Россия должна учитывать особенности социально-политического развития региона, сложившиеся после распада Советского Союза.

После распада Советского Союза в бывших советских республиках Центральной Азии начали формироваться авторитарные политические системы. Они были сформированы на государственно-патерналистской модели,

основанной на местных традициях и ценностях. Политический лидер рассматривается как «отец нации» и назначался сверху. Вся государственная система была построена вокруг этой идеи. Практически во всех новых государствах начали складываться «суперпрезидентские» формы правления. Несмотря на то, что в Кыргызстане произошли некоторые изменения, идею перехода этой страны к парламентской системе пока еще можно рассматривать лишь как гипотетическую.

Главы государств в этих системах обладают полномочиями и прерогативами «пожизненных президентов». Они рассматриваются не только как гаранты конституции, но и как «конституционные монархи», стоящие над ветвями власти. Их полномочия и возможности близки к абсолютным, что проявилось в феноменах «Туркменбаши» при С. Ниязове и Г. Бердымухамедове, а также в «узбекской модели». Эту систему вряд ли можно назвать ориентированной на модернизацию. Архаизация наблюдается как в идеологической, так и в практической жизни государства. Клановая система общества и элиты, подхваченная этими мощными импульсами, в конечном итоге фокусируется на антимодернизационных ценностях, таких как традиционализм и государственный консерватизм, что существенно ограничивает распространение влияния Запада в регионе.

При реализации стратегии «мягкой силы» в Центральной Азии чрезвычайно важно учитывать, что патерналистские этнархии региона основаны на исламских идеях. Принцип единства и неделимости власти, закрепленный в исламской теологии, означает, что «верховный» носитель власти рассматривается как живое воплощение «земной власти», «главный арбитр», стоящий над всем обществом. Как справедливо отмечают исследователи, «несмотря на процессы русификации и советизации, длившиеся в республиках Центральной Азии более 70 лет, ислам сохранил свое значение на культурном и повседневном уровнях и стал символом построения нового суверенного государства и возвращения к культурным и историческим

традициям»²⁴⁷. Однако степень использования потенциала ислама для укрепления политических режимов в различных странах Центральной Азии сильно различается. Например, Казахстан и Узбекистан, правительства стремятся ограничить влияние ислама на политику, подчеркивая светский характер государства. Однако они могут использовать ислам как инструмент легитимации своей власти, поддерживая традиционные исламские праздники и культурные инициативы. В то же время в других странах, таких как Таджикистан, наблюдается более активное использование ислама для укрепления политической власти, где религиозные элементы могут быть интегрированы в государственную идеологию.

Безусловно, при разработке своего собственного подхода «мягкой силе» в регионе Россия учитывает эти аспекты социально-политического ландшафта стран Центральной Азии. Для достижения своих целей она использует широкий набор инструментов, который включает в себя возможности дипломатического корпуса, потенциал военно-промышленного комплекса, который всегда находится в центре внимания государства. Важная роль отводится активной экономической дипломатии с участием государственных корпораций, способных вести переговоры на межгосударственном уровне. Существенное значение для реализации стратегии «мягкой силы» имеют создаваемые и финансируемые государством институты публичной дипломатии, способные влиять на общественное мнение и продвигать интересы страны и ценности российского общества в регионе. К традиционным инструментам «мягкой силы» в этом регионе относятся наличие общей истории, культуры, экономических связей, личных и семейных связей, распространение и особое положение русского языка, а также общее информационное и научное пространство. Следует также выделить наличие «серых» стратегий, реализуемых с помощью спецслужб и влиятельных лидеров общественного мнения и предпринимателей и т.д.

²⁴⁷ Сохранение и укрепление позиций русского языка на постсоветском пространстве в контексте внешнеполитической стратегии России. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2011. С. 126.

Анализируя особенности российской «мягкой силы», американский специалист М. Ларюэль указывает на ее узкую направленность на конкретные аудитории по четырем направлениям: «история и культура России, советское наследие, консервативная и нелиберальная политическая идентичность и статус джокера на международной арене»²⁴⁸. По мнению исследователя, такой подход возник в ответ на признание ограниченной способности России оказывать влияние по сравнению с «мягкой силой» Соединенных Штатов, как с точки зрения финансовых ресурсов, так и способности создавать культурные продукты и глобальные бренды²⁴⁹.

Несомненно, по сравнению с 90-ми гг. прошлого столетия российская «мягкая сила» на современном этапе характеризуется динамизмом и некоторой эффективностью. В то же время существует мнение о том, что эта стратегия используется не для создания социально-политического и экономического пространства с новыми идеями, нормами и ценностями. Ее целью является навязывание собственных нарративов своим соседям и партнерам, что не может не вызывать настороженность у элит центральноазиатских государств, усматривающих во внешнеполитической деятельности России стремление возродить евразийский имперский проект.

Кроме того, считается, что Россия использует «мягкую силу» не для содействия европеизации и всесторонней модернизации, а скорее для добровольного отделения от группы демократических стран, разделяющих общие нормативные подходы к мировой политике²⁵⁰, что дает основания для критики в зарубежном дискурсе российской «мягкой силы» как стремление устанавливать нормативную власть России над Центральной Азией, основанную преимущественно на идеологии евразийства и «русского мира».

Следует отметить, что такой взгляд на природу российской «мягкой силы» предполагает не отрицание его как противоположной точки зрения, а

²⁴⁸ Ларюэль М. «Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния» // *Russie. Nei. Visions*. 2021 (апрель). № 122. С. 2.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Mommen A. Soft and Hard Power, or the Problem of Russia's International Socialization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.academia.edu/7726036/> (дата обращения: 08.05.2025).

наоборот, он должен быть всесторонне проанализирован для выявления и глубокого понимания проблемы с целью внесения корректировок в данную стратегию.

Рассуждая об идеологии евразийства и «русского мира», необходимо отметить, что, хотя они и развиваются практически параллельно, но в то же время концептуально имеют разные статусы. Институциональным воплощением идеи евразийства можно обнаружить в создании Евразийского экономического союза, который апеллирует к правящим элитам региона.

Сложнее с концепцией «русский мир», который апеллирует ко всему обществу и содержательно предполагает интенсификацию работы с «соотечественниками и теми представителями зарубежных стран, которые чувствуют свою принадлежность к русской культуре, языку, ценностям и истории и выступает объединяющей для отдельных индивидов и общественных групп, которые духовно, культурно и исторически связывают себя с Россией»²⁵¹.

В связи с этим цель российской «мягкой силы» может быть интерпретирована как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле она включает в себя реализацию культурных инициатив с целью содействия разнообразному обмену ценностями. В более широком контексте она включает в себя содействие экономическому росту, создание возможностей для преобразования политической системы и культуры, а также укрепление национальной идентичности²⁵².

Влияние «мягкой силы» выходит за рамки создания благоприятного восприятия. Она предполагает создание привлекательной среды для сотрудничества, основанного на взаимном уважении и учете интересов. Это требует не только трансляции культурных и исторических ценностей, но и демонстрации экономического прогресса, социальной стабильности и

²⁵¹ Агеева В. Д. Российская Мягкая Сила: между «Русским миром» и Евразией // Наука Красноярья. 2016. № 1(24). С. 18.

²⁵² Ушурелу О. В. Российская «мягкая сила» в Молдавии: особенности и эффективность измерения: дисс ... канд. полит. наук: 23.00.02. ФГБУН Институт философии Российской академии наук, 2020. С. 88.

политической открытости. В противном случае, усилия по формированию положительного восприятия могут быть сведены на нет критикой в отношении внутриполитических процессов или внешней политики.

Для достижения своих целей, используя стратегию «мягкой силы», Россия располагает разветвленной системой обеспечения многостороннего сотрудничества в социально-гуманитарной сфере, в которую входят Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ, Россотрудничество, Совет по гуманитарному сотрудничеству государств – участников СНГ, Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом²⁵³.

Деятельность этих институтов обеспечивает сохранение влияния России в Центральной Азии, в частности, в Казахстане. Помимо России, другие страны также заинтересованы в усилении своего влияния в Казахстане, являющемся ключевой страной региона. Используя различные инструменты, Соединенные Штаты, Китай, ЕС и Турция пытаются повлиять на политическую, экономическую, культурную и социальную жизнь Казахстана. Здесь активно работают различные программы сотрудничества и развития, благотворительные и образовательные программы, целью которых является, прежде всего, вытеснение России из Казахстана.

Сотрудничество между Россией и Казахстаном многогранно и многообразно. На протяжении длительного времени Россия и Казахстан существовали и развивались в одном политическом, экономическом и социокультурном поле. Они имеют общую историю и развивались вместе в одном регионе, что привело к установлению тесных отношений между двумя странами. Это общее прошлое отражается в их современном взаимодействии и сотрудничестве.

Распад Советского Союза оказал значительное влияние на развитие отношений между странами, которые ранее входили в его состав. Это привело к

²⁵³ Казанцев А. А., Орлов А. А., Синегубов А. Л., Чернявский С. И. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности ее использования в Центральной Азии // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. 2014. № 1. С. 70–88.

глубоким разногласиям между новообразованными государствами, возникшему противоречию «между стремлением создать национальное государство в контексте меняющихся социально-экономических условий и стремлением сохранить общее пространство, соответствующее меняющемуся языковому и культурному условиям»²⁵⁴.

Эта дилемма была особенно остро выражена в Казахстане, где, по данным на 1989 г., русское население составляло 38% от общей численности населения республики²⁵⁵, что давало России немало преимуществ в ее стремлении сохранить здесь свое влияние.

Социокультурная стратегия «мягкой силы» России в Казахстане, основанная на многовековых исторических, культурных и экономических связях, реализуется по нескольким направлениям: во-первых, распространение и поддержка русского языка и культуры; во-вторых, создание привлекательного научного и образовательного пространства; в-третьих, диаспоральная политика, включающая работу с русскоязычным населением, проживающим в Казахстане.

«Одной из внешнеполитических стратегий России в отношении стран постсоветского пространства является сохранение в этих государствах русскоязычного населения и русского языка как фактора гуманитарного взаимодействия с целью упрочения своего влияния»²⁵⁶. В этом контексте Казахстан занимает особое место во внешнеполитической стратегии России. Казахстан выделяется среди всех бывших советских республик большим количеством русскоязычного населения в демографической структуре государства. Кроме того, в отличие от других союзных республик, за исключением Украины и Белоруссии, в Казахстане очень высока доля

²⁵⁴ Огнева В. В., Брысякина Л. А. Сотрудничество России и Молдовы в гуманитарной сфере: поиск новой парадигмы // Научные ведомости Белгородского гос. университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 2. № 3. С. 144–148.

²⁵⁵ Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР / Госкомстат. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 49.

²⁵⁶ Керимов А. А., Кабазиев М. Ш. Этническая составляющая политической идентичности современного Казахстана // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 4. С. 44.

неславянского населения, владеющего русским языком. Русский язык по-прежнему остается преобладающим средством общения во всех сферах общественной деятельности в стране. По сути, русский язык в республике является не только языком межнационального общения, но и языком образования, науки и культуры. В городских центрах Казахстана русский язык распространен шире, чем язык коренного населения.

Согласно последним данным переписи населения, проведенной в 2021 г., доля этнических русских в Казахстане составляет 15,5%²⁵⁷, что несравнимо ниже, чем накануне распада Советского Союза.

Несмотря на сокращение численности русскоязычного населения, русский язык в республике продолжает оставаться значимым фактором, объединяющим страны. Его роль и значение признается и на официальном уровне. О русском языке очень четко высказался Президент Казахстана К.-Ж. Токаев, который отметил важность русского языка для коренного населения, подчеркнув: «мы соседи, данные Богом, и казахам нужно хорошо говорить по-русски, но в то же время знать свой родной язык»²⁵⁸.

Крайне важно отметить конституционный статус русского языка в Казахстане. Признанный языком межнационального общения, он имеет особый статус в соответствии с Конституцией Республики. В частности, в п. 2 ст. 7 отмечается, что в Казахстане русский язык официально используется в государственных учреждениях и местных органах власти наряду с казахским²⁵⁹, что делает его ценным ресурсом «мягкой силы», средством коммуникации и формирования мировоззрения.

Кроме того, такой статус русского языка снимает остроту в дискуссии о переходе казахской письменности на латиницу. Для России такой шаг мог бы

²⁵⁷ Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: stat.gov.kz (дата обращения: 08.05.2025).

²⁵⁸ Бюро статистики Казахстана отчиталось о сокращении доли русских в стране // РБК. 01.09.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: (<https://www.rbc.ru/society/01/09/2022/6310a2d59a794744f292f6bd>) (дата обращения: 08.05.2025).

²⁵⁹ Конституция Республики Казахстан. Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 08.05.2025).

рассматриваться как противоречащий ее интересам, но активные действия казахстанской стороны сняли опасения по поводу угрозы сотрудничеству между двумя странами. На заседании Совета глав государств СНГ в 2023 г. представители Казахстана выдвинули инициативу о создании организации по продвижению русского языка на постсоветском пространстве. Причем сами казахстанские исследователи утверждают, что в Казахстане язык государствообразующей нации уступает русскому языку²⁶⁰.

Очевидно, что положение русского языка в Казахстане дает России существенные преимущества в сохранении и расширении своего влияния в стране. Тем не менее, это преимущество не безгранично. Продвижение и сохранение языка требует очень серьезной работы, которая должна проводиться не только усилиями государственных структур, но и посредством публичной дипломатии, неправительственных учреждений и ассоциаций, способных придать импульс «мягкой силе», адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам и повысить ее эффективность.

Статистика показывает, что в Казахстане становится все меньше и меньше носителей русского языка. Как упоминалось ранее, если в последние годы существования Советского Союза более 38% населения республики составляли этнические русские, то в 2021 г., по данным официальной переписи населения, представительство русских в демографической структуре республики сократилось до 15,5%, в то время как доля представителей титульной нации возросла до 70,4%. Согласно последним данным, на 1 января 2025 г. русские составляют 14,61% населения страны²⁶¹.

Поддержка и продвижение русского языка требуют разработки соответствующих программ и усилий по повышению его престижа на постоянной основе. Для достижения этой цели должны быть предложены языковые курсы, созданы возможности для его изучения, подготовлены

²⁶⁰ Булуктаев Ю. О. Национализирующийся тип национализма: специфические вызовы государственного строительства Республики Казахстан // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 43.

²⁶¹ Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан (на начало 2025 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: new.stat.gov.kz. (дата обращения: 08.02.2025).

специалисты для его преподавания. В связи с этим следует отметить, что в Казахстане среди обучающейся молодежи конкуренцию русскому языку начинает составлять не язык титульной нации, а иностранные, прежде всего, английский, китайский и турецкий языки. Эта тенденция требует особого внимания и особенно важна в контексте демографической структуры страны, где доля молодых людей до 30 лет в численности населения составляет почти 50%²⁶².

Казахстан, как и все постсоветские страны, также стремится к формированию собственной идентичности не только на международной арене, но и внутри страны. Государственно важной задачей для страны является формирование национальной идентичности, от которой зависит дальнейший вектор развития, как общества, так и государства в целом. Безусловно, при формировании класса управляющих, дипломатического корпуса и управленцев различных уровней предпочтение отдается представителям титульной нации, что позволяет последней «воспринимать себя в качестве государствообразующей нации и основного субъекта происходящих событий, направленных на укрепление государственности Казахстана и его международных позиций»²⁶³.

В этом контексте возникают некоторые опасения по поводу перспектив и престижа русского языка, поскольку он сталкивается с политикой властей республики, направленной на повышение статуса и значимости казахского языка. «Если в советскую эпоху от управленцев требовалось хорошее знание русского языка, знание основ русской культуры, а национальные языки имели второстепенное значение в государственно-управленческой сфере, то в постсоветскую эпоху ситуация претерпела существенные изменения»²⁶⁴. Как показывает практика, в постсоветском Казахстане именно казахский язык

²⁶² Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: stat.gov.kz (дата обращения: 08.02.2025).

²⁶³ Кабазиев М. Ш. Политическая идентичность в контексте политики идентичности в современном Казахстане: особенности, проблемы, тенденции: дисс ... канд. полит. наук: 5.5.2. Екатеринбург, 2023. С. 99.

²⁶⁴ Там же.

постепенно становится фактором продвижения и социальным лифтом в обществе²⁶⁵.

Полагаем, что данную политику нельзя рассматривать как однозначно позитивную. Помимо положительных аспектов, она имеет ряд недостатков, которые влияют на уровень социально-экономического и культурного развития Казахстана. Стремление к ротации кадров с целью увеличения доли титульной нации привело к оттоку русскоязычных кадров из различных структур народного хозяйства и управления. Поскольку рекрутирование персонала в новых условиях не требовало обязательного знания русского языка, в управленческие структуры увеличился поток новых кадров с периферии с низким уровнем образования и компетенций.

Несмотря на высокий уровень урбанизации в Казахстане, этот факт не мог не сказаться на уровне преподавания и медицинского обслуживания, поскольку основной массив учебной и научной литературы был представлен на русском языке. По мнению некоторых исследователей, в стране «из властных структур началось "вымывание" городской русскоязычной интеллигенции»²⁶⁶ в пользу целенаправленного процесса привлечения сельских кадров в систему государственного управления, что не могло сказаться на уровне профессионализма и компетентности²⁶⁷.

С другой стороны, следует отметить, что такая политика была обусловлена исторически сложившейся системой клановости, которая была характерна для Казахстана еще с советских времен. Следуя пожеланиям кланов, происходил процесс ротации кадров, в результате которого на смену казахской/казахстанской городской интеллигенции пришла новая элита, в основном представленная выходцами из сельской местности.

²⁶⁵ См.: Нургалиева Ж. К. Казахстан: к вопросу о конфликте идентичностей // Россия и мусульманский мир. 2010. № 3. С. 79; Гизатуллина Г. А. Цивилизационные императивы казахстанской государственной идентичности // История и современность. 2015. № 2(22). С. 125.

²⁶⁶ Кондорский Б. М. Сравнительный анализ современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с позиций революционной концепции исторического развития // Ноосферные исследования. 2022. № 2. С. 75-89.

²⁶⁷ Кондорский Б. М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019. № 3(33). С. 112-131.

Необходимо согласиться с мнением К. Адильбековой, которая справедливо отмечает: «Казахстан, несмотря на демографический рост казахского населения в последние годы, по-прежнему остается многонациональной страной. В случае изучения такого общественного (дис)баланса с конфликтологической точки зрения возникает необходимость напомнить риски социальной напряженности и межгрупповых противоречий. В этом контексте возникают задачи, требующие к себе деликатного обращения, важной из которых является избежание всевозможных последствий эксклюзивного или негативного подхода, ведущего к изоляции этнических групп в их узком окружении, либо к политизации этнических отличий различий против группы большинства или политических элит, либо к их массовому оттоку»²⁶⁸.

Таким образом, можно отметить, что языковая политика, проводимая казахстанскими властями, подчинена государственным интересам и преследует цели формирования национальной идентичности. Принимаемые меры направлены на утверждение казахского языка в качестве государственного, где одновременно уделяется внимание русскому языку. Действующая «Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы» ставит амбициозные цели, в результате достижения которых к 2025 г. не менее трети населения республики должна владеть тремя языками: казахским, русским и английским²⁶⁹.

Цели «мягкой силы» в защите и продвижении русского языка достигаются, в частности, с помощью образовательных инициатив. Доля обучающихся в Казахстане на русском языке по данным за 2022 г. достигает 30,9%. «В образовательных организациях среднего профессионального образования на русском языке обучаются 40,5% учащихся, а высшее

²⁶⁸ Адильбекова К. Дилемма этноцентризма и гражданской идентичности: воспитание будущего поколения Казахстана через телеканал «Балапан». Алматы, 2018. С. 11.

²⁶⁹ Ушакова А. П. Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 27

образование на русском языке получают 30,2% студентов»²⁷⁰. Согласно статистическому сборнику «Образование в Казахстане», в 2021-2022 в 3 847 школах страны обучение велось на казахском языке, в 1 259 школах – на русском языке, в 2 431 школах – на смешанном языке²⁷¹.

По мнению исследователей, школы с русским языком обучения не могут быть отнесены к категории национальных учебных заведений, они вненациональны. «Образовательный процесс в этих школах сосредоточен на коммуникативной функции русского языка, которая является функцией межэтнического общения, в то время как его этническая (этнообразующая) функция отходит на второй план»²⁷². В послании народу от 1 сентября 2022 г. президент Казахстана К.-Ж. Токаев отметил важность изучения обоих языков: «В обществе ведутся дискуссии вокруг преподавания в школах казахского и русского языков. Скажу предельно ясно: мы должны воспитывать детей, хорошо владеющих и казахским, и русским языками»²⁷³. Изучение русского языка школьниками и студентами обусловлено еще и тем, что в советский период было создано много ценных научных и литературных произведений, которые являются частью наследия всех народов. В этой связи изучение этих произведений должно быть обязательным для всех поколений, заинтересованных в духовном и интеллектуальном развитии своей нации и страны.

Несмотря на существующие проблемы, образование на русском языке продолжает оставаться престижным и востребованным. Для удовлетворения этих потребностей российская сторона предоставляет возможности

²⁷⁰ Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. С. 32-33.

²⁷¹ Статус русского языка в Казахстане: мифы и факты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/44391-status-russkogo-iazyka-v-kazakhstane-mify-i-fakty> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁷² Вдовина Н., Никитина С. Русский язык в системе образования Республики Казахстан // Альманах «Этнодиалоги». М.: Автономная некоммерческая организация Центр содействия межнациональному образованию «Этносфера». 2017. № 1 (52). С. 61-62.

²⁷³ Правда ли, что в Казахстане планируют закрыть школы с русским языком обучения? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://factcheck.kz/false/pravda-li-chto-v-kazakhstane-zakroyutshkoly-s-russkim-yazykom-obucheniya/> (дата обращения: 08.02.2025).

казахстанской молодежи получать образование в высших учебных заведениях России. Так, по данным Министерства науки и высшего образования РФ на 2024 г., «в российских вузах по программам высшего образования (бакалавриата, специалитета и магистратуры) обучаются 83 тыс. студентов из Казахстана (в 2023 г. – 79 тыс., в 2022 г. – 61 тыс.)»²⁷⁴. Для потенциальных студентов из Казахстана в рамках квоты Правительства РФ на 2021-2022 г., предполагающей получение бюджетных мест за счет федеральных ассигнований и стипендий, было выделено 833 места²⁷⁵. Следует отметить, что данная квота для граждан Казахстана выделяется ежегодно, начиная с 2003 г.

«Дополнительным фактором, обеспечивающим приток казахстанской молодежи в российские высшие учебные заведения, являются укоренившиеся традиции как межгосударственных контактов в этой сфере, так и известные бренды российских университетов»²⁷⁶. С имиджевой точки зрения для казахстанской молодежи известные учебные заведения высшего образования России являются привлекательными. На сегодняшний день в республике функционируют филиалы ряда российских университетов, а с сентября 2025 г. в г. Астана начнет функционировать филиал Московского государственного института международных отношений.

Процесс открытия филиалов известных и авторитетных университетов между двумя странами начинает приобретать взаимный характер. В 2024 г. в г. Омск открыт филиал первого казахстанского университета – Казахского национального университета им. Аль-Фараби, где в сентябре 2025 г. будет осуществлен прием студентов на программы подготовки бакалавров и магистров по направлениям «международное право», «таможенное дело», «казахская филология» (казахский язык и литература). Обучение на кафедрах международного права и таможенного дела будет вестись на трех языках –

²⁷⁴ Сотрудничество России и Казахстана: межвузовское партнерство, новые филиалы университетов, совместные научно-технические проекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46685/> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Алещенко П. С., Керимов А. А. «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 37.

русском, казахском и английском, что соответствует тенденциям современных глобализационных процессов, предоставляя будущим специалистам широкие возможности для реализации своего потенциала.

Наличие филиалов ведущих российских вузов в Казахстане обеспечивает казахстанской молодежи доступ к качественному образованию мирового уровня без необходимости выезда за границу. Аналогично, открытие казахстанского вуза в России открывает возможности для этнокультурного взаимодействия и взаимного академического обмена. Для сотрудничества российских и казахстанских вузов характерно наличие общестратегической цели – создать единое образовательное пространство, обеспечивающее высокое качество подготовки специалистов²⁷⁷. «Получая высшее образование, достигая нового статуса в профессиональной деятельности, приобщаясь к культуре и ценностям, студенты и выпускники вузов становятся посредниками между казахской и русской культурами, тем самым демонстрируют сформированные представления о современном мироустройстве»²⁷⁸.

Экспорт образовательных услуг позволяет России расширять сферы своего влияния, продвигая русский язык как ресурс «мягкой силы». Обсуждая перспективы образования и поддержания статуса русского языка на постсоветском пространстве, невозможно обойти вниманием сотрудничество между российскими и казахстанскими университетами и научными учреждениями в таких областях, как программы дополнительного профессионального образования, включая стажировки, а также совместные образовательные программы и научные исследования.

Такое сотрудничество не только способствует распространению русского языка и культуры, но и укрепляет связи между российскими и казахстанскими учебными заведениями, создавая платформу для обмена знаниями и опытом. В частности, совместные образовательные программы позволяют студентам из

²⁷⁷ Волох О. В., Питраков В. Ю. Совершенствование межрегионального и приграничного сотрудничества Омской области и Республики Казахстан // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20). С. 157.

²⁷⁸ Ушакова А. П. Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 29.

Казахстана получать образование по российским стандартам, не покидая родной страны, что снижает стоимость обучения и адаптации к новой культурной среде.

Стажировки в российских вузах, в свою очередь, дают возможность казахстанским специалистам повысить свою квалификацию, освоить новые технологии и методы работы, а также установить профессиональные контакты с российскими коллегами. Это особенно важно для таких областей, как машиностроение, медицина и информационные технологии, где Россия занимает прочные позиции и может предложить передовые решения.

Научные исследования, проводимые совместно российскими и казахстанскими учеными, также играют важную роль в развитии науки и образования в обеих странах. Подобные проекты позволяют объединить усилия и ресурсы для решения насущных проблем, обмениваться результатами исследований и публиковать их в международных научных журналах. Это способствует повышению престижа российских и казахстанских университетов на международной арене и привлекает талантливых студентов и ученых из других стран.

В целях укрепления сотрудничества между Россией и Казахстаном в области образования и научных исследований Министерство образования и науки РФ разработало комплексную стратегию, известную как «дорожная карта» для сотрудничества между профильными министерствами двух стран. Контроль за выполнением этого плана возложен на двусторонний подкомитет по сотрудничеству в области образования и науки, созданный в соответствии с решением, принятым на 21-м заседании межправительственной комиссии²⁷⁹.

Для дальнейшего развития сотрудничества в области образования и сохранения статуса русского языка на постсоветском пространстве необходимо учитывать ряд факторов, таких как языковая политика Казахстана, конкуренция

²⁷⁹ Сотрудничество России и Казахстана: межвузовское партнерство, новые филиалы университетов, совместные научно-технические проекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46685/> (дата обращения: 08.02.2025).

со стороны других стран и образовательных систем, а также необходимость адаптировать образовательные программы к потребностям казахстанского рынка труда. Также важно развивать новые формы и методы популяризации русского языка и культуры с использованием современных информационных технологий и социальных сетей.

На практике сложилось так, что в рамках концепции «мягкой силы» именно национальные образовательные инициативы, «циркуляция» молодежи, которая включает в себя их образование, знакомство с ценностями и культурой принимающей страны, возвращение и распространение влияния, рассматриваются как один из ключевых ресурсов. В этом контексте можно говорить об эффективности использования этих активов российской стороной.

В то же время важно признать, что существует множество проблем во всех аспектах и направлениях реализации российской стратегии «мягкой силы», в том числе и в области образования. Эти проблемы отчасти связаны с несогласованностью образовательных программ после выхода России из Болонского процесса. Другие страны, такие как Соединенные Штаты и Китай, также пытаются распространить свое влияние на Казахстан через образование, которое может обеспечить не менее привлекательные условия для привлечения молодежи. В первую очередь это предполагает внедрение разнообразных и популярных образовательных программ, учреждение многочисленных стипендиальных фондов и многое другое.

Идея сохранения и распространения русского языка на постсоветском пространстве воплощена в Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки граждан иностранных государств в российских образовательных учреждениях²⁸⁰, которая была принята в 2002 г.

Замысел заключается в том, что одной из главных целей государственной стратегии России является создание условий, благоприятствующих политическому, экономическому, научному и технологическому

²⁸⁰ Концепция государственной политики РФ в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901857022> (дата обращения: 08.02.2025).

сотрудничеству с другими странами. Для достижения этой цели Россия стремится обучать интеллектуальную и управленческую элиту зарубежных стран, уделяя особое внимание странам СНГ.

Для продвижения и реализации идей, изложенных в данной концепции, в 2017 г. был утвержден паспорт приоритетного проекта «Повышение экспортного потенциала российской системы образования»²⁸¹. Целью данного проекта является повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на мировом рынке образовательных услуг. Согласно плану, в 2025 г. в российских вузах очной формы обучения должны были обучаться 710 тысяч иностранных студентов. Однако «численность иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, по итогам 2024 г. оценивается в 389 тыс., в 2025 г. эта цифра должна вырасти до 410 тыс.», говорится в Едином плане по достижению национальных целей развития до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., утвержденном премьер-министром РФ М. Мишустин²⁸².

В целях расширения доступа к российской науке и образованию для иностранных студентов разработана Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом²⁸³.

Для реализации этих целей, укрепления позиций российских вузов в международных рейтингах и содействия взаимовыгодному образовательному сотрудничеству Россотрудничество за рубежом регулярно организует участие российских образовательных учреждений в крупных международных выставках и форумах, таких как Всемирная выставка образования, Educa Moscow и других международных мероприятиях. Это позволяет российским университетам устанавливать контакты с потенциальными студентами со всего мира. Сегодня более 100 российских университетов участвуют в международных программах

²⁸¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/653/28013/> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁸² Число иностранных студентов в РФ по итогам 2024 года оценивается в 389 тыс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/22845895> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁸³ Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/default/files/koncepciya_prodvizheniya_rossiyskogo_obrazovaniya.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

обмена и экспортируют образовательные услуги. Такие программы позволяют иностранным студентам получать качественное образование в российских вузах, укрепляя международную репутацию страны.

Россотрудничество также располагает сетью центров русской культуры и науки («Русские дома») во многих странах мира. Эти центры служат платформой для распространения русского языка и культуры, а также выступают посредниками в вопросах приема иностранных студентов в российские университеты. Помимо академического взаимодействия, Россотрудничество способствует культурному диалогу, способствуя знакомству иностранцев с достижениями российской науки, искусства и литературы.

Кроме того, в рамках СНГ существуют документы, ориентированные на развитие сотрудничества в сфере образования: Декларация о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод, Конвенция о защите прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, Соглашение об обмене информацией в области образования между странами СНГ. государства-участники, Межгосударственная программа по реализации Концепции создания единого образовательного пространства в СНГ, Соглашение о порядке создания и деятельности высших учебных заведений в государствах-участниках СНГ и т.д.

Для реализации идеи единого образовательного пространства в рамках СНГ и исполнении Концепции создания единого образовательного пространства, которая была подписана в 1997 г. лидерами стран СНГ, были созданы славянские университеты. Эти университеты призваны предоставлять образование на основе совместно разработанных учебных программ для граждан всех стран постсоветского региона. В результате был создан проект «Сетевые открытые университеты СНГ». Эти университеты стали частью программы по популяризации русского языка и были призваны повысить престиж высшего образования и сотрудничество между высшими учебными заведениями стран СНГ. Но необходимо отметить, что в силу ряда причин полностью реализовать этот проект не удалось, и университеты не выполнили

поставленную цель.

Продвижение позитивного имиджа страны связано не только с образованием и распространением ее культуры, но и с политикой, проводимой в области миграционных вопросов.

После распада Советского Союза значительная часть русскоязычного населения осталась за пределами России. По разным оценкам, речь может идти примерно о 25 млн человек²⁸⁴, которые в 90-е годы прошлого века столкнулись с рядом социокультурных и экономических проблем, определивших их дальнейшую судьбу. Часть этой населения ассимилировалась и адаптировалась к новой реальности новых постсоветских государств, а часть в силу ряда причин осталась без статуса гражданства. В 90-е гг. XX в. в России не было последовательной политики участия в жизни русскоязычного населения, хотя следует отметить, что другие бывшие союзные республики также не интересовались судьбой своих соотечественников, оставшихся на территории России. Следовательно, в постсоветских странах процесс формирования национальных диаспор носил хаотичный характер, что препятствовало консолидации с целью интеграции в новую среду, основанную на функционирующей нормативно-правовой базе, и отстаивания своих интересов.

Современная диаспоральная политика России охватывает несколько важнейших направлений, каждое из которых вносит значительный вклад в сохранение связей с соотечественниками, проживающими за рубежом. Среди этих направлений можно выделить:

- политику репатриации, т.е. переселение на историческую Родину. Этот аспект политики направлен на возвращение россиян и их потомков, покинувших страну в разные исторические периоды, что способствует восстановлению демографического баланса и укреплению культурных связей;
- политику патернализма, предполагающей защиту прав соотечественников и оказание им материальной поддержки. Россия активно

²⁸⁴ После распада СССР демографические потери России составили 25 млн человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/26/902685-demograficheskie-poteri-rossii> (дата обращения: 08.02.2025).

работает над обеспечением прав своих граждан за границей, предлагая юридическую помощь, содействие в трудоустройстве и доступ к социальным услугам;

– политику прагматизма, т.е. использование всех возможностей диаспоры. Россия рассматривает диаспору как важный ресурс для развития экономики и международных отношений, вовлечения соотечественников в бизнес-проекты, культурные обмены и образовательные инициативы.

Эффективная реализация политики в отношении диаспоры требует существенной политической и финансовой поддержки. Она предполагает комплекс мер, направленных на поддержание связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, укрепление их культурной и языковой идентичности, а также использование потенциала диаспоры для продвижения интересов России на международной арене. Эта политика эволюционировала с течением времени, адаптируясь к меняющимся геополитическим реалиям и потребностям самих соотечественников.

Политика России в отношении диаспоры не лишена противоречий и вызовов. Во многих странах к деятельности российских организаций, поддерживающих соотечественников, относятся с подозрением и расценивают как вмешательство во внутренние дела. Кроме того, среди самих соотечественников существуют разногласия относительно их идентичности и роли в отношениях с Россией.

В вопросе заботы о своих соотечественниках необходимо исходить из того, что они, проживая вне исторической родины, способствуют сохранению и распространению языка, традиций и культуры своего народа, тем самым налаживая каналы взаимодействия и устойчивых связей с обществом и властями страны проживания. Благодаря диаспоре Россия может поддерживать единое информационное пространство, которое позволяет ей обмениваться информацией о социальных и политических событиях в России и продвигать свои взгляды.

Работа с диаспорой должна включать в себя содействие в защите

политических, правовых, экономических и социально-культурных прав русскоязычного населения в рамках законодательства страны проживания. Кроме того, основное внимание в работе с диаспорой должно быть сосредоточено на оказании содействия в развитии экономической деятельности, в том числе путем создания межгосударственных предприятий, где могли бы работать ее представители.

Во многих странах бывшего Советского Союза русская диаспора не достигла значительного политического влияния из-за отсутствия единства и эффективности в своих усилиях, а также из-за барьеров, воздвигнутых местными властями для предотвращения установления прочных горизонтальных связей. В результате политические цели этих сообществ часто остаются незамеченными.

При формулировании внешней политики России крайне важно учитывать значение и влияние этих диаспорских организаций и то, как они могут помочь в достижении ее целей. На сегодняшний день русская диаспора еще не достигла значительного политического и экономического влияния, и ее представители, за исключением нескольких случаев, не занимают ключевых постов в соседних странах. Несмотря на это, она обладает значительным потенциалом с точки зрения духовных и культурных ценностей, сохранения своего образа жизни и может служить средством продвижения российского влияния среди населения страны их проживания. Более того, диаспора представляет собой силу, потенциал которой позволяет рассматривать ее как ресурс, способный влиять на политику властей по отстаиванию российских интересов в регионе.

Важно понимать, что этот потенциал не реализуется автоматически. Это требует целенаправленных усилий по консолидации, организации и координации действий. Необходимо разработать четкую стратегию, направленную на поддержку и развитие русской культуры, языка и образования за рубежом. Финансирование культурных центров, школ с преподаванием на русском языке, организация фестивалей и конференций – все это способствует укреплению связей между диаспорой и исторической родиной.

Кроме того, необходимо активно вовлекать представителей диаспоры в общественно-политическую жизнь стран их проживания. Поддержка тех, кто стремится участвовать в выборах, работать в органах местного самоуправления и проявлять активность в общественных организациях, позволит диаспоре стать более заметной и влиятельной силой. Важно создавать платформы для диалога и сотрудничества между диаспорой и местными властями, демонстрируя готовность к конструктивному взаимодействию и участию в решении общих проблем.

Важнейшим компонентом этого процесса должны стать информационные ресурсы. Поддержка русскоязычных СМИ, развитие онлайн-платформ и социальных сетей, а также создание контента, направленного на сохранение и популяризацию русской культуры и языка, помогут сформировать положительный имидж России и русской диаспоры за рубежом. Важно активно противодействовать негативной пропаганде и распространению фейковых новостей, предоставляя объективную информацию о России и ее политике.

Успешная реализация потенциала русской диаспоры зависит от согласованных усилий, как диаспоры, так и российского государства. Четкое понимание целей, разработка эффективных стратегий и координация действий сделают диаспору мощным инструментом культурного влияния и защиты российских интересов за рубежом.

Увеличение или уменьшение численности диаспор зависит от миграционных процессов, которые обычно носят постоянный характер. Сегодня в силу ряда причин, «Начиная с 2022 г. число россиян, уехавших в Казахстан, стремительно росло, хотя статистические данные по этим показателям нестабильны. Новая волна миграции связана не столько с экономическим, сколько с политическим фактором. Соответственно, говорить о "мягкой силе" российского государства в этом случае не представляется возможным, поскольку значительная часть мигрантов из России скорее несут негативный имидж государства, а приток значительного количества представителей моноэтнической группы вызывает традиционное для таких

случаев негативное отношение части населения принимающей страны. Тем не менее, общность языка и, в целом, разделяемых ценностей позволили части россиян адаптироваться в Казахстане и даже создать филиалы культурных институций, что также можно рассматривать как вариант "мягкой силы", предполагая, что она не государствоцентрична»²⁸⁵.

Важно признать, что культурные инициативы, предпринимаемые Россией в Казахстане, как официальными организациями, так и частными лицами, а также миграционные потоки между двумя странами затрудняют оценку степени влияния России на Казахстан и наоборот, что является методологической проблемой при изучении данной темы. На сегодняшний день не проводилось комплексных качественных социологических опросов или исследований по этим вопросам, которые позволили бы отслеживать эволюцию российской «мягкой силы» в казахстанском обществе с учетом вышеупомянутых факторов.

Односторонний взгляд на общее культурное и историческое наследие России и Казахстана препятствует полному использованию потенциала «мягкой силы». Признавая точки соприкосновения между двумя странами, крайне важно уважать независимость друг друга. К сожалению, в политическом дискурсе России сохраняется тенденция воспринимать Казахстан как подчиненный России регион, где российские интересы должны быть приоритетными, даже в ущерб национальным интересам Казахстана. Необходимо осознавать, что такое отношение к суверенному государству создает угрозу эффективному использованию ресурсов «мягкой силы».

В этом контексте особого внимания требуют слова К. Затулина, депутата Государственной Думы, первого заместителя председателя комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, который в своей речи, обращенной к Казахстану, заявил: «если нет дружбы», «то возможно все, как в случае с Украиной» в ответ за слова К.-Ж. Токаева о непризнании ДНР и

²⁸⁵ Алещенко П. С., Керимов А. А. «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 37-38.

ЛНР, за что последовала реакция Казахстана о нежелательности посещения депутатом российского парламента Казахстана²⁸⁶. В аналогичном ключе тележурналист Т. Кеосаян раскритиковал казахов за отсутствие благодарности, заявив, что «игры в дружбу кончились» и призвал казахов «взглянуть на Украину»²⁸⁷.

Большим потенциалом для реализации стратегии «мягкой силы» обладает такое направление как приграничное сотрудничество. Развитие этого направления между Россией и Казахстаном способно привести к укреплению взаимопонимания и доверия между народами, формированию позитивного имиджа России в приграничных регионах Казахстана, а также созданию благоприятных условий для развития экономических и культурных связей.

Российско-казахстанское приграничное сотрудничество осуществляется в конкретных формах. Важнейшим элементом приграничного сотрудничества является развитие инфраструктуры, включая транспортные коридоры, логистические узлы и пограничные пункты пропуска. Это не только упрощает торговлю и облегчает передвижение людей, но и стимулирует инвестиции и создает возможности для трудоустройства в приграничных регионах. «Успешно зарекомендовали себя ежегодные форумы, в которых принимают обязательное участие главы государств-партнеров, регулярно работает подкомиссия по межрегиональным и приграничным процессам взаимодействия Межправительственной комиссии по сотрудничеству России с Республикой Казахстан, заключаются договоры о взаимном сотрудничестве этих стран, документально оформляются договоренности об условиях сотрудничества регионов, договоры субъектов хозяйствования»²⁸⁸.

Для успешной реализации стратегии «мягкой силы» посредством приграничного сотрудничества крайне важно учитывать интересы и требования

²⁸⁶ Казахстан не захотел пускать критиковавшего страну депутата Думы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/646a52619a794791d2f1ed90> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁸⁷ Тигран Кеосаян выдал гневную тираду в адрес Казахстана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/35765> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁸⁸ Питраков В. Ю. Межрегиональные и приграничные политические процессы: опыт сотрудничества Омской области с Республикой Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2 (60). С. 131.

обеих сторон и работать над разработкой взаимовыгодных проектов и инициатив. Только тогда приграничное сотрудничество станет мощным инструментом укрепления двусторонних отношений и формирования позитивного восприятия России в Казахстане.

Важнейшим инструментом «мягкой силы» является публичная дипломатия, которая включает в себя «ряд методов и инструментов, используемых во внешней политике как государственными, так и негосударственными субъектами в рамках политических институтов, с целью реализации всеобъемлющей дипломатической стратегии, которая оказывает влияние на население зарубежной страны, тем самым оказывая влияние на его политические процессы и процесс принятия решений»²⁸⁹.

Публичная дипломатия, направленная на улучшение коммуникации между гражданами и иностранными партнерами посредством активного международного сотрудничества, развития информационных инициатив и содействия культурному обмену, не заменяет существующие форматы международного сотрудничества. Скорее, она служит эффективным инструментом реализации дополнительных возможностей для достижения желаемых политических целей.

Для реализации своей стратегии «мягкой силы» Россия должна уделять приоритетное внимание потенциалу публичной дипломатии, которая может внести значительный вклад в формирование благоприятного имиджа страны в Казахстане и повлиять на общественное мнение в республике. Изучение этого аспекта внешней политики России показывает, что она не в полной мере использует данное направление взаимодействия с сообществами и общественными институтами коренного населения Казахстана, которые не считаются соотечественниками и не обладают полномочиями для сотрудничества с российскими официальными структурами. Однако важно признать, что эти сообщества обладают значительным влиянием среди

²⁸⁹ Смирнов Н. А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. ФГБУН Институт философии Российской академии наук], 2017. С. 3

местного населения, что делает необходимость такого взаимодействия решающей для создания дополнительного канала для доведения позиции страны до широкой общественности. Чтобы реализовать этот проект необходимо создать совершенно новые общественные организации, как внутри страны, так и за рубежом. Эти организации не должны быть связаны с такими официальными структурами, как Россотрудничество, «Русский мир» или другими официальными каналами российской «мягкой силы». Более того, для работы с местными сообществами, даже если они негативно относятся к России из-за опасений по поводу своей автономии, потребуются люди, которые жили в этих сообществах и поддерживали с ними контакты.

«Расширение академического сотрудничества за рамки установленных образовательных квот имеет решающее значение для содействия успешной публичной дипломатии. Важно, чтобы в этом сотрудничестве участвовали представители принимающей страны. Такой подход позволит отбирать ученых, которые не подвержены влиянию своих правительств, что позволит им проводить исследования как внутри страны, так и за рубежом. Это позволит России развивать национальную научную элиту и работать с теми специалистами, в которых она заинтересована»²⁹⁰.

Для развития публичной дипломатии особое значение имеет организация молодежных обменов и системы взаимодействия на постоянной основе. Инициативы, направленные на поддержку постсоветской молодежи, такие как стипендии, стажировки, конкурсы и фестивали, будут способствовать укреплению положительного имиджа России и осознанию важности изучения русского языка.

Кроме того, необходимо активно использовать каналы взаимодействия местными администрациями и общинами из сельской местности. Такой формат коммуникации, как показывает мировая практика, позволяет оперативно донести нужную информацию до адресата, что является важным условием для

²⁹⁰ Ушурелу О. В. Российская «мягкая сила» в Молдавии: особенности и эффективность измерения: дисс ... канд. полит. наук: 23.00.02. ФГБУН Институт философии РАН, 2020. С. 78.

формирования положительного образа актора и его идей.

В марте 2023 г. Россия приняла новую концепцию внешней политики, в которой подчеркивается, что Россия уделяет особое внимание гуманитарному сотрудничеству с остальным миром и его различными регионами, особенно с теми, на которые она исторически оказывала влияние²⁹¹. В концепции подчеркивается значение русского языка, культуры и истории как важнейших аспектов идентичности России как государства-цивилизации с тысячелетней историей.

В данном документе прослеживается мысль о том, что эти особенности присущи не только русскому народу, но и другим сообществам, которые формируют культурную и цивилизационную идентичность, известную как «русский мир». Это наглядно демонстрирует, как государственная политика должна использовать концепцию «мягкой силы» для сохранения и расширения сфер влияния.

Насколько успешно российская "мягкая сила" реализуется в Казахстане, можно проследить по результатам социологического исследования, проведенного в 2021 г. М. Савельевой и З. Утенковой, целью которого было выяснить отношение казахстанцев к России. Согласно исследованию, для большинства респондентов Россия ассоциируется с такими понятиями, как «братский народ», «старый друг» и «близкий сосед». Она также ассоциируется с понятием «великая держава», которое отражает восприятие России как могущественной страны. Кроме того, по мнению опрошенных, сильными качествами России являются наличие сильной армии, огромных природных ресурсов, богатая культура и история²⁹².

Восприятие России в Казахстане в целом позитивное. Казахстанцы считают ее «стратегически надежным партнером», «дружественным соседом» и «надежным другом на всю жизнь». Согласно опросу, отношение большинства

²⁹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁹² Савельева М., Утенкова З. Особенности взаимного восприятия России и Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. Т. 2. № 67. С. 62.

казахстанских респондентов к России не изменилось после присоединения Крыма. Лишь небольшой процент, 5%, высказали негативное мнение, которое они охарактеризовали как агрессивное вмешательство во внутренние дела Украины. В целом, антизападная стратегия Кремля находит хороший отклик в стране, где люди с готовностью воспринимают российское мировоззрение, основанное на традиционных ценностях, консерватизме и признании мультикультурализма²⁹³.

В мае 2023 г. Агентство по мониторингу общественного мнения DEMOSCOPE совместно с исследовательским центром PaperLab провели очередной опрос среди граждан на тему восприятия казахстанцами специальной военной операции России на Украине²⁹⁴. Целью опроса было последить динамику изменения отношения респондентов к России на фоне военных действий на территории Украины.

Как показали итоги опроса, эти события не оказали влияния на 51,5% опрошенных для изменения своего отношения к России. У трети респондентов (32,6%) восприятие России приобрело негативных оттенков. Часть опрошенных (4,7%) заявила об улучшении восприятия России с началом военной операции²⁹⁵.

Значительный интерес представляют результаты исследования, посвященного вопросу о том, может ли Россия предпринимать военные действия против Казахстана. Результаты опроса показали, что «15% казахстанцев верят в такую возможность; этот показатель в два раза больше, чем в ноябре 2022 г. В то же время 23,3% респондентов допускают подобный сценарий, но при определенных обстоятельствах. Согласно предыдущему опросу (2022 г.), так считали 19%, а 61,8%, напротив, считали такой прогноз невозможным. В 2022 г. этот показатель составлял 72,7%»²⁹⁶.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Опрос: Треть казахстанцев стала хуже относиться к России после начала войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://demos.kz/opros-tret-kazahstancsev-stala-huzhe-otnositsja-k-rossii-posle-nachala-vojny/> (дата обращения: 08.02.2025).

²⁹⁵ Савельева М., Утенкова З. Особенности взаимного восприятия России и Казахстана. С. 62.

²⁹⁶ Савельева М., Утенкова З. Особенности взаимного восприятия России и Казахстана. С. 62.

Таким образом, можно сделать вывод, что позиции России в Казахстане на сегодняшний день достаточно прочны. Консолидирующим фактором является общая история, историческая память, культура и связи между народами, которые остаются важным ресурсом, связывающим Россию и Казахстан. Народная дипломатия остается сильной, основанной на наличии родственных, дружеских и профессиональных отношений между гражданами России и Казахстана. Все это способствует укреплению межгосударственных отношений и распространению взаимного влияния друг на друга, что в дальнейшем будет являться основой для продвижения и распространения русского языка, культуры, образования и т.д. среди казахстанцев.

Анализ текущего состояния российской «мягкой силы» в Казахстане показывает, что Россия не в полной мере использует свой потенциал из-за отсутствия стратегических планов и слабых институтов для их реализации. Российскому правительству следует уделять приоритетное внимание расширению культурных связей, активизировать усилия по сохранению русского языка, предоставлять широкие возможности для обучения казахстанских студентов в российских вузах и предлагать привлекательные, взаимовыгодные экономические проекты. Как показывает практика, Россия располагает всеми необходимыми условиями для реализации этих инициатив, которые должны быть актуализированы, интенсифицированы и модернизированы.

Уход из этого региона, особенно из Казахстана, может привести к снижению влияния России. В постсоветскую эпоху эти регионы стали весьма привлекательными, особенно для США, КНР, ЕС и Турции, которые используют различные подходы, включая «мягкую силу», для повышения своей репутации и создания прочной основы для своего присутствия в регионе, что может иметь далеко идущие геополитические, экономические и социокультурные последствия.

Заключение

На современном этапе, в контексте сложившейся геополитической напряженности, «мягкая сила» как стратегия распространения своего влияния для России приобретает особое значение, поскольку она позволяет стране поддерживать диалог на международной арене и способствовать взаимопониманию между народами, несмотря на существующие политические разногласия. Этот подход направлен на укрепление доверия и сотрудничества с другими странами и регионами посредством культурных обменов, образовательных программ и научных исследований, а также на продвижение ценностей и интересов России во всем мире. Эти усилия способствуют формированию позитивного имиджа России и укреплению ее авторитета как значимого субъекта на международной арене.

Однако, как отмечает бывший руководитель Россотрудничества К. И. Косачев, «в своем потенциале "мягкой силы" Россия на данный момент, очевидно, уступает своим партнерам и геополитическим соперникам»²⁹⁷. Причину этой слабости он видит в недостаточном внимании к проблеме со стороны государства, которое «достигнув известных нам высот в сфере традиционной дипломатии, пока не очень-то занимается борьбой за умы и души — в данном случае, обеспечением общественной поддержки внешнеполитическим шагам»²⁹⁸.

²⁹⁷ Косачев К. И. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 4 (107). С.12.

²⁹⁸ Косачев К. И. Кто навязывает России комплекс международной неполноценности? // Совет по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svop.ru> (дата обращения 08.02.2025).

Трудно не согласиться с К. И. Косачевым во мнении о том, что российская дипломатия основана на предположении, что «если мы правы по сути, то рано или поздно весь мир согласится с этим». Следовательно, «российское правительство пренебрегало развитием "мягкой силы" в течение значительного периода времени, что потребует «многих лет для исправления несправедливого восприятия России»²⁹⁹.

Безусловно, российская «мягкая сила» сегодня в большей степени ориентирована на диалог не с обществом и институтами гражданского общества за рубежом, а с официальными структурами этих стран. Результаты такой политики не могут выглядеть удовлетворительными, если смотреть на отношения России со странами постсоветского пространства. Даже если удастся подчинить руководство этих государств своему политическому влиянию, то вопрос обеспечения дружественного отношения граждан и обществ этих стран к России остается открытым. Грузию, Украину, возможно, Армению и Азербайджан можно считать потерянными для России, по крайней мере, на обозримое будущее. Если стратегия российской стороны по применению «мягкой силы» останется неизменной, ее суть и оперативные планы останутся неизменными, Россия может столкнуться с трудностями в Центральной Азии, особенно в Казахстане.

Сегодня у России есть все необходимые условия для сохранения своего влияния в Казахстане. Среди этих факторов необходимо выделить географическое соседство, обусловленное протяженностью границы между двумя государствами, что позволяет активизировать все виды социально-экономического и культурного взаимодействия. Следует также отметить такой фактор, как экономические связи, которые даже после распада единого советского экономического пространства не утратили своей актуальности и потенциала, а наоборот, получают дополнительные возможности в силу

²⁹⁹ «В кризис в разы повысилась посещаемость курсов балета», - Константин Косачев, руководитель Россотрудничества // Ведомости 13.03.2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/13/v-krizis-v-razy-povysilas-poseschaemost-kursov-baleta> (дата обращения: 08.02.2025).

специфических международных отношений, позволяющих России развивать отношения в этом направлении.

Необходимо выделить такой важный фактор, как наличие этнокультурных связей, основанных на сходстве этнического состава и общей культуре России и Казахстана, а также тесных родственных, дружеских, научных и образовательных контактах между гражданами обеих стран. Укреплению этих связей способствует общее языковое и медийное пространство, позволяющее казахстанской аудитории через СМИ и социальные сети больше узнавать о происходящих событиях в России, знакомиться с достижениями российской науки и культуры.

Важную роль играют существующие межгосударственные связи и региональные интеграционные объединения. Эти практики дают импульс для развития экономического взаимодействия, осуществления инвестиций в важные отрасли экономики и взаимной трудовой миграции. Активизация этих процессов требует гармонизации нормативно-правовой базы, установления единых стандартов в сфере труда и социального обеспечения, а также разработки механизмов взаимного признания квалификаций. Этот процесс требует от стран-участниц гибкости и готовности к компромиссу, однако он также открывает множество перспектив для экономического роста и социального прогресса.

Важным фактором для укрепления российско-казахстанских отношений выступает сотрудничество в военной сфере. Хотя этот фактор нельзя напрямую отнести к возможностям «мягкой силы», тем не менее, следует отметить, что военное присутствие России в Казахстане является сдерживающим фактором для широкого распространения влияния в стране других государств, стремящихся укрепить свои позиции в республике.

Кроме того, важно подчеркнуть сходство политических систем России и Казахстана, политической риторики лидеров двух стран и совпадение интересов и взглядов политической элиты обоих государств. Это сходство, основанное на общем историческом прошлом и геополитическом контексте,

обеспечивает прочную основу для углубления интеграции и согласования усилий на международной арене. Политические системы обеих стран, хотя и претерпели изменения после распада Советского Союза, по-прежнему характеризуются усилением авторитарных тенденций, сильной исполнительной властью и преобладанием одной партии, что способствует стабильности и предсказуемости процессов принятия решений.

Как показывает практика последних лет, в политическом дискурсе лидеров России и Казахстана часто делается акцент на традиционных ценностях, национальной гордости и концепции сильного государства, что находит отклик у значительной части населения. Это способствует созданию атмосферы доверия и взаимопонимания между двумя странами, а также укрепляет позиции правящих элит.

Общие интересы политической элиты, которые включают в себя сохранение власти, экономического влияния и геополитической стабильности в регионе, также служат мощным стимулом для сотрудничества. Это особенно заметно в скоординированных усилиях по борьбе с экстремизмом и терроризмом, защите национальных интересов в рамках международных организаций и реализации совместных экономических проектов. Все эти факторы в совокупности создают прочную основу для дальнейшего развития российско-казахстанских отношений.

Крайне важно отметить, что варианты и перспективы сотрудничества с Россией активно обсуждаются в казахстанском экспертном сообществе и среди политической элиты. Так, по инициативе редакции интернет-газеты Central Asia Monitor в мае 2018 г. был проведен опрос среди экспертов из Казахстана с целью определения последствий возможного отдаления России и Казахстана друг от друга, вплоть до прекращения союзнических отношений³⁰⁰.

Согласно результатам опроса, все эксперты считают такой поворот событий катастрофическим для Казахстана. Некоторые эксперты акцентируют

³⁰⁰ Central Asia Monitor: Если завтра Казахстан и Россия вдруг перестанут быть союзниками [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://camonitor.kz/31063-esli-zavtra-kazahstan-i-rossiya-vdrug-perestanut-byt-soyuznikami.html> (дата обращения: 08.02.2025).

внимание на социально-экономических последствиях, которые негативно скажутся на развитии ряда отраслей промышленности Казахстана, уровне жизни населения приграничных территорий, которое живет в основном за счет трансграничной торговли на взаимной основе, резком сокращении числа студентов из Казахстана в российских вузах, которые обучаются за счет принимающей стороны. Также считается, что в целом пострадает социальная сфера, поскольку государство будет вынуждено перенаправлять средства в оборонный сектор.

Другая группа экспертов считает, что неизбежным следствием отдаления стран друг от друга станет изменение внешнеполитического вектора Казахстана с возможным выходом из всех региональных объединений экономического и военного характера, что неизбежно приведет к оттоку русскоязычного населения, что может вызвать эскалацию межгосударственных конфликтов вплоть до самых худших сценариев. Охлаждение отношений приведет к усилению позиций Китая в республике, что приведет Казахстан к зависимому от него положению³⁰¹.

По мнению специалистов, возможности для развития отношений между Россией и Казахстаном используются далеко не в полной мере, и все еще существует потенциал для их расширения³⁰². На данном этапе существуют проблемы, которые препятствуют развитию этих отношений. Среди этих проблем можно выделить низкую эффективность реализации межгосударственных соглашений, вызванную, в том числе, существующей практикой коррупции и лоббирования финансово-промышленных групп с обеих сторон; стремление к изоляции собственного рынка и конкуренция на рынки сырья; слабые коммуникации между странами, где контакты во многом сводятся к межличностным отношениям между руководителями стран; слабая

³⁰¹ Central Asia Monitor: Если завтра Казахстан и Россия вдруг перестанут быть союзниками... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://camonitor.kz/31063-esli-zavtra-kazahstan-i-rossiya-vdrug-perestanut-byt-soyuznikami.html> (дата обращения: 08.02.2025).

³⁰² Положихина М. А. Российско-казахстанские экономические отношения (обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал 2019. № 2. С. 236.

погруженность в дела соседа, неспособность поддерживать определенные интеграционные форматы; несопоставимость возможностей России и Казахстана, следовательно, допущение снисходительного и некорректного поведения по отношению к Казахстану как к младшему партнеру и т.д. Следовательно, эти и другие проблемы не позволяют видеть ниши для сотрудничества. В то же время считаем, что в перспективе сотрудничество между Россией и Казахстаном будет усложняться за счет появления новых форм и новых субъектов социально-экономической и культурной деятельности в регионе.

Для достижения своих целей Россия, в рамках своего подхода «мягкой силы», «должна придерживаться руководящего принципа Римского клуба: "Думай глобально, действуй локально". Она должна реализовывать свою глобальную стратегию влияния посредством целенаправленной работы с конкретной аудиторией»³⁰³. Это означает, что при реализации стратегии «мягкой силы» нельзя действовать стандартизированным образом, поскольку каждый регион и нация имеют свои уникальные особенности, которые требуют индивидуального подхода.

В заключение отметим, что отношения между Россией и Казахстаном имеют стратегическое значение и являются наиболее развитыми среди всех стран СНГ, за исключением Беларуси, с которой у России имеется договор о Союзном государстве. Россия и Казахстан поддерживают прочные партнерские отношения, отличающиеся глубоким уровнем политического взаимодействия и широким экономическим сотрудничеством. Эти отношения играют важную роль в обеспечении региональной безопасности и стабильности. Сотрудничество с Казахстаном на современном этапе также характеризуется высокой степенью интеграции и координации действий.

Существуют проблемы с информационной осведомленностью граждан обеих стран о характере и значении отношений между двумя государствами, а

³⁰³ Косачев К. И. Не рыбу, а удочку В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-rybu-a-udochku/> (дата обращения 08.02.2025).

также об успехах, достигнутых в двусторонних отношениях. Текущее положение дел в этих странах не в полной мере отражается в средствах массовой информации и, в первую очередь, является прерогативой экспертов, которые в силу специфики своей деятельности не могут донести соответствующую информацию до широкой общественности.

Несомненно, существуют широкие перспективы и значительный потенциал для более тесного сотрудничества между двумя странами, укрепления и сохранения благоприятного имиджа России в глазах казахстанского населения. Эти перспективы включают развитие инфраструктуры, рост торговли, расширение культурного обмена и укрепление научно-технического сотрудничества. Важнейшим аспектом является строительство международных транспортных коридоров, таких как проект автомагистрали «Западная Европа – Западный Китай», который может существенно повысить уровень взаимосвязанности между регионами и способствовать экономическому росту в обеих странах.

Все эти предпосылки и факторы подтверждают мысль о том, что российско-казахстанские отношения являются важнейшим аспектом глобальной геополитики и экономики, обладающим значительным потенциалом для дальнейшего расширения и углубления взаимовыгодного сотрудничества, которые могут быть реализованы, в том числе с помощью «мягкой силы».

Дальнейшие перспективные направления исследования по данной теме могут включать анализ культурных и образовательных инициатив, таких как изучение программ обмена, культурных мероприятий и образовательных инициатив, которые способствуют укреплению связей между Россией и Казахстаном. Представляется интересным анализ влияния СМИ и информационных технологий, изучение роли российских СМИ и цифровых платформ в формировании общественного мнения и восприятия России в Казахстане. Кроме того, предметом исследования может стать глубокий анализ экономических связей, инвестиций и совместных проектов, которые

могут способствовать укреплению позиций России в Казахстане. Перспективным представляется сравнительный анализ подходов России к использованию «мягкой силы» с подходами других стран, таких как Китай или Соединенные Штаты, с целью выявления отличительных особенностей и эффективных практик. Кроме того, анализ изменений в политической и социальной среде Казахстана, которые потенциально могут повлиять на стратегию «мягкой силы» России, может стать предметом научного исследования.

На наш взгляд, анализ темы в вышеуказанных областях может способствовать более глубокому пониманию механизмов и эффективности реализации стратегии российской «мягкой силы» в Казахстане.

Список использованных источников и литературы

1. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб.: СПбГУ, 2016. 279 с.
2. Агеева В. Д. Российская Мягкая Сила: между «Русским миром» и Евразией // Наука Красноярья. 2016. № 1(24). С. 8-24.
3. Адильбекова К. Дилемма этноцентризма и гражданской идентичности: воспитание будущего поколения Казахстана через телеканал «Балапан». Алматы, 2018. 33 с.
4. Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 231-236.
5. Алещенко П. С., Керимов А. А. «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 35-40.
6. Ардаев В. Великое переселение: как миллионы советских людей вдруг стали иностранцами. РИА-Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20161208/1483079330.html>
7. Бактиярова А. Ж., Баудиярова Э. Н. Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12 . № 4. С. 65-70.
8. Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе

евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2021. № 4(5). С. 400-408.

9. Березняков Д. В. Евразийский интеграционный проект сквозь призму концепции «мягкой силы» // Вторая международная конференция «Soft Power: теория, ресурсы, дискурс». Екатеринбург, 2017. С. 87-94.

10. Благодатских В. Г., Керимов А. А. Междунациональные отношения в современной России: проблемы и пути решения // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 40-47.

11. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. 311 с.

12. Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР / Госкомстат. М.: Финансы и статистика, 1990. 49 с.

13. Борисова Е. Г. Мягкая сила – современный инструментарий власти (предисловие составителя) // Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Борисовой. М.: ФЛИНТА, Наука, 2015. 232 с.

14. Бояркина А. В. Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 79-97.

15. Бояркина А. В. Россия в новой геополитической и геоэкономической реальности между Вашингтоном и Пекином // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8(77). С. 2290-2299.

16. Бояркина А. В., Рубан Л. С. Российская традиция представлений о единстве мира и «единой судьбе» народов // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 3. С. 56-67.

17. Брусиловский Д. А., Есипов И. И. Специфика воздействия «мягкой силы» Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48). С. 1779-1798.

18. Будаев А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С.189-205.

19. Булуктаев Ю. О. Национализирующийся тип национализма: специфические вызовы государственного строительства Республики Казахстан // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 38-44.
20. Бурков В. Г., Мещеряков К. Е., Шамгунов Р. Г. Содружество Независимых Государств как средство «цивилизованного развода»: к вопросам о распаде СССР и создании СНГ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика». 2016. № 1. С. 93-100.
21. Бюро статистики Казахстана отчиталось о сокращении доли русских в стране // РБК. 01.09.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: (<https://www.rbc.ru/society/01/09/2022/6310a2d59a794744f292f6bd>)
22. Василенко И. А. Евразийская идея как фактор формирования имиджа современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Выпуск № 6 (44). Т. 8. С. 84-90.
23. Вдовина Н., Никитина С. Русский язык в системе образования Республики Казахстан // Альманах «Этнодиалоги». М.: Автономная некоммерческая организация Центр содействия межнациональному образованию «Этносфера». 2017. № 1 (52). С. 58–62.
24. Великая А. А. Формирование образа России за рубежом как элемент "мягкой силы" // Право и управление. XXI век. 2013. № 3 (28). С. 87-92.
25. Верхотуров Д. Евразийство Н. Назарбаева // Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева / Сост.: А. Н. Нысанбаев, В. Ю. Дунаев. Алматы: 2010. С. 272-277.
26. Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2014. № 2. С. 66-74.
27. Волох О. В., Питраков В. Ю. Совершенствование межрегионального и приграничного сотрудничества Омской области и Республики Казахстан // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20). С. 153–159.

28. ВЦИОМ: 2010 – Русский язык в странах постсоветского пространства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru>

29. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ. Акорда: Официальный сайт Президента Республики Казахстан (10 января 2022) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-kemelevicha-na-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-1002245>

30. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

31. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совещании руководителей представительств и представителей Россотрудничества за рубежом, Москва, 9 июля 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/678197/pop_up

32. Гизатуллина Г. А. Цивилизационные императивы казахстанской государственной идентичности // История и современность. 2015. № 2(22). С. 119-131.

33. Глазунов О. Современные революционные технологии. Стратегия, технология и тактика «цветных» революций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/156923/readpart-sovremennyye-revoljutsionnye-tehnologii-strategiya-tehnologiya-i-taktika-tsvetnyh-revoljutsij-oleg-glazunov>

34. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. 559 с.

35. Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 69-80.

36. Джанталеева М. Ш. Народная дипломатия России и Казахстана как инструмент формирования межгосударственного взаимодействия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 104-108.

37. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией (Москва, 25 мая 1992 г., с изменениями и дополнениями от 07.06.2012 г.) [Электронный ресурс] // Информационная система «ПАРАГРАФ». Режим доступа: <https://online.zakon.kz/Document/>

38. Договор о коллективной безопасности. Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded

39. Должиков В. А., Протасов А. В. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 37. С. 22–25.

40. Дугин А. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ «Евразия», 2004. 288 с.

41. Дымова Л. Преждевременная эпитафия американской гегемонии // Международные процессы. 2015. Т.13. № 3. С. 151-154.

42. Егоров В. Г., Савина О. В. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества // Обозреватель–Observer. 2012. № 12. С. 42-51.

43. Енгоян А. Сущность «мягкой силы» России в странах СНГ // Bulletin of Yerevan University. Vol. 6. International Relations. Political Science. 2024. Т. 15. № 1 (43). С. 29-41.

44. Ермаков Ю. А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119. № 4. С. 215-225.

45. Захарьев Я. О., Шарипов У. З. Казахстанская осень 2022: особенности мягкой силы Астаны на новом этапе формирования многополярного мира // Экономика Центральной Азии. 2022. Т. 6. № 4. С. 299-308.
46. Звягина Д. А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135–137.
47. Иванов В. Г. Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешне-политического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 101-104.
48. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / под ред. И. А. Василенко. М.: Экономика, 2014. 247 с.
49. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с.
50. Интервью с У. Оллинсом. Лондонский папа. Разговор с человеком, который превращает в брэнды все, к чему ни прикоснется: товары, фирмы, государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sostav.ru/articles/2004/01/27/mark270104-2/>
51. Интерфакс: АЭС в Казахстане планируется построить с помощью международного пула инвесторов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/862287>
52. Исаев А. В., Матвиенко В. А. особенности применения «мягкой силы» в контексте реализации образовательного вектора внешнеполитической деятельности России и США (на примере образовательной политики) // PolitBook. 2020. № 2. С. 159-178.
53. Истомина О. Б., Чиглинцев Я. Д. Социально-философские основания концепта «мягкая сила» в современной политической системе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2025. Вып. 1. С. 24-30.

54. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: stat.gov.kz

55. Кабазиев М. Ш. Политическая идентичность в контексте политики идентичности в современном Казахстане: особенности, проблемы, тенденции: дисс ... канд. полит. наук: 5.5.2. Екатеринбург, 2023. 187 с.

56. Казанцев А. А., Орлов А. А., Синегубов А. Л., Чернявский С. И. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности ее использования в Центральной Азии // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. 2014. № 1. С. 70-88.

57. Калитко И. И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 3. С. 29-36.

58. Кант И. К вечному миру. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.

59. Капицын В. М. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель 2009. № 10. С. 70-79.

60. Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 304 с.

61. Керимов А. А., Кабазиев М. Ш. Этническая составляющая политической идентичности современного Казахстана // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 4. С. 42-45.

62. Килимник Е. В. «Российско-казахстанские экономические отношения в области энергетической политики и безопасности при президенте Н. Назарбаеве» // Теория и практика мировой науки. 2022. № 8. С. 42-56.

63. Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, УрФУ, 2017. 173 с.

64. Ковба Д. М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы // Дискурс-Пи. 2014. №1. С.136-139.

65. Кондорский Б. М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019. № 3(33). С. 112-131.

66. Кондорский Б. М. Сравнительный анализ современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с позиций революционной концепции исторического развития // Ноосферные исследования. 2022. № 2. С. 75-89.

67. Кондратьев В. В., Ахметова А. Б. Влияние западных неправительственных организаций и социальных медиа на ситуацию в Республике Казахстан // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2023. № 3(2). С. 30-44.

68. Конституция Республики Казахстан. Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution

69. Концепция внешней политики Республики Казахстан 2020-2030 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepciivneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody

70. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 08.02.2025).

71. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334>

72. Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом // Официальный сайт

Федерального агентства «Россотрудничество» [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://rs.gov.ru/sites/default/files/koncepciya_prodvizheniya_rossiyskogo_obrazovaniya.pdf

73. Коряковцев С. П., Кузнецова С. О. Экспорт российского образования в механизме «мягкой силы» // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 11. С. 68-74.

74. Косачев К. И. «Мягкая сила» России – по следам актуальных дискуссий [Электронный ресурс] // Бельгийская ассоциация русскоязычных организаций. 25.01.2013. Режим доступа: <http://www.bfro.be/ru/k.kosachev.-mjagkaja-sila-rossii-po-sledam-aktual-nyh...>

75. Косачев К. И. Кто навязывает России комплекс международной неполноценности? // Совет по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svop.ru/%D0%BF%D1%80%D0%...>

76. Косачев К. И. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 4 (107). С. 11-18.

77. Косачев К. И. Не рыбу, а удочку В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-rybu-a-udochku/>

78. Косачев К. И. Украинский кризис и «мягкая сила» России [Электронный ресурс] // Портал «Балтия» 15.05.2014. Режим доступа: <http://baltija.eu/news/read/38180>

79. Ларюэль М. «Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния» // Russie. Nei. Visions. 2021 (апрель). № 122. 30 с.

80. Ларюэль М. Евразия, евразийство, Евразийский Союз: Терминологические пробелы и совпадения [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Evraziya-evraziistvo-Evraziiskii-Soyuz-Terminologicheskie-probely-i-sovpadeniya-17795>

81. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287 с.
82. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). С. 212-223.
83. Лебедева М. М., Харкевич М. В. "Мягкая сила" России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 10-13.
84. Лебедева О. В. Современные инструменты "цифровой дипломатии" как важнейший элемент "мягкой силы" // Международная жизнь. 2019. № 5. С. 102-111.
85. Леонова О. Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель—Observer. 2014. № 3. С. 18-28.
86. Леонова О. Г. Джозеф Най и "мягкая сила": попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101-114.
87. Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель—Observer. 2015. № 2. С. 80-89.
88. Леонова О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель—Observer. 2013. № 4. С. 29-32.
89. Липовецки Ж. Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 330 с.
90. Ломанов А. В. Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-nacii-17750>
91. Лукьянов Ф. Парадокс российской «мягкой силы». [Электронный ресурс] // Франко-Российский аналитический центр Обсерво. Режим доступа: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf.
92. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. 656 с.

93. Малащенко А. Интересы и шансы России в Центральной Азии // «Россия и новые государства Евразии», (ИМЭМО РАН), М., 2013 г. С. 81-97.
94. Мамедов А. В. Внешняя политика Казахстана: уточняя приоритеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 121-130.
95. Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. № 27. С. 268-283;
96. Мещеряков К. Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг. Автореферат дисс... на соискание ученой степени докт. ист. наук: 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики. Санкт-Петербург. 2014. 55 с.
97. Миронова В. Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(6). С. 15-22.
98. Млечин Л. М. Трагический январь. Президент Токаев и извлечение уроков. Астана, 2023, 368 с.
99. Мукомель В. И. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика. М.: НП «Центральный Дом адвоката»; Московское бюро по правам человека; Academia, 2014. С. 111-138.
100. Мухаметов Р. С. Культура как инструмент внешней политики России // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 1. С. 193-198.
101. Мухаметов Р. С. Культурная дипломатия КНР: институты, инструменты и проблемы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4. С. 150-157.
102. Мухаметов Р. С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 78-91.

103. Мухаметов Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2. С. 84-90.

104. Мухаметов Р.С. Императивы внешней политики России: это компонент «мягкой силы» или фактор охлаждения отношений с Западом? // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 174-179.

105. Мухаметов Р.С. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 46-57.

106. Мягкая сила. Накануне Всемирной конференции соотечественников глава МИДа С. Лавров дал эксклюзивное интервью «РГ». 30.10.2008 [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <http://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html>

107. Назарбаев Н. Стратегия независимости. Алматы: Атамұра, 2003. 312 с.

108. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10 С. 33-41.

109. Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2013. 444 с.

110. Наумов А. О. «Диалог цивилизаций» как ресурс «мягкой силы» Исламской Республики Иран // Клио. 2024. № 07 (211). С. 75-81.

111. Наумов А. О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Исламской Республики Иран на пространстве Большой Евразии // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 3. С. 115-133.

112. Наумов А. О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 100-110.

113. Наумов А. О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223-229.
114. Наумов А. О. Философско-этические учения как ресурс «мягкой силы» африканских стран // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 1. С. 48-60.
115. Наумов А. О., Демин Д.В., Яценко Е.В., Седова Е.С. Телеканал RT как актор «мягкой силы» Российской Федерации // Журнал Клио. 2025. № 3. С. 193-200.
116. Наумов А. О., Наумова А. Ю., Белоусова М. В. Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2023. № 100. С. 7-18.
117. Наумов А. О., Положевич Р.С. Проблематика «мягкой силы» в китайском научном и общественно-политическом дискурсе: история и современность // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 74-82.
118. Наумов А.О. Историческая память о Великой отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 6 (116). С. 41-45.
119. Новосёлов Д. А., Кротов А.В. Переход Казахстана на латиницу как опасность для «мягкой силы» России // Псковский регионологический журнал. 2018. № 1 (33). С. 3-9.
120. Новоселов С. В. «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 126–131.
121. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Известия. 03.11.2011. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761>
122. Нургалиева Ж. К. Казахстан: к вопросу о конфликте идентичностей // Россия и мусульманский мир. 2010. № 3. С. 78-87.
123. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepciiivneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2014-2020- gody

124. Огнева В. В., Брысякина Л. А. Сотрудничество России и Молдовы в гуманитарной сфере: поиск новой парадигмы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 2. № 3. С. 144–148.

125. Опрос: Третью казахстанцев стала хуже относиться к России после начала войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://demos.kz/opros-tret-kazahstancev-stala-huzhe-otnositsja-k-rossii-posle-nachala-vojny/>

126. Осташова Я. В. Инструменты мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77). С. 212-217.

127. Осташова Я. В. Образование как элемент политики «Мягкой силы»: современные политические реалии России и Казахстана // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37). С. 220-226.

128. Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 91-97.

129. Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14-21.

130. Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. М.: МГИМО (У) МИД России. 2013. 40 с.

131. Питраков В. Ю. Межрегиональные и приграничные политические процессы: опыт сотрудничества Омской области с Республикой Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2 (60). С. 127-131.

132. Подшибякина Т. А. Стратегические нарративы как политический ресурс Мягкой силы: «Бессмертный полк» на страже интересов России // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 3. С. 52-59.

133. Положихина М. А. Российско-казахстанские экономические отношения (обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал 2019. № 2. С. 227-237.

134. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель-Observer. 2015. № 11. С. 59-73.

135. Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. 2016. № 3. С. 9-17.

136. Попцов Д. А. «Мягкая сила» публичной дипломатии в контексте современных информационных коммуникаций // Вопросы управления. 2020. № 3 (64). С. 20-30.

137. Портников В. Евразийский союз. Независимая газета 31 марта 1994 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ng.ru/archive/index.php?

138. Прохоренко И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы – мягкой силы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 68-80.

139. Прохоренко И. Л., Харитонов Е. М. Мягкая сила бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 39-49.

140. Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание // Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО: Изд-во «Аспект пресс». 2017. 272 с.

141. Путин В. Искривленный образ России исправит «мягкая сила» [Электронный ресурс] // НТВ. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/311339/?fb#ixzz3z13OhVvO>

142. Путин В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] // Московские новости. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738>

143. Пьяных Е. П. «Мягкая сила» железных дорог // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 3 (39). С. 84-97.

144. Распоряжение Президента Российской Федерации от 02.02.2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30577>

145. РБК: Как приток россиян изменил экономику Казахстана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/26/11/2022/6380e49c9a79475d927ae9c8>

146. РИА Новости: Путин высказался о российской "мягкой силе". 21.10.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20211021/myagkaya_sila-1755687528.html

147. Российско-казахстанские торгово-экономические связи. Посольство РФ в Республике Казахстан: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kazakhstan.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/torgovo_ekonomicheskie_svyazi/

148. Россотрудничество: Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2020 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rwp.agency/agency/open-a/index-detail/doklady-o-rezultatakh-deyatelnosti-rossotrudnichestva/>

149. Русакова О. Ф. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12, № 1 (161). С. 53-67.

150. Русакова О. Ф. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

151. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 173-192.

152. Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 37-50.
153. Русакова О. Ф., Русаков В. М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 61-72.
154. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурсы и концепты «мягкого» влияния в современном гуманитарном знании // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 161-162.
155. Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Общественные науки, 2008. Вып. 6. № 61. С. 114-122.
156. Рустамова Л. Р. "Мягкая сила" во внешней политике современной Германии: автореферат дис. ... канд. полит. наук. Москва. 2017. 22 с.
157. Рустамова Л. Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 145-154.
158. Савельева М., Утенкова З. Особенности взаимного восприятия России и Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. Т. 2. № 67. С. 58-65.
159. Салин П. Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evraziiskogo-soyuza-16110>
160. Сапожков О., Галиева Д., Крючкова Е. Между санкциями и ЕАЭС. 2022. 6 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5447449>
161. Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: Изд-во: ВНИИ геосистем, 2012. 276 с.

162. Смирнов Н. А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. ФГБУН Институт философии Российской академии наук, 2017. 167 с.

163. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о транзите нефти от 06.06.2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3451>

164. Сохранение и укрепление позиций русского языка на постсоветском пространстве в контексте внешнеполитической стратегии России. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2011. 412 с.

165. Справочник Экономика Казахстана в диаграммах и цифрах, июль 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/08/spravochnik-ekonomika-kazahstana-2-kv.-2024-g.pdf>

166. Статус русского языка в Казахстане: мифы и факты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/44391-status-russkogo-iazyka-v-kazakhstane-mify-i-fakty>

167. Строительство и АПК: на какие проекты Казахстана готовы тратиться российские инвесторы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lsm.kz/neft-i-gmk-kakie-sfery-ekonomiki-interesny-rossijskim-investoram>

168. Сунь-Цзы. Трактаты о военном искусстве / [пер. с кит., предисл., коммент. Н. И. Конрада]. М. ; СПб. : АСТ : Terra Fantastica, 2003. 560 с.

169. Табаринцева-Романова К. М. «Мягкая Сила»: новые элементы в «Устойчивой» трансформации концепта // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 225-233.

170. Табаринцева-Романова К. М. Концептуализация защиты культурного наследия как инструмента «мягкой» силы // Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 4. С. 473-479.

171. Табаринцева-Романова К. М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. № 4. С. 31-46.
172. Тарасова А. А. «Мягкая сила» России в центральноазиатском регионе // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции. Грозный: Изд-во: ЧГПУ, 2020. С. 475-479.
173. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. 559 с.
174. Томберг И. Р. Москве придется привыкать к «многовекторной» дипломатии Назарбаева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newsarmenia.am/news/analytics/analytics-20070320-41661905/>
175. Томберг И. Р. Политико-дипломатическая позиция стран Центральной Азии в отношении Специальной военной операции России на Украине // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9(4). С. 437–446.
176. Томберг И. Р. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 1 (35). С. 91-104.
177. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 4 (25). С. 85-92.
178. Трокаль Т. В. Основные аспекты современного политико-экономического сотрудничества между Россией и Казахстаном // Постсоветские исследования. 2019. Т.2. № 3. С. 1078-1084.
179. Трубецкой Н. С. Мы и другие // В сб. «Евразийский временник, книга IV» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns01.htm>
180. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Переверзева О. В. «Мягкая сила» как социокультурный ресурс политического противостояния Эдинбурга и Лондона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 4 (845). С. 118-130.

181. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/47325>

182. Уолферс А. Противоборство и сотрудничество: очерки международной политики // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 338-348.

183. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded

184. Ушакова А. П. Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 22-34.

185. Ушурелу О. В. Российская «мягкая сила» в Молдавии: особенности и эффективность измерения: дисс ... канд. полит. наук: 23.00.02. ФГБУН Институт философии Российской академии наук, 2020. 219 с.

186. Филаретова Ю. С., Атие Б. Мягкая Сила АКДН как угроза интересам России в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4 (61). С. 175-184.

187. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом: Институт демократии и сотрудничества: справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/konstantin_dolgov_prava_cheloveka_ne_terpyat_dvoynykh_standartov_191/

188. Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 54-73.

189. Харитонов А. И. «Мягкая сила» с китайской спецификой // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. №1 (7). С. 113-120.
190. Харитонова Е. М. «Мягкая сила» Великобритании. М.: ИМЭМО, 2018. 139 с.
191. Харитонова Е. М. Образование в политике «мягкой силы» Великобритании // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 397-402.
192. Харитонова Е. М. Эффективность "мягкой силы": проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48-58.
193. Харкевич М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 22-29.
194. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. № 2. С. 163-182
195. Центральная Азия возвращает себе роль времен Великого Шелкового пути. Sputnik Таджикистан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20230615/central-asia-rol-mir-1057734819.html>
196. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. Особенности силы как средства международных авторов [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». Режим доступа: http://society.polbu.ru/tsygankov_sociology/ch34_all.html
197. Чернышов Ю. Г. Исторический опыт использования государствами "мягкой силы": к итогам дискуссий // Известия АлтГУ. 2019. № 2 (106). С. 87-91.
198. Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан (на начало 2025 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: new.stat.gov.kz.
199. Ширяев Б. А. Украинский фактор в российско-американских отношениях // Управленческое консультирование. 2014. № 9 (69). С. 24-31.

200. Ягья В. С. Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. 2016. № 2 . С. 59-70.

201. 2020 Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann University of Pennsylvania [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks (дата обращения: 03.03.2022).

202. Bachrach P., Baratz M. Two Faces of Power // The American Political Science Review. 1962. Vol. 56, Iss. 4. P. 947-952 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/bachrach.pdf>

203. Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 2. P. 5-20.

204. Boulding K. Three Faces of Power. Newbury Park (CA), SAGE Publications Inc., 1989. 259 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/threefacesofpowe0000boul/page/n7/mode/2up>

205. Chan J. Democracy and Meritocracy: Toward a Confucian Perspective // Journal of Chinese Philosophy. 2007. Vol. 34. No. 2. P. 179-193.

206. Cox M. Soft Power and US Foreign Policy. London, 2010. 256 p.

207. Fattor E.M. American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization. Palgrave Macmillan. 2014. 241 p.

208. Ferguson. N. Colossus: the price of America's empire. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.

209. Gallarotti G. Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used // Journal of Political Power. 2011. No. 4:1. P. 25-47.

210. Gray C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // Strategic studies institute Monograph. 2011. 59 p.

211. Gubaidullina M. Sh., Paizova A. Russia's "soft power" policy towards Kazakhstan in the research field on Central Asia // Вестник Евразийского

национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2025. № 1 (150). С. 145-159.

212. Guzzini S. Structural power: The limits of neorealist power analysis // International Organization. 1993. Vol. 47. Issue 3. P. 443-478.

213. Klare M. Hard power, soft power, and energy power // Foreign affairs. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power>

214. Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // USC public diplomacy. Los Angeles, 2011. 51 p.

215. Lock E. Soft power and strategy. Development a strategic concept of power // Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32-50.

216. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. McGraw-HillEducation; 7 edition: 2005. 703 p.

217. Nye J. (Jr.) Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs (July/August, 2009). P. 63-66.

218. Nye J. (Jr.) Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008). P. 94-110.

219. Nye J. (Jr.) Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 2004. Vol. 119. No. 2. P. 255-270.

220. Nye J. America's soft learning curve [Электронный ресурс] // The Economist 20.11.2003. Режим доступа: <http://www.economist.com/node/2188803>

221. Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 336 p.

222. Nye J. In Mideast, the Goal is "Smart Power" // The Boston Globe, August 19, 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belfercenter.org/publication/mideast-goal-smart-power>

223. Nye J. Is the American Century over? John Wiley and Sons, 2015. 152 p.

224. Nye J. Jr. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone*. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 240 p.
225. Nye J. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616, *Public Diplomacy in a Changing World* (Mar., 2008). P. 94-109.
226. Nye J. *Soft Power and American Foreign Policy* // *Political Science Quarterly*, Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004). P. 255-270.
227. Nye J. *The Future of power*. N.Y.: Public Affairs, 2010. 320 p.
228. Nye J. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford University Press, 2002. 222 p.
229. Nye J., Armitage R. *CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America*. A report for the Center for Strategic & International Studies (November, 2007). 82 p.
230. Nye J.S., (Jr.) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.
231. Rugh W.A. *American Encounters with Arabs: The "soft Power" of U.S. Public Diplomacy in the Middle East*. Greenwood Publishing Group. 2006. 220 p.
232. Strange S. *States and markets*. A&C Black, 1998. 286 p.
233. Strange S. *The persistent myth of lost hegemony* // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 551-574.
234. Włodkowska-Bagan A. *Russian Foreign Policy towards Central Asia* // Stępniewski T. (ed.). *The New Great Game in Central Asia*, Lublin: Vistula University, 2012. P. 11–32 // Academia.edu. [Electronic resource]. Available at: https://www.academia.edu/6450718/Russian_Foreign_Policy_towards_Central_Asia
235. Womack B. *Dancing alone: a hard look at soft power* // *The Asia Pacific Journal: Japan Focus*. 2005.